

**Наведем порядок
в собственной
стране...**

**Удача любит
целеустремленных
и настойчивых**

**Секретная бригада —
50 лет на страже**

НА

8'2000

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

БОЕВОМ ПОСТУ

фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

20 августа — День Воздушного Флота

Из первых уст

Президент России Владимир Путин: **«Окончательной победой в Чечне станут мир и порядок»**

Красивый лайнер с бело-синекрасной раскраской фюзеляжа и массивным президентским штандартом на хвосте появился в вечернем кавказском небе на удивление бесшумно. Он сделал величественный круг над военным аэродромом Моздока и солидно, степенно, будто в унисон собственному статусу, приземлился. Тем самым, где еще часом ранее одна за другой садились усталые «вертушки» из Ханкалы и Гудермеса. Прокатившись мимо застывших в одном ряду штурмовиков, армейских вертолетов, транспортов ВТА, самолет Президента России остановился в отведенном для него месте у края ВПП и застыл в ожидании трапа.

Высокого гостя, который в этот день неожиданно для всех изменил маршрут своего очередного турне и перед самым возвращением в Москву решил посетить военную базу в прифронтовом районе, уже ждали региональные руководители Северо-Кавказской группировки войск. Владимир Путин проехал своим кортежем от трапа самолета до расположения войскового

штаба, а затем провел здесь совещание. Цитаты из выступления главы государства и его ответы на вопросы журналистов легли в основу этой публикации.

О положении в республике

За последнее время, особенно за минувшие 11 месяцев, в Чечне произошли кардинальные перемены. Мало кто представлял себе во время августовского вторжения бандформирований в Дагестан, что дальнейшие действия федеральных властей в регионе будут столь решительными. Сегодня уже и мировая общественность отмечает, что здесь произошли позитивные перемены. Но мы должны по-прежнему быть настроены на системную, сложную, методичную работу. Работу на длительную перспективу. Ликвидировать бандформирования — это полдела. Ведь в Чечне выросло целое поколение молодых людей, воспитанных в условиях насилия. И нужна, я бы так сказал, реабилитация населения. Нужна массированная поддержка и конструктивная работа. Не просто — гуманитарная помощь.

Работа будет серьезной. Но она в интересах не столько Чечни, сколько всей России.

О действиях войск

Сегодня активные боевые действия уже не ведутся. Проводятся специальные операции в ограниченном районе, в основном в горной части республики. Хорошо вооруженную, отобилизованную 25-тысячную группировку бандитов удалось разгромить, рассеять. Теперь их тактика — действия из-за спины, из-за угла. Но должен сказать, что и это мы пресечем, и эта часть контртеррористической операции будет закончена. У нас просто нет выбора. Это наша ответственность перед чеченским народом, перед всей Россией.

Сегодня мне бы хотелось выразить благодарность и признательность всему личному составу, принимавшему участие в этой тяжелой работе. Российские военнослужащие, скажу это без всякого преувеличения, проявили истинный героизм. Вообще, говоря о действиях войск, не могу не напомнить для всех, что руко-

водителем всей контртеррористической операции в Чеченской республике по-прежнему является министр обороны России Маршал Российской Федерации Игорь Дмитриевич Сергеев, который выполняет эти обязанности вплоть до моего особого распоряжения. Все силы, независимо от их ведомственной принадлежности, обязаны строго и неукоснительно подчиняться ему и выполнять все его указания.

О борьбе с преступностью

Касаясь деятельности МВД России, я в присутствии министра внутренних дел Владимира Рушайло хочу потребовать решительных, последовательных и настойчивых действий. Пора смелее переходить к системе комплектования формируемых в Чечне органов внутренних дел из числа самих чеченцев. Практика последних дней показала, что там, где действовали местные милиционеры, удалось избежать крупномасштабных трагедий, подобных теракту в отношении челябинского ОМОНа. Нужно доверять местным жителям такие ответственные участки, как борьба с терроризмом и экстремизмом. Новый руководитель республики Ахмад Кадыров прямо говорит мне: «Мы знаем, где эти террористы сидят, где находятся религиозные экстремисты. И мы их сами выловим». Многие из будущих чеченских правоохранителей уже принимали активное участие в освобождении своей земли от преступных элементов. Ценой своей жизни они восстановили доброе имя чеченского народа. Мы это помним, знаем и забывать не имеем права.

К тому же такая практика позволит уйти от системы крупномасштабного направления в Чечню ОМОНов и СОБРов из регио-

нов. Стоит активизировать работу и по развертыванию в Чечне бригады внутренних войск, которая профессионально работала бы в республике на постоянной основе.

О недоработках

Давайте прямо и открыто скажем: некоторых потерь в Чечне можно было бы избежать. Для этого нужны всего лишь дисциплина, ответственность, профессионализм. И от осознания того, что эти потери были необоснованными, становится еще печальнее...

Но претензии предъявлять легче всего. Сложнее выполнять реальные задачи, которые стоят сегодня перед военнослужащими Вооруженных сил, внутренних войск, перед сотрудниками органов правоохранения. Надо наращивать свои усилия и работать без истерик, без шапкозакидательства. Без победной эйфории. Здесь, кстати, и не может быть побед. Здесь может быть только позитивный результат, который в итоге должен выразиться в нормализации обстановки в республике и в регионе в целом. Это ведь наша земля, наши люди. И наш долг — навести здесь порядок.

О синдроме августа 1996 года

Те, кто предрекает сегодня повторение ситуации августа 96-го года, творят целенаправленную провокацию. Ничего общего с тогдашними событиями сейчас нет и не будет. Разница в том, что мы теперь полностью опираемся на поддержку чеченского народа, который устал жить под гнетом бандитов. А это главное и качественное отличие. Народ хочет мирной жизни, и мы поможем ему. И действия федеральных сил дают все основания полагать, что

задачи будут выполнены. У нас есть понимание и твердое убеждение в том, что если мы не покончим с очагом терроризма здесь, в Чечне, то завтра получим его в других регионах России. А страна подобных экспериментов позволить себе не может. Россия больше не позволит кому-то издеваться над чеченским народом. Не позволит и использовать чеченскую территорию в качестве плацдарма для нападения на соседние регионы. Ко всему этому возврата больше не будет.

О перспективах

Та проблема, над которой мы сегодня работаем здесь, я имею в виду ликвидацию терроризма, беспокоит весь мир. Не случайно в рамках Шанхайской пятерки мы сегодня (5 июля. — **Авт.**) говорили как раз об угрозе наступления международного терроризма. Но наводить порядок надо сначала у себя дома. Приоритет для России — решение своих внутривосточных проблем. Если мы не наведем порядок у себя в стране, то стать достойным членом международной семьи уже не сможем.

Работать на Кавказе мы будем, тесно координируя все усилия. Мне приятно отметить, что между руководителями северо-кавказских регионов складываются нормальные отношения. Хороший, конструктивный диалог идет между главами Чечни и Дагестана. А ведь такие же отношения должны быть и между народами. Здесь братские народы. И они должны жить в мире.

Записал майор
Дмитрий СЕМЕНОВ

Моздок

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

В Москве, на Калужской площади, около здания Министерства внутренних дел, открылся храм-часовня иконы Казанской Божьей Матери. Он задумывался как домовая церковь МВД для поминовения всех сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России, погибших при выполнении воинского долга. Об этом свидетельствует скульптурное изображение скорбящего ангела над входом в здание. Проект часовни разработан творческим коллективом под руководством известного скульптора Анатолия Бичукова. В его основу легли архивные чертежи и рисунки Казанского храма, находившегося на этом месте еще в XVII веке.

Год назад святейший Патриарх Московский и Всея Руси

Алексий II освятил закладной камень нового храма-часовни. Ровно через год Предстоятель Русской Православной Церкви совершил освящение возведенного храма-часовни и отслужил молебен.

Министр внутренних дел Владимир Рушайло передал храму-часовне напрестольное Евангелие и сохранившуюся икону Казанской Божьей Матери.

К участникам церемонии со словами поздравления обратился Президент России Владимир Путин. Он выразил надежду, что храм-часовня станет местом паломничества всех, кто будет помнить о наших товарищах, отдавших свою жизнь в борьбе за интересы России.

Будем помнить и мы их имена.

Список военнослужащих внутренних войск, погибших и умерших от ран в ходе контртеррористической операции на территории Чеченской республики

(Начало в № 1-7, 2000 г.)

АБДУЛГАЗИН Ильгиз Фанильевич, рядовой, 29. 05. 2000г.

БЕЛЕНЬКОВ Александр Сергеевич, сержант, 22. 05. 2000г.

БЕРСИРОВ Эльдар Рамазанович, старший лейтенант, 7. 07. 1999г.

ВАСИЛЬЯДИ Григорий Юрьевич, старший сержант, 19. 07. 1999г.

ГОРБАЧЕВ Павел Николаевич, рядовой, 25. 05. 2000г.

ГРЕШНОВ Сергей Гаврилович, старший прапорщик, 17. 06. 1999г.

ГРИБКОВ Валерий Викторович, младший сержант, 18. 07. 1999г.

ГУБИН Александр Владимирович, рядовой, 21. 08. 1999г.

ДЖИГЕРХАНОВ Рамис Гайдарович, рядовой, 6. 12. 1999г.

ЕМЕЛЬЯНОВ Максим Владимирович, рядовой, 21. 10. 1999г.

КОВАЛЕВ Валерий Валерьевич, старший лейтенант, 9. 06. 2000г.

КОЛОМИЙЦЕВ Андрей Иванович, ефрейтор, 17. 06. 1999г.

КРАПИВИН Алексей Александрович, ефрейтор, 29. 05. 2000г.

КУУЛАР Кан-Маодыр Кара-Кочелович, рядовой, 29. 05. 2000г.

ЛЕГАЕВ Алексей Николаевич, рядовой, 2. 06. 2000г.

МИСЮРА Александр Витальевич, старший лейтенант, 28. 05. 1999г.

МОВЕСЯН Карен Иванович, рядовой, 9. 09. 1999г.

НЕРСЕСЯН Захар Амирович, старшина, 18. 06. 2000г.

НЕЧАЕВ Сергей Александрович, ефрейтор, 29. 05. 2000г.

ОБЩАТ Виктор Станиславович, рядовой, 27. 05. 2000г.

ПАВЛОВ Вячеслав Владимирович, рядовой, 6. 12. 1999г.

РЕЗЕ Роман Петрович, младший сержант, 11. 09. 1999г.

РИСКУЛОВ Ринат Рифович, рядовой, 17. 06. 1999г.

САРАЕВ Сергей Викторович, рядовой, 6. 12. 1999г.

САЯХОВ Ильфат Нарисович, рядовой, 6. 12. 1999г.

СЕЛЮНИН Алексей Юрьевич, рядовой, 2. 06. 2000г.

СЕМЕНОВ Алексей Алексеевич, ефрейтор, 24. 05. 2000г.

СЕМЕНОВ Евгений Александрович, младший сержант, 9. 07. 1999г.

СМОЛИНСКИЙ Виктор Степанович, майор, 20. 06. 2000г.

СОЛОМЕНЕЦ Сергей Иванович, рядовой, 8. 08. 1999г.

СТЕПАНОВ Павел Азатович, рядовой, 12. 06. 2000г.

ТОЛСТОЙ Александр Федорович, старший лейтенант, 2. 06. 2000г.

УМЕРЕНКОВ Алексей Валерьевич, рядовой, 8. 08. 1999г.

ХАДЖИЕВ Бахтияр Мсаловиевич, рядовой, 17. 06. 1999г.

ХАЛАФЯН Эмиль Лендротович, ефрейтор, 24. 05. 2000г.

ХРИСТОФОРОВ Юрий Михайлович, капитан, 16. 06. 2000г.

ЧЕРЕПАНОВ Сергей Александрович, рядовой, 6. 12. 1999г.

ЧУШКИН Денис Николаевич, рядовой, 18. 06. 2000г.

ЮРГИН Владимир Владимирович, рядовой, 6. 12. 1999г.

Мы продолжим публикацию скорбного списка в следующих номерах нашей журналы

Спасибо всем, кто откликнулся на просьбу прислать воспоминания о наших погибших друзьях-сослуживцах. Работа над Книгой памяти военнослужащих внутренних войск продолжается. В публикуемом сегодня списке возможны неточности в написании фамилий, имен, дат гибели. Мы ведем переписку с родственниками погибших военнослужащих и с их помощью постепенно устраняем эти досадные недоразумения.

Свои воспоминания о боевых друзьях, родственниках, которые служили во внутренних войсках и погибли при исполнении воинского долга, их фотографии присылайте по адресу: 107120, Москва, Сыромятинский пр., 8. Редакция журнала «На боевом посту», Колесникову Сергею Сергеевичу.

Публикацию подготовили полковник Александр ГРИБ и майор Сергей КОЛЕСНИКОВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 8 ♦ 2000

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ — МВД России

ИЗДАТЕЛЬ — Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Е-250,
Красноказарменная улица, 9а

Редакция вправе сокращать и литературно
обрабатывать принятые к публикации
тексты.

Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

За достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций, за
достоверность рекламных объявлений —
рекламодатели, за качество печати —
типография.

Переписка с читателями ведется только на
страницах журнала.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический проезд, 8
Телефон для справок
361-81-71

Содержание

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Президент России Владимир ПУТИН:

«Окончательной победой в Чечне станут мир и порядок» 1

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

О. МАТУШКИН

Уральский спецназ в «садах Аллаха» 6
На крутом подъеме трудяга «бэха», надсадно взревев, забуксовала в глубокой рытвине. Гусеницы, бодро тащившие машину с мотострелками на броне по раскисшей от дождя грунтовке, вмиг утратили тяговую мощь, бешено, словно закипая злостью от собственного бессилия, расплескивали топкую, похожую на взбитые сливки грязь — сотрясающий корпус рывок, другой... десятый... Эх, путь-дорожка фронтовая, по уши увязли.

Ю. КИСЛЫЙ

Война окончена. Не кончилась война... 14
Сталкер весь напряжился, ухватившись рукой за пушку, подался вперед. Глядя по сторонам, неуловимо быстро, по-кошачьи крутит головой. Случайная встреча с бандитами маловероятна, а вот специально по наши души запросо могут прийти к речке Мартан разбойники из чащобы — угадываю опасения чеченца.

СЛУЖБА

В. АНИСИМОВ

У нас — только профессионалы. 20

В. ДУГАЕВ

Лучшие годы жизни. 22

В. ИВАШКОВ

50 лет на страже важных государственных объектов 23

В. БЕДРАТЫЙ

Ветераны всегда в строю 24

В. ГРОМОВИК

Быть ближе к человеку 26

Н. КАЗАКОВ

Горячая весна полковника Игнатенко 28

О. ДЕКУШ

Авиация под крылом внутренних войск 30

Недавно свое 45-летие отметила одна из частей по охране важных государственных объектов. В свое время ее сформировали для охраны и обороны сердца отечественной авиации — Центрального аэрогидродинамического и Лётно-исследовательского институтов (ЦАГИ и ЛИИ).

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

П. МАРТЫНЮК

Не вернулся из боя 32
«Если долго не будет писем — не думайте о плохом...» 33

Е. ЛОРИЯ, А. ЭДОКОВ

Генерал Романов, возвращайтесь из боя! . . . 36
Сразу же после взрыва весь тоннель заволокло дымом. Командирский «уазик» был просто грудой искореженного, разодранного в клочья металла. Вокруг разбросаны тела — раненые, убитые. В этом месиве из крови и разорванной одежды нельзя было понять, кто есть кто. Через несколько минут, когда прошел шок, стали раздаваться голоса: «Где Романов? Где генерал?» Его опознали только по ремню с генеральской пряжкой...

РЕТРОСПЕКТИВА

И. ГОРИСЛАВСКИЙ

Знаменитый серб в русской армии 52

Портрет Георгия Арсеньевича Эмануэля занимает достойное место в галерее Славы санкт-петербургского Эрмитажа среди выдающихся военачальников России прошлого столетия. Судьба привела его в Российскую империю, которой он служил верой и правдой...

ЛИТЕРАТУРА

В. СИЛКИН

Ветер звезды холодные тушит... (стихи) 56

Е. ПОСТНИКОВА

Чутьё (повесть) 58

Я его не ждал, не чуял, потому что он и сам был под кайфом. Он ударил сильно. Прямо в затылок. Тяжелым. Или у него кулаки такие... Все поплыло, и я схватился за косяк. Сейчас я тебя увижу, тварь. Медленно обернулся. Он стоял позади меня, и сияние абсолютной доброты, исходящее из его глаз, жутко не вязалось с кошмарным оскалом рта.

КАЛЕЙДОСКОП

Б. АБАКУМОВ

Записки добровольца 76

Моя четверка вышла выше строя бомбардировщиков и сразу ринулась в атаку сверху. Я брал в прицел сразу два Б-29 по стороне их ромба. В первой атаке дистанция открытия огня у меня была 1100 метров, выход из атаки — 400 метров. Последующие атаки по дистанции были вполуполу ближе к цели, от струй винтов бомбардировщиков даже переворачивало машину на спину.

Кроссворд 80

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ГЕРАЩЕНКО В.П.
(зам. главного редактора —
ответственный секретарь),
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАМШЕКИН Н.В.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ В.И.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., ПАНЧЕНКОВ В.В.,
ПЕТРОВ А.А., СЫСОВЕВ Н.Г.,
ТОНКОНОВ В.П., ФАТЕЕВ К.К.,
ШАРАПОВ Н.С., ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное
оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Оформление вклейки
ИСАЕВОЙ Г.А.

Верстка
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.
БУКАТКО В.С.

На 1-й странице обложки фото
Ю. КИСЛОГО

Благодарим
Государственный комитет РФ
по молодежной политике
за содействие в подготовке
иллюстраций этого номера
Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету "Ситуация" и сборник учебно-
методических материалов
"Войсковой вестник"

При перепечатке
материалов ссылка на наш
журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 2000

Сдано в набор 15.06.2000 г.
Подписано к печати 27.07.2000 г.
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 3800
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 14,2. Зак. № 1592
Индекс
для индивидуальных подписчиков —
70610
для предприятий и организаций —
73175

Ордена "Знак Почета" типография
"Красная звезда".
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

Из кавказского блокнота

В «садах Аллаха» был бассейн для плавания и маленькие коттеджи, сдававшиеся в наем. Пошлая фраза о том, что человек продает душу дьяволу, имела здесь вполне реальный смысл.

Э.-М. Ремарк. «Тени в раю»

УРАЛЬСКИЙ СПЕЦНАЗ В «САДАХ АЛЛАХА»

На железнодорожный вокзал Нижнего Тагила Таня не пошла. Во-первых, она сегодня дежурит по медпункту части, во-вторых, ее муж — капитан, командир группы спецназа Андрей Шумилов — с отрядом не приехал. Остался в Чечне.

И все же этот день и для Татьяны — особый. Она волнуется, не находит себе места. Встречу братишек-спецназовцев из длительной командировки она непременно посмотрит по телевизору. Причем несколько раз, переключая каналы, выискивая информационные выпуски. Таня давно живет новостями из района боевых действий. Каждое слово незнакомого человека с голосом автомата больно отдается в сердце, когда он тараторит об очеред-

ных потерях с нашей стороны. Сегодня хочется смотреть снова и снова. Хорошая новость — ребята вернулись! Кто-нибудь обязательно принесет Татьяне письмо от мужа.

Они знают друг друга давно. С того момента, когда Таню одели в армейский камуфляж и она превратилась в фельдшера отряда специального назначения. Но серьезные отношения завязались позже. Как раз в командировке — первой командировке отряда на Северный Кавказ.

Вернулись, сыграли свадьбу, и вот — снова в Чечню.

— Всего с момента его отъезда, — говорит Таня, — пришло восемь писем. Андрею давали двухнедельный отпуск, так что половину марта он был дома. Потом снова уехал. Почта там не

работает, поэтому все свои письма присылает через знакомых, которые приезжают домой каждый в силу своих обстоятельств. Я часто перечитываю его письма. Он вкратце рассказывает мне, что там у него происходит.

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ, РАЗГРОМ БАНДЫ БАРАЕВА

ИЗ ПИСЬМА КАПИТАНА А. ШУМИЛОВА: «3 января 2000 г. Ехали мы в Моздок, потом говорили про Гудермес, а оказались вообще черт знает где. Стоим сейчас возле Ачхой-Мартана. Это западная группировка возле гор. До Бамута осталось 3 км. Артиллерия не дает дышать, всю ночь по «зеленке» стреляют.

Выезжали под Алхан-Юрт — это недалеко от Грозного. Туда прорвались

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

300-500 боевиков. Вот мы и ездили на разборки с двумя ГСН и разведзвондом. Одну ночь ночевали в бригаде москвичей, еще две ночи — в окопах на берегу Сунжи. Выпал снег, дождь идет, короче — очень весело. Солдаты, да и мы тоже больше похожи теперь на куски грязи.

Так началась первая кампания уральского спецназа. Бойцы отряда свою командировку в Чечню разделили на два условных этапа, назвав каждый кампанией. По сути дела, это были две серьезные операции. Первая — разгром банды полевого командира Бараева.

Гонялись за бандитами долго. Около двух месяцев. Неоднократно сепаратисты попадали в засаду, умело организованную внутренними войсками. Еще чаще бараевцам удавалось уйти.

В этом нет ничего удивительного. Прекрасно зная местность, чеченцы умело этим пользовались и пользуются. Местные охотники проводили наемников по звериным тропам, и банда оказывалась там, где ее никто не ждал.

Костяк банды, как правило, составляют настоящие профессионалы. Головорезы с огромным опытом ведения боевых действий. Такие готовы воевать в любой точке земного шара, лишь бы деньги платили. Чечня для них — лакомый кусочек.

Ну и поскольку дело свое они знают твердо, то и обороняются, и атакуют по последнему слову армейской науки. Отдадим им должное — противник серьезный, дерется отчаянно, можно сказать, самозабвенно.

— У них хорошо подготовленные доты и дзоты, — говорит старший лейтенант Михаил Андреуце. — Опорные пункты напичканы самым современным оружием. У каждого боевика в кармане тетрадка с аккуратно оформленными конспектами по применению того или иного типа оружия, я нисколько не принижая их боевого мастерства. Да, они лихо стреляют из гранатометов и минометов, из автоматов и самодельных стреляющих предметов, но вся их безумная, имен-

но безумная агрессия основана на каком-то ужасающем фанатизме. Я не говорю о наемниках — эти знают, за что воюют. Чеченцы! Я видел их глаза — это глаза зомби.

Короткая справка. Старший лейтенант Михаил Андреуце — командир группы специального назначения. Мастер спорта по легкой атлетике. Входил в сборную страны, коронная дистанция — стометровка. Одним из первых в отряде стал обладателем крапового берета. Является председателем совета «краповых беретов» отряда.

— Наша задача зачищать территорию Чеченской республики от бандитов. Исходя из этого, нашу тактику борьбы с противником можно назвать челночной. Мы делаем дубли. Заходим в населенный пункт, нарываемся на боевиков. Тут же откатываемся на прежнюю позицию. Главная задача — сберечь парней, которых мамы дома ждут. Теперь по конкретной цели работает авиация и артиллерия. Делаем второй дубль, третий, сколько угодно, пока не обескровим банду, засевшую в селе. На ночь блокируем, а боевики стремятся найти лазейку для выхода.

Спокойной жизни у спецназовцев, конечно, не было. Боевики почти в каждом селе оказывали сопротивление. Иногда зачистка проходила мирно. Старейшины таких сел утверждали, что никогда не позволяли бараевцам заходить в их дома. Местные жители угощали солдат медом, молоком, орехами. Просили не уходить отсюда.

Первые по-настоящему большие проблемы у уральцев появились при зачистке Шаами-Юрта.

Рассказывает старший прапорщик Владимир Миронов:

— Ехали из Алхан-Калы. На следующее утро планировали быстро зачистить Лермонтов-Юрт, после обеда — Шаами. Думали, все пройдет без особых эксцессов, проскочим села и — на базу, хоть помоемся немного.

Заходим в село — все нормально. Тут дозорный увидел человека с автоматом. Запрашиваем по радиостан-

ции — кто такой? Может, армеец? Народу-то туда много нагнали, через минуту, когда начался шквальный огонь, поняли — не наш. Отошли. Закрепились. Отработала авиация. Пошли на второй дубль. Подполковника Донцова ранило. В общем, застряли мы в этом Шаами-Юрте. Быстрой зачистки не получилось.

На самом краю села оборону держал прапорщик Дмитрий Мамонтов с пятнадцатью армейцами. Так получилось, что боевики решили пробиваться к горам как раз на его рубеже, Мамонтов удержал оборону. С нашей стороны — ни одной потери. Боевики отошли. За собой они уносили много раненых и убитых.

Зачистили Шаами, переночевали и поехали на Катыр-Юрт. Помыться так и не удалось.

ИЗ ПИСЬМА КАПИТАНА А. ШУМИЛОВА: «7 января на нашем участке прорвались бандиты. Мы за ними гонялись часа три, наверное. Обратно уже возвращались и тут нарвались на неприятности. Передо мной шла БМД и подорвалась на фугасе. Двое моих солдат погибли на месте. Двое ранены, из них один — тяжело. Остальных взрывом из машины выкинуло, контузило многих. Леха Шемякин второй раз подорвался.

Остановились, постреляли, собрали всех и поехали дальше. Так вот получилось — в отряде первые потери. Стреляют тут каждую ночь, и это уже никого не удивляет».

Изрядно потрепал наш отряд бараевцев на этом участке. Не обошлось и без казусов.

Начальник штаба танкового батальона не согласовал свои действия с командиром отряда полковником Николаем Лобановым. Приказал «спецам» взять изгиб реки, речной аппендикс, в котором отлеживались бандиты.

Задачу выполнили, бандитов уничтожили, рассеяли. А тут командир по рации: «Как вы там оказались?! Кто приказал?» Бойцы объяснили, так, мол, и так: все в порядке, танки на

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

подходе, будут работать по «зеленке». Короче говоря, командир остался доволен. Операция по удалению аппендикса прошла успешно.

Всю первую кампанию, да и в дальнейшем уральский спецназ действовал параллельно с «росичами». Не единожды бойцы помогали друг другу, выручали из беды, вытаскивали, прямо скажем, с того света. Так было и в Катыр-Юрте, где остатки банд Бараева буквально нарвались на умело подготовленную засаду.

— Нам определили участки работы. «Росичам» — свои, нам — свои, — вспоминает старший лейтенант М. Андреуце. — Вообще за время командировки мы с ними очень сдружились. Так вот. Катыр-Юрт — крайне неудобное для взятия штурмом село. Расположение его играло на руку боевикам. Первый дубль прошел совместно с СОБРом и ОМОНОм. Операция была тщательно разработана. Мы спровоцировали бандитов выйти к реке, русло которой контролировали. Не вдаваясь в подробности, скажу, что мы просто завлекли их в ловушку. Выйдя к реке, противник не ожидал, что наш отряд окажется так близко. У них челюсть отпала. Нас разделяли сто метров, поиграли мы тогда в тир!

Нужно сказать, здесь впервые отличился старший стрелок-гранатометчик ефрейтор Дмитрий Рычков. Впоследствии он совершит еще много подвигов, погибнет смертью храбрых и будет представлен к Звезде Героя.

ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕФРЕЙТОРА РЫЧКОВА К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: «Одна из групп отряда при проведении зачи-

стки возле населенного пункта Катыр-Юрт попала под внезапный огонь боевиков, ведущий со стороны здания школы. Продвигаясь по улице, Рычков услышал пулеметные выстрелы. Не раздумывая, отважный боец бросился на помощь попавшему под обстрел подразделению. Умело маскируясь, используя скрытые участки местности, ефрейтор Рычков сумел обойти укрепления бандитов с тыла и внезапно, в одиночку, прицельными выстрелами из подствольного гранатомета уничтожил пулеметный и гранатометный расчет противника. Тем самым сохранил жизнь бойцам обстреливаемой группы и обеспечил ее дальнейшее продвижение».

Изрядно потрепанные бандиты спрятались в подвалах, чтобы залезать раны и ночью, если повезет, с помощью проводников уйти из села.

Наши закрепились на рубежах, блокировали район, выставили посты. Необходимо было отдохнуть. Одну треть села контролировали «росичи», половину — армейцы. Оставались, конечно, пяточки, где прятались бандиты. На следующее утро их уже не было. Они испарились, исчезли.

Солдаты, призванные защищать Родину, искренне удивляются: зачем

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

чеченцам воевать? Выходцы из забытых и умирающих российских деревень поражались богатству мятежной республики. Добротные дома, огромные земельные угодья, ковры, телевизоры, спутниковые антенны, компьютеры... Такого изобилия они еще не видели.

А вот еще какую особенность заметили военнослужащие. В чеченских подвалах и полуподвалах они находили массу старых советских денег, просто в макулатуру можно сдавать. Кроме этого — пятаки. Горы пятикопеечных монет неизвестно для чего собранных.

... Банду Бараева преследовали до Гехи-Чу. Прошла зачистка. Боевиков не нашли. Да и кто их найдет? Паспорта с пропиской имеются у всего мужского населения, а то, что он боевик — у него на лбу не написано.

ИЗ ПИСЬМА КАПИТАНА А. ШУМИЛОВА: «8 февраля. Мы наконец-то вернулись с операции, прошли Алхан-Калу, Лермонтов-Юрт, Валерик, Шаами-Юрт, Катыр-Юрт, Гехи-Чу. У меня один раненый — сержант Демидов. Капитан Горбунов, особист из Екатеринбурга, на полчаса зашел ко мне на позицию, где и погиб. От руки снайпера. Как мы жили и воевали — долго рассказывать. Всего и не припомнишь».

ВТОРАЯ КАМПАНИЯ. ТЕЛАЕВСКАЯ ОБОРОНА

Начало второго этапа одиссеи уральского спецназа не предвещало ничего хорошего. С пятого на шестое марта 7-й отряд при зачистке Комсомольского попал в засаду. Первая группа «росичей» была фактически уничтожена.

— А мы от них, как я уже говорил, не отставали, — вспоминает старший лейтенант М. Андреуце. — Так и подумали: скоро нас дернут. 7 марта отряд подняли, и мы поехали на зачистку гелаевской вотчины.

По приезде отряд полковника Н. Лобанова сразу встал в оцепление.

Идет блокирование населенного пункта. С утра — определение задач, выдали карту местности, все по уставу, как положено, без сучка и задоринки.

Авиация и артиллерия давно принялись за дело, но еще было видно, какой неопишуемой красоты это село. Ну просто «сады Аллаха»! В центре возвышается коттедж Гелаева, который, как сказали танкисты, прямой наводкой не прошибешь. Не дом, а крепость.

В бинокль отчетливо видно, как в минуты затишья по улицам спокойно расхаживают боевики.

Почему они не оставили Комсомольское? Несмотря на огромные потери, бандиты держали оборону. Существует много версий: некуда было отступать, защищали свой госпиталь, а еще якобы именно здесь находился золотой и валютный запас боевиков. Скорее всего мы никогда не узнаем, что в действительности заставило боевиков так яростно сопротивляться войскам.

Уральцы освободили из плена солдата, которого сепаратисты заставляли ухаживать за ранеными. Так вот, этот боец рассказывал ужасные вещи. Говорил, что боевики сражаются до последнего патрона. Свои раны они перевязывали алюминиевой проволокой, поскольку бинтов уже не было. Устоять на ногах помогали сильнодействующие наркотики. Но процесс гниения этим не остановишь. В местах скопления бандитов невозможно было находиться от невыносимой вони.

Пленные солдаты по-настоящему боялись, что изголодавшиеся головорезы их попросту съедят. С питанием у них действительно плохо. На день выдавалась горсть пшеницы и кусочек какого-то мяса.

И все же боевики не уходили, предпочитая умирать на месте.

Однако и военнослужащие показывали чудеса мужества и героизма. Они не спасовали перед обезумевшим врагом. Атака за атакой, дубль за дублем они продвигались по улицам Комсомольского. Каждый метр давался кро-

вью, каждый дом — крепость, каждый сад — безымянная могила.

— Из укрытия по открытой местности «духи» работают четко, — рассказывает старший лейтенант Олег Семахин, — группами по три человека. Действует гранатометчик по бронетехнике, по нам, по дому — неважно. Его прикрывает пулеметчик — он прижимает пехоту к земле, а автоматчик добивает. Невозможно голову поднять, не то что активно штурмовать. Сразу — труп. Против них был только один прием. Он назывался «ефрейтор Рычков». Дима всегда появлялся в нужном месте и в нужное время. Кладет нохчей — и его уже не видно. Он в другом месте их кромсает.

Первый штурм Комсомольского и первые тяжелые потери. Шли цепью, вот и рубеж, который необходимо занять. Здесь возвышенность, спецназовцы все как на ладони, огород — соток двенадцать и шквальный огонь. Отойти? Нет, боевики знают нашу тактику, поэтому заранее продумали, как отрезать нам пути отхода.

Ранило Виктора Руденко, ефрейтора Олега Немчинова, сержанта Андрея Зюбина — прямо в лицо. Наконец отошли. Ночевали в домах на краю села.

— 9 марта действуем по прежней схеме, — говорит старший лейтенант М. Андреуце. — Правда, нам придают танки. Наши «шестьдесятдвойки». Дали БТР, БМП. Идем по той же улице, идем аккуратно. Поступила команда закрепиться. Получилось, что мы оказались намного дальше подразделения, которые двигались по левому берегу реки. Они там застреляли, и, похоже, надолго, продвинуться им не давала высота, с которой постоянно лупили «духи».

Уральцы прошли 150 метров. Помогли танки, а в особенности танк под предводительством Петровича. Все, у кого бы я ни спрашивал, восхищались мужеством отважного танкиста, но никто не вспомнил его имя и фамилию. Просто Петрович.

До своего ранения он работал в паре с обладателем крапового берета ефрейтором Александром Флаумом. Не-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

мец по национальности, рожден в Казахстане, призван из Тюмени и просто замечательный вояка. Вот что он рассказывает:

— Дошли до гелаевского дома. А там такой неудобный перекресток. Кругом коттеджи и сараи, а меж ними открытая площадка. Нам как раз «Шмели» привезли. Вот у меня такая штука была. Сколько боеприпасов подвезут, столько я выстреливал. Петрович на своем Т-62, как из автомата — по три боекомплекта за операцию, а я в день — больше ста выстрелов. Надо было Петровичу помогать. Он своим стволом может снести лишь верхнюю часть дома, а я дорабатываю низ. В башке звенит, ни хрена не слышу. Только приготовился, а меня зовут: «Флаум, беги стреляй, «чехи» окружают!» Ребята меня прикрывают, а я бью и бью. Бандиты мне из подвала: «Аллах акбар! Аллах акбар!» Я сначала исчерпал весь казахский мат, потом весь русский. Стреляю-то часто. Семь секунд на перезарядку. Ага. Они мне: «Аллах акбар!» А я в ответ: «Иисус Христос — суперзвезда». И — бум! Жалко, что Петровича ранило.

ИСТОРИЯ РАНЕЕНИЯ ПЕТРОВИЧА

Приданный спецназу Петрович имел за душой не только надежный советский танк Т-62, но и не менее надежный американский стальной шлем, который, по его разумению, стоил нехилых денег.

Но он ему постоянно мешал. В нем было жарко и неудобно, хотя на вид шлем был по-иностранному красив и элегантен.

И вот однажды Петрович отдыхал от ратных трудов в полуразрушенном доме. Тут — обстрел. Именно этого злосчастного дома. Впопыхах танкист забыл о головном уборе и покинул негостеприимные стены.

А потом! Потом за голову схватился: где же шлем? Мне за него отчитываться в десятикратном размере. Он же государственный, дорогой, наверное!

Горевал Петрович долго. А тут еще приказ: группе капитана Рашида Хуса-

инова выбираться на базу. Но танкист ни за какие коврижки не хотел уходить без шлема. Во время огневого затишья он все-таки забрал дорогой предмет, надел его и больше не снимал.

Начался минометный обстрел. Бандитские мины сыпались с неба, будто град.

Путь к отступлению преграждала сетка рабица. Старший прапорщик Владимир Миронов и Петрович понимали: так просто ее не перемахнешь. Решили идти напролом, напором повалили ограждение... И в этот момент в десяти метрах ухнуло. Миронов получил минно-взрывную травму, перелом ноги. Петровичу осколком сломало челюсть. Другой же осколок угодил прямо в голову. Американская каска прогнулась, но спасла своего хозяина от неминуемой гибели.

Не зря, видно, он вырчал ее из чеченского плена.

И еще пару слов о талантах наших танкистов. Этот факт из области очевидного, но невероятного.

Поехали два новеньких танка по улице Комсомольского. Красиво так шли, по науке. Башнями вертят, боевиков пугают. Рядом пехота для прикрытия. Вдруг — засада. Гелаевцы появились, как всегда, ниоткуда. Начали обстреливать технику из гранатометов. Дрогнули танкисты. Первая машина сдала назад, развернулась, ища путь к отступлению, и на глазах у изумленной публики переехала через другой танк. Перемахнула через него. Техника у нас, конечно, надежная, но подобный трюк, как утверждают специалисты, можно повторить только в состоянии аффекта.

КРОВАВЫЕ РОЗЫ

На войне, это подтвердят бывалые вояки, случается такое, что обычному человеку и во сне не приснится, на войне всегда есть место подвигу. Село Комсомольское — не исключение. Каждый день боев можно считать подвигом, но было и такое, от чего, может быть, не слишком сентиментальные бойцы спецназа и те вздрогнут.

Командир взвода специального на-

значения прапорщик Сергей Вернигор сказал: «Об этом обязательно надо рассказать. Об этом будут помнить все в нашем отряде, пусть знают и другие».

Пост гранатометчика рядового Евгения Березина находился на улице, на окраине села. Задача ясна: вести наблюдение, не дать пройти бандитам.

Примерно в половине шестого утра солдат заметил, что в его направлении движутся три силуэта. Может, разведка? Нет. На всякий случай спросил пароль. Молчок. Он тут же сообщил о незнакомцах в группу под началом старшего лейтенанта О. Семахина. Позже выяснится, что Березин спас от неминуемой гибели своих отдыхающих в это время товарищей.

Солдат уже отчетливо видел трех вооруженных до зубов бандитов с черными повязками на головах. Смертники. Они шли в полный рост, словно в психическую атаку.

Березин и глазом не моргнул. С ходу уничтожил одного боевика, второго смертельно ранил. Третий успел забежать за стоявший недалеко трактор, а затем дополз до изгороди и оттуда открыл огонь. Ему удалось тяжело ранить солдата. Березин истекал кровью, но продолжал отстреливаться. Его сослуживцы уже были на ногах. Первым подоспел рядовой Бортнов. Своим телом он заслонил братишку от пуль боевика, но сам был ранен в спину. Кровь фонтаном брызнула на росшие рядом розы. Страшная картина открылась спецназовцам, когда первые лучи солнца заиграли в лепестках прекрасных цветов: кровавые розы леденили душу и были ужасающе красивы.

Третий боевик вскоре был уничтожен группой Андреуце, но самое главное, что за тремя смертниками, которые являлись, по сути дела, головным дозором, шли еще более шестидесяти душегубов. Благодаря самоотверженным действиям Березина и Бортнова этот отряд боевиков отошел. Герои предотвратили большую опасность.

Друзья павших солдат поклялись расчитать за гибель товарищей.

В это время сержант Валерий Ки-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

таев находился в моздокском госпитале. Как только узнал о случившемся, он первым же бортом вылетел в отряд. «Ни шагу назад, отомстим за ребят» — такое решение принял отряд.

Вскоре бойцам представился такой случай.

Глухой ночью изумленные бойцы заметили, как мужчина, обвешанный оружием так, что в свете луны казался дикобразом, ведет под уздцы кобылицу. Вот это наглость!

Кобылу, конечно, жалко, но с наглым «дикобразом» уральцы разобрались по-своему. На свету зверь оказался большой птицей, не кто-нибудь выходил из Комсомольского, а главный начальник всего чеченского спецназа — господин Идигов.

Много трофеев тогда с него сняли. Кучу всякого элитного вооружения, особенно запомнилась снайперская винтовка, которая, как утверждают знатоки, на черном рынке стоит аж 6 тысяч долларов.

И шеврон тоже отодрали, на нем — красный пикирующий ястреб и латинскими буквами что-то про «нохчай спецназ республики Ичкерии».

Поквитались братишки сполна. На войне ходят слухи, что за одного убитого «кrapовика» боевику положен гонорар в размере 10 тысяч долларов, за обладателя зеленого берета — пять. Возможно, это легенда. В любом случае мы эти деньги не считали, но во сколько бы оценили нохчи своего командира? Было бы интересно узнать.

ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ

ГСН старшего лейтенанта Андреуце пострадала больше других. Только убитыми потеряно пять человек. И все погибли геройской смертью. Среди них ефрейтор Дмитрий Рычков.

Не секрет, что бандиты стреляют неплохо. Они даже не задумываются, как хорошо владеют оружием. Этот талант у них с рождения, но гранатометчик-спецназовец Рычков, простой уральский парень, стрелял гораздо лучше их. И хитрее был, и умней.

В мирной жизни, на учениях его не

заметишь. Скромный молчун. Даже застенчивый. Зато воевал славно!

ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕФРЕЙТОРА РЫЧКОВА К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ РОС- СИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

«6 марта 2000 г. ефрейтор Рычков Д. Л. в составе отряда специального назначения был переброшен в район села Комсомольское Урус-Мартановского района. Ежедневно участвуя в разведывательных и специальных операциях по зачистке села от банды Гелаева, смелый воин неоднократно проявлял личное мужество и отвагу. Так, в ночь с 8 на 9 марта Рычков выполнял боевую задачу старшим группы боевого охранения в районе южной окраины села Комсомольское. Около 2 часов ночи он первым заметил боевиков в количестве 30 человек, пытающихся под прикрытием темноты прорвать боевые порядки отряда и выйти из кольца окружения. Несмотря на численное превосходство противника, отважный воин совместно с рядовыми Пановым А. Н. и Пономаревым Н. В. не испугавшись принял бой. Огнем из своего автомата ефрейтор Рычков Д. Л. в условиях ночи лично уничтожил трех боевиков. В ходе боевого столкновения бандиты, используя разрушенные строения на окраине села, стали обходить огневые позиции спецназовцев с левого фланга. Мгновенно оценив обстановку, разгадав замысел врага и приказав боевым товарищам оставаться на занимаемых позициях, он переместился и занял выгодную позицию на левом фланге. Подождав, когда противник приблизится к нему на расстояние броска гранаты, действуя внезапно, мужественный боец забросал крадущихся ваххабитов гранатами. Уничтожил за несколько минут более семи боевиков, тем самым обеспечив выполнение поставленной боевому охранению задачи, так как остальные боевики отступили.

15 марта в ходе штурма одного из укрепленных районов на западной окраине села Комсомольское группа, в которой находился ефрейтор Рычков, столкнулась с ожесточенным сопро-

тивлением банды Гелаева, численность которой более чем в десять раз превосходила спецназовцев. В распоряжении оборонявшихся бандитов были все виды стрелкового оружия, а также ГП-25, РПГ-26 и 120-мм минометы. Огонь боевиков был настолько плотным, что спецназовцы не могли эвакуировать с поля боя раненых и погибших товарищей. Боевая позиция солдата находилась в обломках разрушенного здания. Он пытался подавить огневые точки противника, но как только мужественный воин открывал стрельбу, со стороны врага по его позиции наносился гранатометный и минометный огонь. Понимая, что группа несет большие потери, находясь на самом опасном участке расположения спецназовцев и чувствуя ответственность за жизнь боевых товарищей, мужественный воин под непрерывным огнем противника, рискуя собственной жизнью, совершил невозможное. Используя скрытые участки местности, постоянно меняя местоположение, укрываясь в развалинах домов и воронках от разорвавшихся снарядов, ефрейтор Рычков сумел максимально приблизиться к укрепленным позициям боевиков. Выбирая наиболее важные цели, в одиночку отважный спецназовец прицельными выстрелами из ГП-25 и огнем из автомата уничтожил два минометных расчета и трех боевиков, тем самым дав возможность подразделению усилить эффективность стрельбы по врагу и провести перегруппировку для дальнейшего выполнения поставленной задачи. По его огневой позиции бандиты открыли шквальный огонь. Получив осколочное ранение от разорвавшейся рядом с ним гранаты, превозмогая боль и не имея возможности сменить свое местоположение, мужественный боец продолжал вести прицельную стрельбу по врагу, прикрывая товарищей, выносящих из-под огня раненых спецназовцев».

К сожалению, в официальном представлении ни слова не сказано еще об одном герое — помощнике Димы. Ведь именно он, обыкновенный

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

солдат Александр Гвоздев, перезарядил все разящий гранатомет Рычкова.

Смертоносный для бандитов дуэт работал слаженно, пока совершенно случайно отважные бойцы не столкнулись нос к носу с противником. В хаосе боя ребята не сориентировались и оказались в двух метрах от «духов».

Рядовому Гвоздеву повезло. Он выжил. Бог его берег.

Сержант Сергей Семенов рассказывает:

— Первым его старшина заметил — идет человек, руками машет. Смотрим — Гвоздев идет. Пули свистят с обеих сторон, мины рвутся, а ему нипочем.

Ни один осколочек его не задел. Поле большое, а он идет медленно-медленно. Мы к нему навстречу. Подбегаем, глядим — у него нога перебита. Как же он шел? Чудеса какие-то.

Сейчас Гвоздев находится в московском госпитале. У него тяжелейшие ранения.

Что касается Рычкова, товарищи долго не могли забрать его тело. Почти неделю невозможно было вынести с поля боя еще одного погибшего — старшего прапорщика Василия Юрьева. Только благодаря военнослужащим-добровольцам, помощи танкистов ни одного спецназовца, будь он

«200-м» или «300-м», не забыли. Забрали всех.

Такова главная традиция спецназа. Сам погибни, но товарища вытащи!

НАША ВЗЯЛА!

Зачистка закончилась на той же улице, где и начиналась. Полковник Николай Лобанов подсчитал людей. Негусто. Из четырех групп укомплектовали две.

Между тем на левом берегу ничего,

по большому счету, не изменилось. Бойцы стояли в районе кладбища, а недобитые боевики, обороняясь, методично забрасывали могилы своих предков всем имеющимся в их арсенале железом.

Село давно из сада превратилось в непонятное месиво из кирпича, железа и трупов. «Непримиримые» еще сопротивлялись, отсиживаясь в подвалах.

— А подвалы у чеченцев знатные, — говорит сержант Эдуард Искалиев. Будучи в боевой командировке, он подписал контракт. Решил служить в отряде командиром отделения. — Это не подвалы даже, а подземные городки. То, что ты туда гранату бросил, ничего не значит. Одно такое бомбоубежище мы два дня брали. А когда зашли туда — мама родная! — там аккумулятор, телевизор, залежи новенькой формы, стволы, «граники».

В двадцатых числах эвакуировали командира отряда. Сильнейшая контузия.

Подчиненные, вспоминая о нем, говорят самые добрые слова:

— Для нашего командира важен человек. Существует много разных путей для достижения цели. Лобанов считает, что главное при этом сохранить жизнь солдату, офицеру. Да, он может кому-то показаться жестким, но мы же на вой-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

не. Слабина здесь ни к чему. Иначе — грош цена такому командиру. Справедлив — это не опровергнет никто. Если взгреет кого, так за дело. За свои слова он отвечал, но и спуску не давал.

Таково мнение военнослужащих, ходивших с этим человеком в атаку. Они желают своему командиру скорейшего выздоровления.

Но вернемся в Комсомольское. Ситуация там с каждым днем менялась.

— Появилась техника. Подошли «саушки» и «Буратино», — рассказывает старший лейтенант М. Андреуце. — Начали как положено обрабатывать этот проклятый левый берег, пошел новосибирский спецназ. Все вроде зачистили. «Духи» стали сдаваться. Причем большими партиями. Снова зачистка. Снова сопротивление. Снова «саушки». Наконец 22 марта операция завершилась. Куда делся сам Гелаев, я могу только предполагать.

Что говорят солдаты, какие чувст-

ва их переполняют от всего пережитого? Они немногословны. Спецназовцу грех жаловаться на судьбу. Он научен биться и побеждать. Всегда и в любых ситуациях.

У наших ребят осталось одно чувство — скорбь по погибшим товарищам. Что касается страха...

— От страха никуда не спрячешься, — говорят солдаты почти хором. — Но в бою страх куда-то пропадает. Есть цель, и ты ее достигаешь. А на поле боя часто думаешь не о себе, а о близких тебе людях, о матери. За нее больше боишься. Как она? Еще хотелось бы, чтобы государство о

нас немного чаще вспоминало.

23 марта отряд наконец помылся в бане. Не успели очухаться — новая вводная: необходимо заблокировать самашкинский лес.

Сказано — сделано, шестьдесят человек обеспечили огневое прикрытие, зарылись, стали ждать. Глядишь, а тут и смена подъехала. Здорово, братки!

ИЗ ПИСЬМА КАПИТАНА А. ШУМИЛОВА: «8 апреля. Вечером 10 апреля наши уезжают. Вот решил заранее написать. Дела у меня средние, после этого Комсомольского в группе ни фиги найти не могу. Ни тебе личного состава, ни имущества. Даже, блин, палатку забрали для женщин, живем теперь с солдатами. Олег Семахин и восемь бойцов сидят на блокировании самашкинского леса. Нам обещают скорую зачистку этого лесочка. Говорят, там человек 500 «духов» лазит. Так что у меня все нормально».

ЭПИЛОГ

На месте постоянной дислокации после семи дней пути военнослужащие чувствовали себя нормально. Беспрекословно подчинялись командирам, один даже заметил, мол, дембеля, а ведут себя как первогодки.

Командующий внутренними войсками Уральского округа ВВ МВД России генерал-лейтенант Е.В.Баряев вручил каждому солдату и сержанту знак «За отличие в службе», благодарностью от Верховного Главнокомандующего, поблагодарил за проявленное мужество и добросовестное выполнение конституционного долга.

Памятное фото — и все доблестное воинство может разъезжаться по домам.

Последние хлопоты, оформление документов. Ефрейтор Флаум хлопочет, чтобы в военный билет внесли запись на право ношения крапового берета. Я прощаюсь со славным гранатометчиком. А он разоткровенничался:

— Моему другу — Антону Чередниченко — пуля пробила цевье автомата. Навылет прошла между стволом и поршнем. Везло нам. Другим вон как досталось... А тут, я смотрю, другая жизнь. Как неловко мне было на вокзале, когда нас встречали. Лучше бы мы ночью приехали, не видели бы ни оркестров, ни цветов. Такое внимание! Не знаешь, как реагировать. Там — все привычнее. Теперь я не знаю, как с девчонкой разговаривать. Зачерствел совсем. Нам так жалко было оставлять пацанов на смену. Они же новички в этом деле. Как они там без нас?!

Вот такой он дембель-спецназ весны двухтысячного, вернувшийся из «садов Аллаха».

Капитан Олег МАТУШКИН

Фото автора
и майора В. ФЕДЕНКО

Кавказский дневник

А на войне как на войне,
А нам трудней того вдвойне...
Игорь МОРОЗОВ

**ВОЙНА
ОКОНЧЕНА.**

**НЕ КОНЧИЛАСЬ
ВОЙНА...**

НА КРУТОМ подъеме трудяга «бэха», надсадно взревев, забуксовала в глубокой рывтине. Гусеницы, бодро тащившие машину с мотострелками на броне по раскисшей от дождя грунтовке, вмиг утратили тяговую мощь, бешено, словно закипая злостью от собственного бессилия, расплескивали топкую, похожую на взбитые сливки грязь — сотрясающий корпус рывок, другой... десятый... Эх, путь-дорожка фронтовая, по уши увязли.

— Будь ты неладна, колдоё...на проклятая, вместе с этой трассой и всей Чечней! — весело скалясь, ругнулся «мех», седой усач-контрактник с воинственной наколкой на плече «Soldier of fortune». И, сдвинув косынку, крикнул бойцам: — А ну слазь, окопный народ!

• За штурвалом — удачливый солдат • Сталкер ведет в Зону • На западном «фронте» без перемен • Настрой один — давить шакалов нещадно • Повсюду следы фронтовой полосы • Найти и уничтожить • Где скрывается Мурка? • Конец «волчьего» логова.

Плотно завтракаете, славяне. Перегрузочка!

Славяне нехотя спешили, хлюпая берцами по жирной грязи, зашли за корму — упереться плечами: раз, два, взяли! Но механик-водитель проворно управился без помощи «пассажиров». Сбросившая вес БМП фыркнула солярой и, набрав обороты, вы-

ползла из болотца на колею. Следом за ней без особых усилий преодолел неожиданное препятствие толстоколенный «Урал» с питерскими омоновцами и чеченскими милиционерами в кузове.

— Лиха беда начало. Дальше резвее дело пойдет, — переводит взгляд с будто залитой сливками колдобины

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

на «бэшку» и ее удачливого хозяина подполковник Али, сотрудник Северо-Кавказского РУБОПа, возглавляющий оперативно-поисковую группу. И, вопрошающе вскинув подбородок, поворачивается к сидящему на башне сталкеру: — Как считаешь?

— Тут самое трудное место. Дальше будет нормально. Не застрянем. Говорил вам, да: река в ущелье неглубокая, спокойно проедем по руслу.

Надо было видеть в эту минуту глаза чеченца-проводника — укрывшего лицо под спецназовской маской юрко-го коротышки, которому я по неволь-но возникшей ассоциации мысленно дал прозвище героя одноименного фантастического фильма, хотя между ними нет никакого сходства. Глубоко запрятанные в зрачках страх, беспокойство, а на поверхности — светли-вая услужливость и одновременно важность от сознания собственной значимости. И еще что-то неуловимо скользкое, потаенно-лукавое, харак-терное для многих соглядатаев-ин-форматоров из местных, когда они бо-жатся в правдивости своих слов. При всем уважении к роли нашего добро-вольного помощника такие глаза не внушают доверия. А может, и зря гре-шу на проводника. Скорее всего мужичок он свой; натерпевшись, как и все простые трудяги, от масхадовско-басаевского режима, готов теперь слу-жить федеральной власти не за страх, а за совесть. Впрочем, и при самых до-брых намерениях, как бы ни демонст-рировал свою преданность маленький сталкер, в отличие от проводника по Зоне, напичканной ловушками таин-ственных пришельцев, он не в силах уберечь военных и сотрудников МВД от вполне реальных, бандитских, ло-вушек в зоне поиска. Да и не его это обязанность. У сталкера другая зада-ча...

Склоны окрестных гор, точно поя-занные лентами лбы «воинов ислама», покрыты густой «зеленкой». Чем даль-ше в ущелье, тем больше мест, удоб-ных для устройства засад. На расстоя-нии десяти шагов, начиная от обочин дороги, притаившегося в зарослях

врага не разглядеть. Даже самому гла-застому наблюдателю. Вот уж точно застрянем на полпути, не успев завер-шить начатое дело, ежели на дневную охоту выберутся из своего логова ма-терые «волки» с пулеметами и броне-бойными трубами. По полной про-грамме долбежка пойдет. Такие тре-вожные мысли наплывают в унисон с завываниями машин, нырнувших гу-сеницами и колесами в бурливый реч-ной поток.

ТАЛКЕР весь напряжился, ухватившись рукой за пушку, подался вперед. Глядя по сторо-нам, неуловимо быстро, по-ко-шачьи крутит головой. Случай-ная встреча с бандитами маловероят-на, а вот специально по наши души запросто могут прийти к речке Мар-тан разбойники из чащобы — угады-ваю опасения чеченца. В каком на-правлении следует группа, наверняка уже знает все село Мартан-Чу. На ок-раине, не доходя до армейского опор-ного пункта, стайка местных парней будто специально поджидала. Пока дорога не свернула за поворот, чувст-вовал спиной недобрые взгляды, таив-шие угрозу. Сигнал по радиации «дети-м братьям», и... Правда, в последнее вре-мя скопления «духовских» отрядов тут не наблюдалось. Разве что какие-ни-будь бродячие «индейцы» кучкуются поблизости в надежде отработать «зе-леные» легкой добычей. Или сельские отморозки, вытащив из схронов ство-лы, окольными тропами выдвинутся наперерез — пугнуть федералов. А то и — чем шайтан не шутит, когда Аллах спит! — фугасный сюрприз на давно неезженной дороге, адресованный войсковым разведчикам...

Да что гадать о вариантах бандит-ских подлянок! Гляди в оба, зри в три, на десять шагов вперед просчитывая свои действия, дабы упредить супо-стата, метким огнем ответить на огонь, показать силу русского боя. Про-то заботушка бывалого солдата-кав-казца, бдящего на броню и в окопе, к тому — мысленный напряг генерала, планирующего специальную опера-цию, для этого — пахота штабного

офицера и отца-командира, ради это-го — невидимая постороннему глазу работа милиционера-оперативника и сотрудника ФСБ. Война вроде как окончена — крупные бандформирова-ния разгромлены и рассеяны, но с за-вершением решающей фазы контр-террористической акции в Чечне не кончилась война. Недобитые «духи», а счет их — на тысячи, не собираются втыкать штыки в землю: за «газават» щедро уплачено, жажду мести умело подогревает пропаганда блефующих главарей. В оружии, боеприпасах то-же нет недостатка, запаслись с расче-том на затяжную партизанскую борь-бу, а нужда возникнет — подкинут свои или забугорные радетели. И над новой тактикой голову ломать не при-ходится. Все отработано еще в про-шлую кампанию. Орудуют малые группы. Испытанный прием: удар — отход. Объекты нападений и обстре-лов — небольшие колонны, взводные опорные пункты и КПП, места базиро-вания военных и сотрудников МВД. Плюс к тому попытки терактов, ди-версий, покушений на лиц командо-вания, представителей местной адми-нистрации и федеральных органов власти.

Нет, не кончилась война... И поди-ка сопоставь, что цветочки, а что ягодки: перемолоть «батальоны», «пол-ки», «бригады» боевиков мощными ударами артиллерии и авиации, стре-мительным натиском атакующих войск или уничтожить недобитые банды, ускользающие, растекающие-ся, как ртуть, по лесам и селам; захва-тить пленных и трофеи, расстроить систему жизнеобеспечения НВФ в от-крытых боях или найти стволы с бое-припасами в тайниках, прищучить «духов», растворившихся среди мир-ных жителей, ликвидировать «волчьи» логова и схроны, замаскированные в горах. Ясно одно: не совпадающие по типу, характеру, объему, но вполне адекватные по сложности задачи тре-буют разных тактических подходов. С учетом этого вряд ли будет ошибоч-ным вывод, продиктованный крайне напряженной обстановкой в мятеж-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ной республике: впереди нас ждет, пожалуй, самый трудный этап противоборства с возмутителями спокойствия, где наряду с применением военной силы решающие факторы успеха — искусство добывания и эффективного использования оперативной информации, кропотливая работа с населением — привлечение на свою сторону чеченцев, замордованных бандитским беспределом, нейтрализация сочувствующих боевикам. Не решим эту проблему — застрянем на пути к миру, как буксуют порой в глубоких рывтинах вездеходные боевые машины с могучими моторами. Упираясь тогда плечами, обливаться кровавым потом русским солдатам не год и не два. А промедлим, утратим стратегическую инициативу, дадим врагам возможность зализать раны, собраться с силами — вновь придется по полной программе востребовать боевой опыт, накопленный в городе Грозном и селе Комсомольском, ущельях Аргунском и Веденском. Был уже прецедент: вспомним трагические уроки марта и августа 96-го...

По данным разведки, налицо все признаки подготовки противника к широкомасштабным партизанским действиям. Боевики стекаются в предгорные населенные пункты. Стрелковое вооружение, патроны,

взрывчатку они скрытно накапливают вблизи расположений федеральных войск. В горных районах устраиваются базы с развернутой системой охраны и наблюдения. Осуществляется перемещение бандгрупп на более выгодные позиции для выставления засад на маршрутах движения колонн. Эмиссары из незаконных вооруженных формирований усиленно вербуют рекрутов в республике и за ее пределами. А главное — лидеры экстремистов, которых Масхадов призвал к газавату до победного конца, не

прекращают попыток объединения мелких шайк под единым командованием. Сказано же: «зеленые» надо отработать. Значит, при благоприятном стечении обстоятельств с новой авантюрой не задержатся. Но это из области предположений, прогнозов. После мартовского разгрома в Комсомольском, изрядно проредившего ряды «непримиримых», в Чечне — тревожное затишье, ежедневно и ежедневно нарушаемое пальбой и взрывами на локальных участках. Крупномасштабных боестолкновений нет. Пока... Вот и здесь, в районах, где работаем с коллегами из окружной газеты, — на западном «фронте» — без перемен. «Духи» втихую наращивают боевой потенциал. Переняв шакальи повадки, совершают мелкие вылазки. Войска с милицией несут службу на «блоках», шерстят села на предмет изъятия оружия, ворованной техники, задержания бандитов и нарушителей паспортного режима, проводят оперативные и разведывательно-поисковые мероприятия.

В одном из таких мероприятий решено поучаствовать представителям войсковой прессы. «Интересный материал в блокноты гарантирован, без добычи не вернетесь», — пообещал перед выездом на задание заместитель руководителя штаба группиров-

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

ки по милиции. — А па-че чаяния холостым получится пробег на броне, не взъщите. От-сутствие результата — тоже результат». Ну да чего уж тут объяснять. Зверь в Чечне мате-рый, на ловца не бе-жит, хитро замечает следы, чтобы, дождав-шись удобного момен-та, самому напасть из-за угла. Свои заначки, необходимые для раз-бойного промысла, ук-рывает надежно. Хит-рит, подбрасывая дезу. Оттого оперативные наводки не всегда по-падают в точку. Сколь-ко раз, бывало, служи-вые, получив информа-цию о противнике, тя-нули пустышку. Неде-лю назад, к примеру, в селе Гойты перековы-ряли лопатами весь бе-рег реки возле мечети. По данным компетент-

ных источников, между пнями вроде бы должны быть зарыты стволы. Но вместо стволлов, к досаде сапера, бой-цов-копачей и военных корреспон-дентов, обнаружили с помощью мино-искателя лишь несколько ржавых же-лезяк.

А накануне с надеждой, что в этот раз наверняка повезет, напросился в засаду со спецназовцами-«росичами». Из временного РОВД поступил сигнал о ночных передвижениях боевиков в районе Алхазурово, нужно было про-верить эти сведения и, если они под-твердятся, взять «духов» за жабры — так, заскочив на броню, продублиро-вал поставленную задачу суровый прапорщик по имени Дмитрий, по прозвищу Ёрш, инструктор ГСН. И конкретизировал для прессы:

— Появятся тачки с вооруженными «чехами» — лупим из «граников», а даль-

ше из всех стволов мочим «душков». Есть желание — могу взять с собой в за-садную группу, «сферу» и броник только придется надеть. Дело серьезное.

— Пляжу, круто повоевать собрался, Дима. Не напрягай журналиста, сбавь обороты. Так тебе «вахи» дуриком и по-прут по дороге, — усмехнулся тезка Ёрша, капитан Дмитрий Белов*. На-хмурившись, прапорщик упрямо по-вел плечами:

— Попрут не попрут — у меня наст-рой один, командир. Давить шакалов нещадно. На войне как на войне!

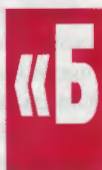
Повоевать в ту ночь «спецам» не до-велось. Пусто было на трассе. Вымок-шие в росе, продрогшие солдаты не скрывали разочарования: «Вот и верь после этого милиции. «Духи», «духи»... Где они?»

— Цирк уехал, а клоуны остались, — вторил бойцам занозистый ин-структор. — Зря только горючку расхо-дуем.

«Терпение, Ёрш, — подбадри-вал я мысленно прапорщика, ко-гда наша группа возвращалась на базу. — Чем чаще устраивать та-кие проверки, тем прочнее будут незримые заслоны на дорогах, тем меньше у бандитов возможностей для маневра. Рано или поздно пе-рекроем им кислород». А вслух произнес для собственного утеше-ния:

— Отсутствие результата — то-же результат.

Теперь, крепко обняв рукой ПТУР на башне БМП за спиной на-прягшегося сталкера, вспоминаю о засаде близ Алхазурово, земляных работах в Гойтах и подстегиваю журналистскую надежду громкими примерами из боевой практики спецназовцев и разведчиков, под-тверждающими простую как штык истину: госпожа удача любит целе-устремленных и настойчивых. Уж с третьей-то попытки наверняка стану свидетелем охотничьего ус-пеха в зоне поиска.

ЭШКА» с грузовиком, за-глушая птичий гомон, ходко движутся по руслу встречь течению. «По-всюду следы фронтовой полосы» — пришедшей на память строкой известного армей-ского поэта характеризую про себя особенности местного пейзажа. Бере-га реки край лес а то там, то сям ис-клеваны бомбами и снарядами. Над воронками виснут мертвые корни по-валенных взрывами деревьев.

Объезжаем застывший у валунов КамАЗ с раскуроченной, выгоревшей внутри кабиной. Чей он, кем подбит, когда? Немой свидетель и жертва бое-столкновения в ущелье не даст ответа. Да и не время отвлекать себя такими вопросами. Вид разбитой машины, как предупредительный знак на доро-ге войны, резко обостряет все ощущение. Слух фильтрует тонущие в реве и завывании моторов звуки леса. При каждом вдохе начинает казаться, что к сладковатым соляным выхлопам примешивается еле уловимый запах

* Некоторые фамилии изменены.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

черемши. А в глаза будто увеличительные линзы вживляются. Вырулила БМП на просеку, и я вдруг замечаю длинную невесомую нить паутины, приклеившуюся к стволу автомата. Не проглядеть бы часом другие нити — проволочные, под ногами, на тропе...

Сталкер наклоняется к уху командира, загоняет под наушник шлемофона отрывистую фразу, показывая рукою влево. Кажись, приехали.

Спешиваемся. Разминаем ноги. Осматриваемся.

А вот и первые признаки пребывания противника в этих местах. Неподалеку от дороги, у подножия горы, за деревьями — вагончик, рядом — окоп для стрельбы стоя, ветвями замаскированный. Очевидно, здесь была позиция боевого охранения «духов», отсюда они вели наблюдение за подступами к своему базовому лагерю.

Лагерь боевиков и есть главный объект проводимой спецоперации. Задача — найти и уничтожить...

Заметно повеселевший сталкер — само нетерпение: низко пригибаясь к земле, ступает на тропу, которая змейкой огибает склон вдоль крутого откоса. Его обходят саперы из числа бойцов, сидевших на броне. Остальные солдаты с офицером остаются у БМП. Короче, расклад по модели взаимодействия первого и второго эшелонов федеральных сил, поменявшихся местами после уничтожения крупных бандформирований. Ведущая роль в ликвидации недобитков, восстановлении конституционного строя на территории Чечни отводится теперь правоохранительным органам, спецслужбам и внутренним войскам. «Старший брат» — части армии, достойно сделавшие свою боевую работу на решающем этапе войны, — выполняет вспомогательные функции: блокирует участки местности и населенные пункты, где падают взвешники и милиция, при необходимости поддерживает «младшего брата» огоньком и броней. Вот и сейчас бронегруппа мотострелкового полка, обеспечивая действия рубоповцев, омонцев и местных стражей порядка, прикрывает тыл поисковиков в го-

товности прийти на помощь при осложнении обстановки.

— Надеюсь, подмога не потребуется. Управимся сами, — отвечая на мой вопрос о порядке дальнейшей работы по ликвидации вражеского объекта, говорит подполковник Али. — По нашим данным, бандиты покинули лагерь. Артиллерия не дает им спокойно жить. Хотя чем черт не шутит... — И, кивнув командиру армейцев: «Будем постоянно на связи», взмахом руки подает сигнал: «Вперед!»

Медленно, след в след за сапером подвигаемся в гору. Милиционеры, не отводя глаз от прицелов «калашей» и «эсвэдэшек», поминутно останавливаются, приседая, водят стволами вдоль «зеленки» обочь тропы, пристально вглядываются в тенистые заросли на противоположной стороне обрыва. Но вокруг тишина, вздрагивающая лишь от птичьих пересвистов.

Проводник как туго сжатая пружина, того и гляди прыгать начнет от распирающих его чувств. Оглядываясь, показывает знаками Али: обещал же вам, все будет нормально. А подполковнику не до эмоций маленького сталкера. Он неотрывно следит за движениями бойца с миноискателем. Рано радоваться. Уходя, «духи» могли оставить сюрпризы на тропе.

К счастью, и с этим обошлось. То ли спешили бандиты, опасаясь превентивных артурдаров по площадям, то ли надеялись, что федералы не проведут о лежбище в горах, то ли рассчитывали на скорое возвращение — не поставили даже растяжек на подступах к базе.

— Есть! Нашли! — прошепстало вдоль цепочки, растянувшейся на тропе. Каменное лицо Али разгладилась чуть заметная улыбка. Шумно вздохнув, рубоповец поправляет на плече ремень автомата, довольно щурится: оперативная наводка — верняк, в самую точку.

На скатах холмов в редколесье — бандитское хозяйство: четыре норы-блиндажа под бревенчатыми накатами, хижина, баня в землянке, два «биотуалета».

— Аккуратно устроились, сволочи,

— зло обронил кто-то из омонцев. — Ничего, сейчас мы покажем, кто в лесу хозяин...

Сапер дает добро: проверено, мин нет; и мы приступаем к осмотру.

По всему видать, разбойничий лагерь оставлен ненадолго. В берлогах полно вещей, необходимых для походно-боевого обихода. Комплекты новенького обмундирования натовского образца, керосиновые лампы, батарейки в целлофановых упаковках, матрасы с одеялами на нарах, кухонная утварь.

В хижине находим овальную коробочку из-под духов и камуфляжную куртку с короткими рукавами. На внутреннем кармане крупными буквами имя: «Мурка».

— Ишь, ублажали наложницу-то. Должно быть, французские духи, сладко пахнет коробка, — шмыгнул носом солдат. — Мурка, б... , подстилка бандитская...

— Если в отряде командовали ваххабиты, то вряд ли, — безразлично отшвырнув куртку, покачал головой омоневец. — Говорят, у них строго на счет этого. Не иначе, снайперша в банде была.

— Интересно бы узнать, где она с бородачами скрывается?

— Да где угодно. Любое село возьми — там «духи». Легализовались под мирных. Документы? Нашел проблему. Все у них чин чинном. Ждут команду начать войну по-крупному. А между делом тренируются. Где постреляют, где фугас подорвут. И конца-краю этого не видно...

— Верно, хреновая обстановка, — поддакнул командир чеченцев, подошедший к хижине. — В Шаро-Аргуне до тысячи «духов», могут напасть на Шатой. В Варандах тоже много бандитов.

— Ладно, ребята, хорош точить лядсы, пошли искать дальше, — сказал омоневец, наступив тяжелым ботинком на Муркину одежду.

Искать есть что. У Али достоверные сведения: в лагере находится тайник с оружием и боеприпасами.

Бормоча угрозы в адрес «кукушки»

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

и ее чеченских работодателей, сапер терпеливо обследует метр за метром. Вполголоса чертыхается. Не реагирует миноискатель на металл. Поди, глубоко зарыли. Легче найти иголку в стог сена.

— Возле землянок тщательнее проверь, дружище. Где-то здесь у них ДШК спрятан. Информация точная, — не теряет надежды Али. — Всем смотреть, мужики. Поосторожнее только. Под ноги внимательно глядите!

Дружно помогаем саперу визуальным методом. Глядим под ноги. И через полчаса чеченский милиционер в спортивной куртке, покругившись возле блиндажа напротив бани, решительно вгоняет в землю штык лопаты.

— Здесь копаем, товарищ подполковник! Почва мягкая, видите, просела после дождя. В этом месте пулемет зарыт, точно говорю.

Пока идут земляные работы, интересуюсь у Али, что думает он, опытный профессионал, о местных стражах порядка. Кто они, по каким мотивам пошли в милицию? Не прогадаем ли, доверив им оружие?

— Эти, — кивает в сторону орудующих лопатами чеченцев, — служат добровольно-принудительно. Под контролем федеральных органов успешно выполняют некоторые задачи. А как дальше себя поведут, время покажет. Тут Чечня. Никаких гарантий. Вспомни прошлую войну... — и выразительной паузой закрывает тему: все сказал, об остальном, мол, думай сам.

Между тем поиск наш подходит к долгожданному финалу. Чеченцы, пытаясь, извлекают из ямы девять цинков. И еще что-то громоздкое в плотном полиэтилене. Осторожно разворачивают, с гордым видом поглядывая на Али. Вот он, ДШК. Тронутый ржавчиной, но вполне пригодный к боевому применению крупнокалиберный пулемет. Любимое оружие «душманов».

А сколько еще разнокалиберных стволов зарыто в горах, спрятано на подворьях, в сараях, под полами в домах? Аллах и тот собьется со счета. Доставать же их из-под земли, изымать у мирных и немирных жителей людям в погонах. Муторная работа. Атаками с ходу бандитских закладок не возьмешь.

Поистине, сейчас один добытчик оперативной информации стоит целой роты. А то и батальона. А для рот и батальонов такая информация — оружие первостепенной важности.

Шесть оглушительных взрывов раскалывают лесную тишину. Этому «волчьему» логову — конец. Здесь уверенно и жестко заявил о себе законный хозяин. Вот так бы по всей мятежной Чечне — силу силой ломить. Боевой смекалкой и хитростью военной.

На базу возвращаемся без приключений. Спотычную колдобину «бэшка» прошла стремительным рывком. Наверное, у «меха» — солдата удачливого на радостях второе дыхание открылось.

Вечером захожу в гости к офицеру-«росичам». Знакомцы мои сообщают: завтра группы спецназа работают в обычном режиме. Как поется в «афганской» песне, которую нынче исполняют на кавказский мотив, «что ни день, то снова поиск...». Об этом отдельный рассказ.

Полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото автора

Бригаде — 50!

Родился 12 октября 1954 года в Риге в семье военнослужащего. Окончил Московское высшее общевойсковое командное училище

имени Верховного Совета РСФСР. Проходил службу в Среднеазиатском военном округе. В 1978 году переведен в специальные части внутренних войск МВД СССР. Служил в должностях командира взвода, роты, начальника штаба батальона. По окончании Военной академии имени М. В. Фрунзе командовал полком. С 1993 года — командир отдельной бригады. Награжден орденом «За военные заслуги».

**Командир соединения
полковник Владимир АНИСИМОВ**

У нас — только профессионалы

— Товарищ полковник, перед началом беседы разрешите передать вам и всему личному составу поздравления от нашего редакционного коллектива и многочисленных читателей журнала с праздником — 50-летием прославленной бригады, стоящей на охране важных государственных объектов.

— Спасибо.

— Владимир Владимирович, с какими показателями вы подходите к юбилею?

— В последние годы значительно активизировалась работа по обеспечению безопасности многих объектов. Мы постоянно совершенствуем систему охраны и пропускного режима, допуска персонала объектов к ядерным и экологически опасным материалам и в категорированные помещения. Много делается и для физической защиты часовых, внедрения новейших технологий и средств охраны в тактику боевой службы.

Приведу несколько цифр. С начала года нашими военнослужащими задержано свыше трехсот нарушителей, часть из которых пытались проникнуть на охраняемые объекты через периметр. Мы вернули государству материальные цен-

ности на общую сумму почти четыреста тысяч рублей. Предотвратили четыре крупных пожара. И это, подчеркиваю, только за несколько месяцев. А если подсчитать за пятьдесят лет?!

Так что, когда 8 сентября в здании президиума Академии наук Российской Федерации соберутся гости, нам будет о чем им рассказать.

— Если не секрет, кто среди приглашенных?

— На наш юбилей в качестве почетных гостей мы пригласили министра внутренних дел генерал-полковника В. Б. Рушайло, главнокомандующего внутренними войсками генерал-полковника В. В. Тихомирова, мэра Москвы Ю. М. Лужкова, губернатора Московской области Героя Советского Союза Б. В. Промова и многих других государственных деятелей.

Кроме того, мы разослали приглашения офицерам Главного командования внутренних войск, управления Московского округа, главам администраций городов, где дислоцируются наши части, руководителям охраняемых объектов, ветеранам. В общей сложности мы планируем принять более восьмисот гостей. Каждому будет вручен небольшой пода-

рок — красочный фотоальбом по истории соединения и памятный знак. А завершит торжественную часть праздничный концерт с участием известных артистов.

— **Владимир Владимирович, давайте вернемся к будням. Каковы главные особенности вашего соединения?**

— Уникальность бригады состоит в том, что она комплектуется только военнослужащими, проходящими службу по контракту. Это первое. А второе — раньше полностью, а сейчас частично наш личный состав несет службу в гражданской одежде. Как вы понимаете, это связано с важностью и специфичностью стоящих перед нами задач, выполнение которых можно возложить только на профессионалов — людей, прошедших срочную службу и дополнительную подготовку на местах.

— **Какие в связи с этим направления в служебно-боевой деятельности вы считаете приоритетными?**

— Основной вид деятельности соединения — это боевая служба. Она требует от личного состава точного соблюдения руководящих документов, высокой бдительности, служебного мастерства, непреклонной решимости, стойкости, выносливости, на-

ходчивости, инициативы. Главная задача, которая перед нами стоит, — это полное и качественное выполнение мероприятий по охране важных государственных объектов и перевозке грузов. Отсюда вытекает и все остальное — повышение профессионального мастерства, укрепление воинской дисциплины, недопущение происшествий, правонарушений.

Заметно активизировалась работа по всем этим направлениям в юбилейном году. Командование соединения вышло с предложением провести сре-

ди личного состава ударную боевую вахту «50-летию со дня образования бригады — 50 отличных караулов». Нас поддержали. И результат не замедлил сказаться. Заметно улучшилось состояние дел в подразделениях, повысился уровень дисциплины. Наибольший успех достигнут в подразделении, где командиром подполковник Виктор Ламанов. В семидесяти пяти процентах комендатур этой части вообще не допущено дисциплинарных проступков.

В своей работе мне есть на кого положиться. Большой вклад в организацию боевой службы вносят такие опытные, ответственные, преданные военному делу офицеры, как полковники Юрий Игнатенко, Владимир Белоусов, Анатолий Глушко, подполковники Станислав Журов, Валерий Рыблов, Валерий Ивашков, Юрий Ершиков, Александр Царьков, Александр Иванов, Николай Пономарев, майоры Николай Бортников, Игорь Зуев, Александр Скворцов, Александр Чичкан, капитан Михаил Карпович.

Нельзя не сказать об офицерах, ставших частью истории соединения. Это не так давно уволившиеся заместитель командира бригады полковник запаса Валерий Леонидович Тройнин — офицер принципиальный, требовательный. Заместитель командира

СЛУЖБА

бригады по тылу полковник запаса Николай Владимирович Скалкин — один из старейших начальников тыла не только в специальных частях, но и во всех внутренних войсках. Бывший командир части полковник запаса Григорий Ефремович Бакулев — человек, умевший в трудных современных условиях решить практически все вопросы. Подполковник запаса Евгений Николаевич Мартынов, прошедший славный воинский путь от сверхсрочнослужащего до помощника командира бригады по правовой работе. Бывший комендант специальной комендатуры майор запаса Георгий Петрович Чертков — инициативный, обязательный, настойчивый офицер.

— **Владимир Владимирович, знакомясь с подразделениями бригады, я обратил внимание, что на многих объектах службы несут женщины. Это тоже можно назвать специфической особенностью вашего соединения?**

— В общем-то да. В отдельных подразделениях их почти двадцать процентов от всего личного состава, и ко-

личество женщин в форме постоянно растет. Более половины из них имеют высшее и средне-техническое образование. По мнению командования, в некоторых случаях военнослужащие-женщины даже лучше мужчин несут службу, причем не только на внутренних постах, но и когда в паре с мужчиной выходят на внешние, на проверку периметра. Слов искренней благодар-

ности заслуживают прапорщики Лидия Беспалова, Светлана Виноградова, Зульфия Марковичева, Наталья Меркулова, Антонина Олейник, Ольга Фетисова, старшины Валентина Круглякова; Галина Родионова, младший сержант Тамара Савинова, рядовой Елена Могутнова и многие другие женщины, взвалившие на свои хрупкие плечи тяжелые обязанности военной службы.

— **Владимир Владимирович, и последний, традиционный вопрос. Что бы вы хотели пожелать своим подчиненным накануне юбилея?**

— Традиции армии и внутренних войск возрождаются, служить становится интереснее. Поэтому прежде всего я желаю терпения и веры. Здоровья всем, крепкого тыла, семейного благополучия. И, конечно же, главное солдатское пожелание — дослужиться до генерала.

Беседу вел майор
Николай КАЗАКОВ

Фото Бориса АЗИЗОВА

Лучшие годы жизни

Из воспоминаний первого командира соединения полковника в отставке Виктора Петровича Дугаева

вом командном училище имени Верховного Совета РСФСР и за время девятилетней службы командиром взвода в специальной роте, а затем в отдельной роте почетного караула и на должности порученца у первого заместителя министра внутренних дел Героя Советского Союза генерал-полковника Переверткина Семена Никифоровича.

Наше подразделение охраняло три важных государственных объекта — НИИХИММАШ, радиотехнический институт и Институт биофизики. Кроме главной задачи — надежной охраны и обороны вверенных объектов — перед комендантом стояла еще

одна: наладить и поддерживать личный контакт с руководством объектов. Хорошие отношения коменданта с руководителями институтов давали очень многое — и жилье, и детские сады, и пионерские лагеря, и дома отдыха для личного состава комендатуры и их семей. А это было очень важно для создания нормальной рабочей обстановки в коллективе. С особой теплотой я вспоминаю деловое взаимодействие с директором радиотехнического института известным ученым академиком Александром Львовичем Минцем. Мудрый, опытный руководитель.

В начале 60-х годов в войсках боль-

В 1960 году меня назначили комендантом специальной комендатуры. К тому времени я уже обладал достаточно большим багажом знаний, навыков и опыта, полученным в общевоиско-

50 лет на страже

важных государственных объектов

История создания бригады относится к крайне сложному этапу развития нашей страны и периоду напряженной международной обстановки.

Шел 1950 год. Это было время политики с позиции силы, разжигания холодной войны, которую наиболее активно проводили правящие круги США и других империалистических государств. В Европе создается военный блок НАТО, направленный против стран социализма. Все это резко усилило напряженность в международных отношениях. Угроза третьей мировой войны с использованием средств массового уничтожения сильно возросла. В то же время советский народ только закончил восстановление разрушенного немецко-фашистскими захватчиками хозяйства стра-

ны. Во что бы то ни стало нужно было отстоять мир. Поэтому главными задачами стали рост экономического могущества страны, ее научно-технический прогресс, повышение боевой мощи и боеготовности Вооруженных

Исторический очерк

сил — самые надежные гарантии против угрозы новой мировой войны.

В нашей стране создается ряд специальных научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и лабораторий Академии наук СССР, которые приступают к важным теоретическим и практическим изысканиям,

в том числе и к работам по освоению энергии атомного ядра.

Ведя борьбу за ослабление международной напряженности и укрепление мира, наше правительство никогда не забывало, что реакционные империалистические силы способны на любые авантюры и поэтому необходима повышенная бдительность. Одним из мероприятий по закрытию канала доступа к сведениям, содержащим военную и государственную тайну, стало решение правительства о взятии под охрану и оборону предприятий и учреждений, имеющих большое значение для укрепления обороноспособности страны.

В соответствии с этим решением 8 сентября 1950 года приказом министра государственной безопасности

шое распространение получило рационализаторское движение, направленное на улучшение качества несения боевой службы. И наша комендатура не осталась в стороне, активно поддержала доброе начинание. Мы изготавливали стенды, макеты, плакаты, ориентированные на подготовку молодого пополнения. Наша комендатура добилась существенных результатов в этой работе, и фотографии многих рационализаторов-переводчиков были помещены на Доску почета соединения.

В 1965 году меня направили комендантом объекта в город Химки Московской области, где прослужил до августа 1968 года. В 1970 году, после двух лет службы заместителем командира 1-го мотострелкового полка в дивизии имени Ф. Э. Дзержинского, получил назначение заместителем командира 548-го полка. А после ух-

да полковника Сорокина И. В. на пенсию выдвинут на должность командира полка. В январе 1977 года назначен командиром отдельной бригады МВД СССР.

В своей командирской деятельности, помимо служебной подготовки личного состава, большое внимание я уделял и другим дисциплинам, в частности тактике. Сказывалась закалка, полученная в общевоинском училище и дивизии им. Дзержинского. Считаю и продолжаю считать, что каждый военнослужащий обязан освоить и хорошо знать тактику ведения боя. Кроме занятий в классах, семинаров, мы часто совершали полевые выезды. И результат не замедлил сказаться. Во время очередной инспекторской проверки мы получили задание — отработать тактическую задачу «Действие батальона в наступлении». Каково было удивление про-

веряющих, когда в нашем подразделении все — вплоть до техников! — успешно справились с поставленной задачей.

И спортивная жизнь у нас всегда кипела. Зимой — лыжи, летом — волейбол, футбол. В каждой комендатуре была команда, сначала в подразделениях проводились соревнования — на первенство взводов, смен, а потом победители приезжали меряться силами уже в бригаду. Не без гордости вспоминаю, что по лыжным гонкам мы всегда занимали призовое место среди спецчастей.

Командиром соединения я прослужил до самого увольнения в запас в 1985 году. И сейчас, с высоты прожитых лет, понимаю, что почти двадцать три года, отданные бригаде, вполне заслуженно могу назвать лучшими годами своей жизни.

СЛУЖБА

СССР была сформирована 1-я отдельная комендатура внутренних войск МГБ общей численностью 257 военнослужащих, среди которых было 25 офицеров и 232 сержанта сверхсрочной службы.

На личный состав комендатуры возлагалась задача охраны и обороны Лаборатории измерительных приборов, принадлежащей Академии наук СССР. Возглавлял лабораторию в то время всемирно известный ученый академик Игорь Васильевич Курчатов.

В целях создания надежной системы охраны и обороны объекта и маскировки от разведок вероятного противника приказом министра была определена следующая специфика службы — личный состав комендатуры комплектовался только из сержантов и старшин сверхсрочной службы. И для них установили гражданскую форму одежды. Основой формирова-

ния комендатуры явились наиболее подготовленные военнослужащие частей внутренних войск МГБ Московского гарнизона, прослужившие не менее 6-7 лет.

Несмотря на трудности и отсутствие опыта создания подразделений подобного рода, комендатуру сформировали в очень короткий срок — с 5 по 10 октября 1950 года в местечке Голубое Московской области, и уже 15 октября объект принимается под охрану.

Первым комендантом 1-й отдельной комендатуры стал майор Шехин Николай Алексеевич, заместителем по политической части — майор Шморгун Иван Иосифович, начальником штаба — капитан Гришин Александр Дмитриевич.

Перед командованием специальной комендатуры стояли сложные задачи, требовалось организовать бое-

вую и служебную подготовку сержантов и офицеров, решить ряд вопросов бытового и материального обеспечения. Для оказания помощи в становлении комендатуры за период с декабря 1950 по июнь 1951 года ее неоднократно посещал начальник внутренней охраны МГБ СССР генерал-лейтенант Бурмак Петр Васильевич.

В связи с намечающимся приемом под охрану новых государственных объектов и увеличением численности личного состава комендатуры необходимо было изменить ее организационную структуру. Поэтому в соответствии с приказом министра государственной безопасности СССР 3 августа 1951 года 1-я отдельная комендатура была расформирована и на ее базе создан 20-й отдельный дивизион, командиром которого назначен подполковник Романов Степан Иванович.

В ноябре 1981 года ветераны-энтузиасты полковник в отставке Гончаренко Леонид Семенович, подполковник в отставке Коровников Константин Алексеевич и майор в отставке Гаращенко Николай Алексеевич во главе с инициатором подполковником в отставке Волковым Марком Алексеевичем собрались на свое первое заседание. Они поставили перед собой задачу объединить ветеранов-отставников в единый коллектив и создать ветеранскую организацию.

Сказано — сделано. Ими была проделана колоссальная работа по розыску давно ушедших на заслуженный отдых ветеранов, по составлению списков адресов, телефонов. С каждым отставником проводилась индивидуальная беседа о необходимости объединения и создания ветеранской организации.

Промежуточные результаты работы трижды — в апреле, октябре и декабре 1982 года — обсуждались на заседаниях инициативной группы, и когда

Ветераны всегда в строю

Из воспоминаний председателя совета ветеранов соединения полковника в отставке Виктора Ивановича Бедратого

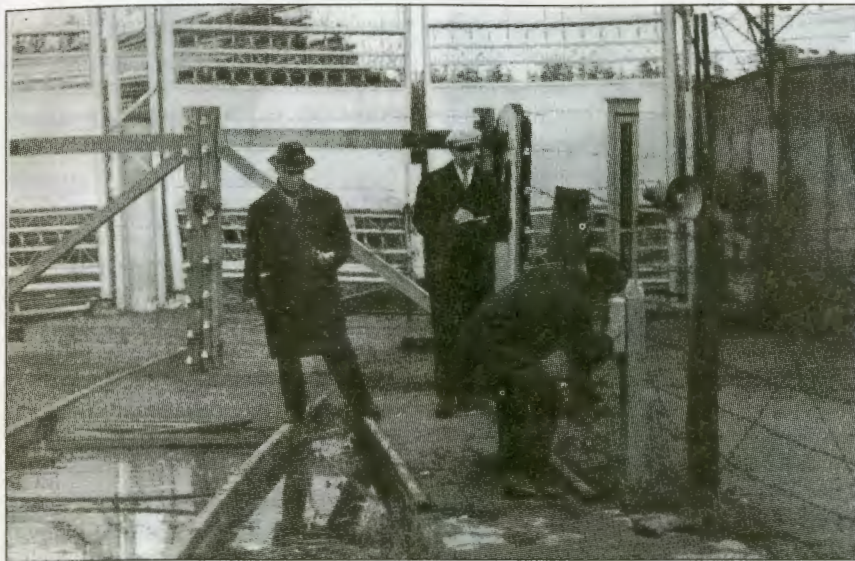

удалось разыскать семьдесят бывших военнослужащих соединения, было принято решение организовать слет ветеранов бригады. Составили план проведения мероприятия, назначили время — 19 февраля 1983 года,

накануне Дня Советской Армии и Военно-Морского флота, и место — в районе Бородинской панорамы.

Присутствовавшие на слете ветераны — а их собралось почти сорок человек! — единодушно одобрили работу инициативной группы и с большим энтузиазмом и заинтересованностью избрали свой совет. В него вошли: председатель совета ветеранов подполковник в отставке Марк Алексеевич Волков, члены совета полковник в отставке Гончаренко Л. С., подполковники в отставке Коровников К. А. и Чернуцкий И. А., майоры в отставке Гаращенко Н. А., Синев Т. П. и Шуршалин Б. Н. Также на слете выбрали гимн ветеранской организации — песню «Подмосковные вечера», памятный знак, который вручался вновь вступившим, и день встречи — суббота перед 23 февраля.

СЛУЖБА

Организационное перестроение положительно сказалось на всей службе. Оно дало большую оперативность и самостоятельность в решении ряда вопросов и задач, стоящих перед

личным составом. Повысились организованность и качество несения службы, уровень учебы и профессиональной подготовки. Это особенно ярко отразилось на итогах проверок,

проведенных в 1952 и 1953 годах, когда общая оценка дивизиона по служебной подготовке была «отлично».

20 марта 1954 года на основании приказа министра внутренних дел СССР на базе дивизиона в связи с принятием новых подразделений был сформирован 63-й отряд, который организационно вошел в состав 5-го отдела внутренней охраны МВД. Штаб отряда и все комендатуры дислоцировались в Москве, за исключением 11-й спецкомендатуры, которая располагалась в подмосковном Загорске.

Командиром отряда назначается подполковник Булавко Николай Онуфриевич, заместителем по политической части — подполковник Шморгун Иван Иосифович, начальником штаба — полковник Романов Степан Иванович. По увольнении в запас полковника Романова С. И. начальником штаба назначен полковник Щербич Иван Максимович.

Таким образом, днем рождения ветеранской организации соединения мы считаем 19 февраля 1983 года.

В феврале 1985 года после смерти Марка Алексеевича Волкова председателем нашей организации был избран майор в отставке Гаращенко Николай Алексеевич. А в октябре 1986 года ветераны оказали высокое доверие мне, избрав председателем. С этого момента и по сегодняшний день я руковожу ветеранской организацией соединения.

Много славных дел на счету наших ветеранов. С большим удовольствием делятся они своим богатым жизненным, боевым и служебным опытом с военнослужащими бригады, рассказывают о фронтовых путях-дорогах, пропагандируют славные традиции родной бригады, помогают командирам воспитывать подчиненных в духе патриотизма и честного служения Родине.

При нашей активной помощи создается комната истории соединения.

Мы постоянно принимаем участие в торжественных мероприятиях, по-

священных Дню защитников Отечества, Дню внутренних войск, Дню Победы, Дню части, в офицерских собраниях. Выступаем перед школьниками и призывниками.

Ветеран соединения подполковник в отставке Дмитриев В. А. принимал активное участие в создании музея трудовой и боевой славы на предприятии, которое раньше охраняло его подразделение. Кроме этого, в одной из школ города Мытищи Московской области Виктор Александрович создал музей боевой славы. Оба музея работают и сейчас. По его инициативе и при его непосредственном участии снят пятидесятиминутный видеофильм «Они сражались за Родину». Его с большим удовольствием смотрят не только школьники, но и военнослужащие бригады, перед которыми он постоянно выступает.

Что касается решения социальных вопросов, то и здесь наша ветеранская организация на высоте. В январе 1999 года при активном содей-

ствии командования бригады положительно решен вопрос о предоставлении инвалиду 1-й группы майору в отставке Олейникову К. Г. однокомнатной квартиры.

Не оставляем мы без помощи — не только моральной, но и материальной — и семьи умерших ветеранов. Благодаря стараниям и заботе членов нашей организации установлены ограды на могилы полковников в отставке Крайнова Н. И., Тимофеева Ф. С., подполковника Дулинского Ю. П.

По нашим ходатайствам и при непосредственном участии московского комитета ветеранов войны для остро нуждающихся выделяются путевки в санатории и дома отдыха. Только за последние два года одиннадцать ветеранов смогли бесплатно поправить свое здоровье.

... Часто бываем мы в родном соединении. И глядя на офицеров, прапорщиков и сержантов, пришедших нам на смену, гордимся, что дело, начатое старшим поколением, находится в надежных руках.

СЛУЖБА

В 1957 году в части в соответствии с приказом министра внутренних дел СССР учреждена Книга почета, в которую занесены 26 лучших военнослужащих отряда, а в 1959 году — переходящее Красное знамя для вручения подразделению, занявшему первое место в социалистическом соревновании.

На протяжении полувековой истории соединения неоднократно менялась его организационная структура, увеличивался объем задач боевой службы, принимались под охрану новые объекты различных министерств, ведомств и подразделений Академии наук СССР.

Вспомним основные преобразования.

Летом 1961 года в связи с увеличением числа охраняемых объектов проведено реформирование отряда. В его организацион-

но-штатную структуру вошли управление отряда, основные подразделения (15 специальных комендатур), подразделения обслуживания. Количество личного состава возрастает до 1326 военнослужащих, из которых 73 — офицеры. Командиром назначается полковник Ефремов Александр Федорович, заместителем по политической части — майор Борисов Александр Алексеевич, заместителем командира по снабжению — майор Филиппов Александр Иванович, начальником штаба — майор Ануфриенко Владимир Иванович.

Приказом министра внутренних дел от 26 апреля 1962 года отряд преобразуется в полк внутренних войск МВД СССР. В составе полка создается управление полка, основные подразделения (1 батальон и 14 специальных

комендатур), подразделения обслуживания.

13 декабря 1962 года приказом министра охраны общественного порядка РСФСР производится реформирование полка в отряд внутренней охраны МООН РСФСР с той же структурой. В декабре 1966 года командиром отряда назначается подполковник Сорокин Иосиф Васильевич, начальником штаба — подполковник Козин Сергей Петрович.

11 июля 1968 года стало знаменательным днем в жизни подразделения. Начальник отдела специальных частей МООН генерал-майор Осипов И. Г. от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил отряду Красное Знамя.

В ноябре 1968 года отряд внутренней охраны становится полком МВД СССР под командованием полковника

Быть ближе к человеку

Из воспоминаний последнего начальника политотдела полковника в отставке Василя Григорьевича Громова

С 1975 года, после окончания Военно-политической академии имени В. И. Ленина, я проходил службу в соединении заместителем командира батальона по политической части, заместителем начальника политотдела, а с 1982 года — начальником политотдела бригады. В общей сложности я более двадцати двух лет находился на политической работе.

Но и сейчас, уйдя на заслуженный отдых, связь с родным соединением не теряю, нахожусь в курсе многих дел. Обстановку знаю. Люди звонят, заходят, делятся не только радостями, но и проблемами, заботами, тревогами, спрашивают совета, интересуются, как раньше мы строили свою работу. Ведь для молодых офицеров деятельность политорганов — это уже история, из которой можно почерпнуть очень много интересного и полезного для своей службы.

.. Каждый человек, который направляется служить в бригаду, будь он коммунистом, комсомольцем, беспартийным, проходил через политотдел. Я считал своим долгом с ними встре-

титься. Изучал его способности, семейное положение, помогал, подкачивал.

Проводимая работа способствовала не только служебному, но и профессиональному, духовному росту. Мы всех заставляли учиться, поступать в институты. Не рекомендовали, а именно заставляли. Ведь это очень важно и нужно для человека.

У нас всегда были тесные контакты с ветеранами. Мы приглашали их на все праздники — выступить, поделиться опытом. Я очень дорожил союзом служивых людей и ветеранов. Это помогало в работе.

Самых теплых слов заслуживает председатель совета ветеранов полковник запаса Виктор Иванович Бедрацкий. Именно он приложил большие

СЛУЖБА

Сорокина И. В. Ему на смену в 1975 году назначается подполковник Дугаев В. П.

И именно он — Виктор Петрович Дугаев — стал первым командиром соединения после очередных организационно-штатных преобразований в январе 1977 года.

В последующем бригадой командовали полковники Виктор Петрович Никитин, Анатолий Григорьевич Буряк, Юрий Максимович Бульбас. А с 1993 года — полковник Владимир Владимирович Анисимов.

Наше соединение формировалось не только из новых частей, но и из комендатур, батальонов и полков, уже имевших свою собственную историю и традиции.

Так, в соответствии с приказом министра внутренних дел СССР от 9 ноября 1981 года в состав бригады принят 622-й отдельный батальон, а в де-

кабре 1987 года соединению переподчинен 551-й полк.

Судьбы многих замечательных людей связаны с соединением. В

течение продолжительного времени в одном из подразделений проходили службу и передавали свой богатый жизненный, служебный и боевой опыт Герои Советского Союза майор Трусов Виктор Иванович и старшина Будник Гавриил Дмитриевич, получившие это высокое звание за мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра. Девять лет в одном из полков служил Анатолий Ягодин — впоследствии корреспондент журнала внутренних войск МВД РФ «На боевом посту», погибший на чеченской войне во время служебной командировки и посмертно награжденный орденом Мужества.

За пятидесятилетнюю историю десятки тысяч людей, проходивших в разные годы службу в соединении, накрепко связали с ним свои судьбы. Для многих служба стала делом всей их жизни, школой зрелости и возмужания, суровым экзаменом на выдержку, стойкость и самоотверженность.

**Подполковник
Валерий ИВАШКОВ,
начальник отделения по работе
с личным составом**
Фото из архива бригады

усилия, чтобы сплотить ветеранскую организацию соединения.

Сегодня я вижу, как комбриг полковник Владимир Владимирович Анисимов много помогает ветеранам. И это хорошо — и для службы, и, конечно, для ветеранов. Человек не забыт, и о нем думают. Много ли оставшихся надо?!.. А те, кто служит, видят доброе отношение к ветеранам, и у них есть уверенность, что после увольнения и они не будут забыты.

Большое внимание мы уделяли организации досуга военнослужащих. И работа эта была очень специфичной. Ведь у нас служили только контрактники. То есть люди взрослые, самостоятельные.

Мы приобретали билеты, а зачастую договаривались о бесплатных посещениях Большого и Малого театров, Театра имени Ермоловой, МХАТа. Организовывали встречи с известными артистами, писателями. Я всегда считал и считаю, что после общения с хорошим человеком в тебе остается частичка его души. В каж-

дом подразделении хоть раз, но проходили встречи с руководителями охраняемых объектов. А это очень видные, известные ученые, действительные члены или члены-корреспонденты Академии наук СССР.

В своей работе мы не забывались только на военнослужащих бригады, но и общались с их женами, родителями. Вникать в их проблемы, принимать участие в судьбе, помогать, а если надо, то и подсказывать — это было очень важно. Иногда ведь даже доброго слова бывало достаточно, чтобы помочь человеку.

С замполитов подразделений я требовал, чтобы они знали дни рождения не только своих подчиненных. Советовал: идет военнослужащий домой — передай поздравления, если праздник у кого-то из его близких. Это же очень приятно человеку. Всегда надо быть ближе к заботам и проблемам, которыми живет человек.

И еще — принцип у нас всегда был один: сколько бы мы ни сделали, мы всегда считали, что сделано недостаточно.

Горячая весна

полковника Игнатенко

С полковником Юрием Ивановичем Игнатенко, кавалером ордена «За военные заслуги», заместителем командира соединения по работе с личным составом, корреспондент нашего журнала майор Николай КАЗАКОВ встретился буквально на следующий день после его возвращения из командировки в Чечню — третьей за последние несколько лет. Долгой была командировка, тяжелой. И обязанности на полковника Игнатенко возлагались очень ответственные — заместителя командующего восточной группировкой войск по работе с личным составом.

Юрий Иванович, сто три дня вы пробыли в мятежной республике. Какова там обстановка, можно ли говорить о том, что активные боевые действия закончились?

— С первых дней командировки, а официально мы приняли командование группировкой 20 марта, поняли, какая сложная, горячая обстановка в зоне нашей ответственности. 29 марта была расстреляна колонна пермского ОМОНа близ Жани-Ведено. Под Сержень-Юртом попала в засаду колонна армейских десантников. В бою на высоте 580,5 метра погибли девять человек. Постоянные обстрелы в Ведено краснодарского полка, обстрелы взводных опорных пунктов астраханской бригады близ селения Согунты, бой под Энженоем. Обстрелу подвергся даже командный пункт восточной группировки под Центороем, и только по чистой случайности никто не погиб.

И после нашего отъезда ситуация остается очень напряженной. Каждый день продолжаются обстрелы, подрывы, ранения и гибель военнослужащих. Поэтому говорить о том, что период активных боевых действий закончился, наверное, преждевременно. Скоро год, как в Дагестане

и Чечне идут боевые действия, а, честно говоря, конца-края не видно.

— Товарищ полковник, с какими трудностями вы столкнулись в первую очередь?

— Для меня эта командировка была самой сложной. Приходилось выполнять очень большой объем работы. За все годы службы мне еще не случалось руководить таким количеством людей — в состав нашей группировки входили две дивизии, три бригады, пять отдельных полков и два отдельных батальона. И все это разбросано на боль-

шой территории — Веденский, Шалинский, Грозненский, Ножай-Юртовский и Гудермесский районы. Плюс часть территории Дагестана — так называемая «зона освобожденных районов». Отсюда сложность в управлении, зачастую отсутствие связи, которое сводило на нет работу штабов. Не хватало вертолетов для плановой целевой работы на местах, для расследования происшествий, для непосредственного руководства действиями при осложнении обстановки. Перемещения авто- и бронетехники огра-

ничены. Сильно сказывалась нехватка горючего и сложность его доставки.

Много было проблем, но все мы старались решать. К примеру, по нашим предложениям и при непосредственном участии была разработана и в последующем налажена система центрподвоза.

— **Что это за система?**

— Боевики постоянно подавляли одиночные машины и мелкие, слабо вооруженные колонны. Чтобы избежать этих потерь, приняли решение доставлять материальные средства централизованно. Из Ханкалы выходила большая хорошо охраняемая колонна, которая обеспечивала всем необходимым одно из направлений. Часть проблем тем самым была снята.

— **Юрий Иванович, вся ваша служба — в соединении, и в командировке — связана с людьми. Как вы оцениваете морально-психологическое состояние наших солдат и офицеров на войне?**

— Настрой, конечно, боевой, дисциплина на должном уровне, но сильно сказывается усталость. Судите сами: боевые действия, постоянные перемещения, бытовая неустроенность, сложные климатические условия и отсутствие условий для отдыха и реабилитации личного состава. Хотя не так давно разработана и начала внедряться от уровня группировки и до полка включительно система психологической реабилитации, но с учетом того, что в боевых действиях принимает участие большое количество войск, осуществить ее в полном масштабе пока затруднительно.

— **Еще одна забота и головная боль командира — взаимодействие с местным населением. Как вы строили эту работу?**

— Сразу по приезде в командировку меня познакомили с главой администрации населенного пункта Автуры, с которым мы плотно и плодотворно работали до передислокации командного пункта на новое место в Центорой. Общий вывод — от войны все устали, люди хотят мира, хотят работать и трудом зарабатывать себе на

жизнь. Вместе с тем есть проблемы, которые без четкой позиции нашего правительства местному населению самостоятельно не решить. Многие опасаются, что войска, как и в прошлую войну, уйдут, вернутся боевики и опять начнется беспредел.

Командировка совпала с выборами президента. Большая часть принявших участие в них чеченцев проголосовали за сильную власть в лице Владимира Путина. В целом можно сказать, что часть населения активно поддерживает мирную политику, помогает нам, а часть занимает выжидательную позицию — смотрят, на чьей стороне будет сила. И здесь очень многое зависит от поведения командиров на местах: смог правильно построить взаимоотношения с местным населением, объяснил людям задачи войск — получил в их лице союзников, нет — жди провокаций.

— **Кто еще из военнослужащих вашего соединения выполнял служебно-боевые задачи на территории Чеченской республики?**

— Хотя для личного состава бригады это не характерная задача — мы же охраняем важные государственные объекты, но начиная с 1994 года более ста офицеров и прапорщиков уже побывали на войне, выполняли специальные обязанности в составе действующих подразделений, в штабах, на пунктах управления. В большей степени это коснулось офицеров по работе с личным составом — в вой-

сках ощущается нехватка именно этой категории военнослужащих. Некоторые побывали в командировках по два раза и более. Вывод один — молодцы, не уронили честь бригады.

Особенно отличились подполковники Сергей Дубецких, Виктор Муравьев, Александр Черный, Игорь Курлыков, майоры Сергей Зашивайко, Андрей Веселов, Игорь Зуев, Евгений Гурьев, Павел Александров, Михаил Нестругин, Валерий Белан, капитаны Ризван Рустамов, Александр Губин, Ихтияр Алиев, старшие прапорщики Николай Завертайло, Александр Артемов, прапорщик Михаил Белов. Многие из них награждены орденами и медалями.

Фотографии из личного архива полковника Ю. И. Игнатенко

Авиация под крылом внутренних войск

Недавно свое 45-летие отметила одна из частей по охране важных государственных объектов. В свое время ее сформировали для охраны и обороны сердца отечественной авиации — Центрального аэрогидродинамического и Летно-исследовательского институтов (ЦАГИ и ЛИИ).

Здесь рождаются и воплощаются в действительность самые дерзкие идеи отечественных конструкторов авиационной техники. Здесь совершали свои первые полеты крылатые машины, ставшие впоследствии гордостью нашей авиации и предметом зависти зарубежных специалистов. На счету конструкторских бюро с мировыми именами — десятки летательных аппаратов. Машины, получившие здесь путевки в небо, по сей день честно служат ВВС и Аэрофлоту.

С первых дней своего существования авиационный центр нашей страны находился под пристальным наблюдением разведслужб иностранных государств. Так было во времена холодной войны, так продолжается и сейчас. О том, как защитить объект государственного значения от взоров разведок всего мира, думали всегда.

Для охраны объектов авиационной промышленности, находящихся в городе Жуковском, приказом министра внутренних дел от 3 мая 1955 года был сформирован 79-й отряд внутренней охраны. Костяк отряда составили подразделения, прибывшие из Риги, Львова, Москвы и Минска, а также 60 солдат призыва 1955 года. Формированием новой части занимался опытный офицер полковник Константин Павлович Алаторцев в лагере у поселка Софрино. Он же стал первым командиром этой части. В сентябре 55-го отряд передислоцировался к постоянному месту службы. Под охрану были приняты Летно-исследовательский институт и Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е.Жуковского. В 1956 году генерал-лейтенант А.Сироткин вручил отряду Боевое знамя. Со-

рок пять лет войсковая часть, где командиром сегодня полковник Игорь Юрьевич Витюгов, выполняет под этим знаменем служебно-боевые задачи по охране испытательной базы отечественной авиации. Военнослужащим части есть чем гордиться. Они охраняют уникальные объекты. Ни один летательный аппарат не поднимается в небо без испытаний в аэродинамических трубах ЦАГИ. Много героических страниц вписано в историю авиации летчиками Летно-исследовательского института имени М.М.Громова. Во время Великой Отечественной войны это был фронт аэродром, с которого еще в 1941 году дальние бомбардировщики Пе-8 летали бомбить Берлин, а летчики-испытатели защищали от немецких самолетов небо Москвы. В мирное время здесь научили летать сотни самолетов и вертолетов. Михаил Промов, Амет-Хан Султан, братья Коккинаки, Юрий Гарнаев, Георгий Береговой, Сергей Анохин, Георгий Мосолов, Виктор Пугачев и Анатолий Квочур на весь мир прославили город Жуковский. В разное время все

они были почетными гостями у воинов части. Здесь готовился к полету в космос первый космонавт Земли Юрий Гагарин. В восьмидесятые годы для полетов на "Буране" был создан свой отряд космонавтов. На орбите Земли побывали летчики-испытатели Игорь Волк, Светлана Савицкая, Анатолий Левченко.

С 1947 года на территории ЛИИ действует легендарная ШЛИ — школа летчиков-испытателей, кузница авиационных асов. Это о ней писал Герой Советского Союза заслуженный летчик-испытатель Марк Галлай.

В настоящее время большой популярностью в нашей стране и за рубежом пользуются аэрокосмические салоны, проводимые на аэродроме города Жуковского. На плечи личного состава легла ответственная задача по их обеспечению.

В силу сложившихся обстоятельств солдаты и офицеры части постоянно находятся в гуще событий, происходящих в стране. Оказываясь порой в сложных ситуациях, выходят из них победителями. Вот несколько примеров: в 1956 году, наряду с выполнением основных задач, личный состав части привлекался для несения патрульно-постовой службы по охране общественного порядка в городах Жуковский и Узловая. В результате криминогенная обстановка в этих городах значительно улучшилась.

Военнослужащие части всегда были готовы прийти на помощь попавшим в беду. В 1957 году возле городка части шло строительство. Группа школьников играла в свежевырытой траншее. Внезапно обвалившаяся земля засыпала троих детей. На помощь бросился лейтенант Авдонин с группой солдат. Перепуганные дети были спасены.

Ефрейтор Ягуб Магомедов, находясь в отпуске, спас из горящего дома сельского учителя и двоих его детей, за что был награжден медалью "За отвагу на пожаре".

В 1975 году рядовой Гулям Са-

фаров задержал нарушителя, наблюдавшего за объектом. Задержанный предложил часовому взятку, на что Сафаров ответил:

— Солдаты внутренних войск не продаются!

Инструктор служебно-розыскной собаки ефрейтор Виктор Недев не задумываясь вступил в схватку с преступником, вооруженным автоматом. В перестрелке он был ранен в плечо, но уйти бандиту не позволил. Награжден именными часами.

В 1982 году рядовой Вадим Чаплыгин пресек попытку неизвестного проникнуть на охраняемый объект. Передав пост под охрану соседнему часовому, он четыре километра по лесу зимой преследовал нарушителя и задержал его. Награжден медалью «За отличие в воинской службе» второй степени.

В период проведения аэрокосмического салона в 1999 году военнослужащими части на территории ЛИИ был предотвращен пожар, задержано 14 пытавшихся проникнуть на объект нарушителей. Умело и решительно действовали в составе войсковых нарядов лейтенанты Сергей Гуренко, Денис Коломеец, прапорщик Игорь Татарнищев, сержанты Дмитрий Тянутов, Сергей Свистунов, старший сержант Вадим Бубнов, рядовые Владимир Блохин, Айрат Гарифулин, Андрей Петушков. Все они поощрены командованием.

Добросовестное отношение к выполнению задач боевой службы — давняя традиция, заложенная первыми офицерами части. Это ветеран финской и Великой Отечественной войны подполковник Александр Самойлов, участники Великой Отечественной войны подполковник Николай Авдонин, майоры Иван Гриб и Махмуд Баширов, старший прапорщик Николай Дыдыко и прапорщик Григорий Стороженко. Славные традиции своих отцов продолжили дети ветеранов, служившие в этой части в разные годы: подполковники Сергей Самойлов,

Александр Парфенов, Андрей Тарасов, майор Михаил Сторожев, прапорщички Алла Баширова и Алексей Стороженко. Из офицерского коллектива части вышли три генерал-майора: Виктор Никитин, Сергей Королев и Владимир Чеишвили.

В настоящее время многие ветераны находятся в запасе, но продолжают активно участвовать в жизни части. Они оказывают помощь в проведении занятий, приобретении культпросветимущества, телевизоров для караулов. Совет ветеранов, возглавляемый полковником Геннадием Котьяковым, выделяет деньги для проведения праздников и награждения ценными подарками отличившихся на службе солдат и сержантов. На смену участникам Великой Отечественной войны таким, как старший прапорщик Николай Дыдыко, прослуживший в войсках 54 года, пришли боевые офицеры и прапорщички — участники афганской и чеченской войн. Сейчас в части служат более двадцати военнослужащих, прошедших горячие точки. Своими делами они приумножают славные традиции полка.

Не обошли эту часть и ныне происходящие в Чечне события. В составе сводных рот выполняют боевые задачи солдаты и офицеры. В боях за город Грозный смертью героя погиб командир взвода старший лейтенант Наврузбег Абдулагаев. Посмертно он представлен к ордену Мужества.

45 лет, пройдя через все испытания, личный состав войсковой части добросовестно выполняет возложенные на нее служебно-боевые задачи. В связи с годовщиной части, хочется пожелать всему личному составу и ветеранам крепкого здоровья, успехов в службе, труде и личной жизни, приумножения славных традиций.

Майор Олег ДЕКУШ

НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

О баргунской операции, в которой принимали участие военнослужащие Северо-Западного округа внутренних войск, написано немало. 9 января 2000 года под Аргуном попала в засаду тыловая колонна 33-й бригады. Боевики напали неожиданно, появились раненые и погибшие. По приказу командования на помощь выдвинулся небольшой отряд во главе с майором Никитой Кульковым. Информации — минимум. Разведчики уходили в неизвестность.

А в Аргуне тем временем было очень жарко. Бээмпэшки лавировали по главной улице города, уклоняясь от “духовских” гранат, огрызались огнем пушек и пулеметов. Машину, в которой находился Кульков, подбили на окраине. БМП загорелась. Никита стал эвакуировать раненых солдат. Задыхаясь от дыма, сумел вытащить двоих. Остался механик-водитель.

Парень мертвой хваткой держал штурвал. Офицер не успел спасти солдата — сдетонировали боеприпасы, они так и остались в объятый пламенем машине.

Это была четвертая командировка майора Никиты Кулькова на войну (три раза он был в Чечне еще в прошлую кампанию). Когда в часть пришло сообщение, что Никита пропал без вести, родные и друзья еще верили в чудо. Но чуда не произошло.

... В августе в семье Кульковых должна родиться девочка — долгожданная дочка Никиты, которую ему так и не суждено увидеть.

Курсант Павел МАРТЫНЮК,
стажер журнала
«На боевом посту»

Указами Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, звание Героя Российской Федерации присвоено военнослужащим внутренних войск:

сержанту БЕЛОДЕДОВУ Александру Николаевичу
(посмертно)

майору КУЛЬКОВУ Никите Геннадьевичу
(посмертно)

(Указ № 1166 от 24 июня 2000 г.)

майору НУРГАЛИЕВУ Владимиру Вильевичу
(посмертно)

лейтенанту ЯФАРОВУ Джафясу Джафяровичу
(посмертно)

(Указ № 1267 от 7 июля 2000 г.)

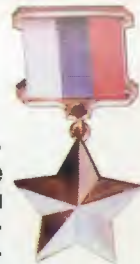
рядовому АВЕРКИЕВУ Александру Александровичу
(посмертно)

рядовому МУСТАФИНУ Раису Рауфовичу

(Указ № 1284 от 11 июля 2000 г.)

Герой Российской Федерации ефрейтор Евгений БУШМЕЛЕВ

15 октября 1999 года под Червленной рота софринцев при проведении спецоперации напоролась на засаду боевиков. Заняли оборону, но двигаться дальше не могли. Боевики прижали крепко. Рядовой Бушмелев, маневрируя на своей бээмпэшке, прикрывал пехоту. Из трехчасового боя вышел, будто в рубашке родился — ни одна из выпущенных по его “копейке” гранат в цель не попала. Он сумел забрать и вывезти в район сосредоточения раненых братишек, а после этого и остальных пацанов...

30 октября 1999 года в бою под Новошедринской Женькина бээмпэшка неожиданно потеряла управление — “духовская” граната попала в правую гусеницу. Механик-водитель не растерялся и под шквальным огнем боевиков сумел устранить повреждение. А боевые группы софринцев тем временем подошли к поселку и начали выбивать бандитов из опорных пунктов. Трудная ситуация сложилась у соседнего взвода, теперь их бээмпэшка встала как вкопанная. Боевики плотно обложили пацанов. Экипаж Бушмелева подоспел вовремя. Отсекая огнем из пушки и пулемета бандитов, БМП вплотную подошла к вставшей машине. Евгений выскочил из своей “копейки”, тросом подцепил ее и вытащил из-под огня.

А кавказский поход тем временем продолжался. Бригада уверенно шла от села к селу, от станицы к станице — освобождала чеченскую землю от бандитов. Под Гудермесом Бушмелев сумел удачно вывести машину во фланг прорывающейся из кольца окружения большой группе боевиков. Не прорвались бандиты... В Алхан-Юрте в жестоком бою помог армейцам, которых “духи” сильно прижали — из-под перекрестного огня вывез в тыл раненого командира армейского рембата...

Указом Президента РФ от 30 декабря 1999 года ефрейтору Бушмелеву Евгению Вячеславовичу присвоено звание Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации прапорщик Сергей ГОРЯЧЕВ

Начальник группы специальной разведки прапорщик Сергей Горячев сразу после сообщения о нападении боевиков на Дагестан в составе отряда специального назначения убыл в служебную командировку на Северный Кавказ.

В течение августа и сентября 1999 года принял участие во многих боевых операциях, проводимых отрядом. 29 августа прапорщик Горячев был направлен для усиления разведроты, выполняющей задачи в районе горы Чабан. Разведчики сумели скрытно пробраться сквозь боевые порядки боевиков и вступили в бой. Несмотря на то, что численное превосходство было на стороне противника, военнослужащим удалось выполнить поставленную задачу по уничтожению ретранслятора и овладеть высотой. В ходе боя, длившегося несколько часов, позиции разведчиков остались для боевиков неприступными. Сергей, действуя на переднем крае, помогал выносить с поля боя раненых военнослужащих, отражал атаки бандитов.

В сентябре основная боевая работа велась в районе н.п Кармахи и Чабанмахи. 11 сентября при совершении рейда прапорщик Горячев находился в походном охранении. Именно он увидел боевиков, скрытно приближающихся к группе. Сергей первым нажал на спусковой крючок своего бесшумного оружия, спас жизнь товарищей и обеспечил скрытное продвижение отряда. Задача была выполнена, военнослужащие вернулись с операции в тыл террористов без потерь.

Еще не раз Сергей вместе со своими подчиненными самоотверженно, с риском для жизни выполнял боевые задачи на территории Дагестана и Чечни. Указом Президента РФ от 4 февраля 2000 года прапорщику Горячеву Сергею Евгеньевичу присвоено звание Героя Российской Федерации.

Герой Российской Федерации старший лейтенант Игорь ГУРОВ

Ранним утром 6 марта 1996 года Грозный был оглушен грохотом выстрелов, взрывами гранат и воем падающих снарядов. В бурлящий грозненский радиозфир понеслись первые тревожные сигналы с просьбой о помощи. В пять часов утра недалеко от площади Минутка в засаду попали военнотружующие оперативной бригады из Приволжского округа внутренних войск. Завязался бой. Появились убитые и раненые. Вскоре на выручку попавшим в окружение военнотружующим прибыли два БТР, одним из которых командовал старший лейтенант Игорь Гуров. Подмога пришла вовремя — боевики снова пошли в атаку. Бой продолжался около десяти часов.

Росло число раненых, кончались медикаменты. Чтобы сохранить жизнь военнотружующим и оказать квалифицированную медицинскую помощь, Гуров дважды прорывался на своем БТРе сквозь кольцо сепаратистов и вывозил их в пункт временной дислокации. И это несмотря на то, что одна пуля задела и его.

Когда было принято решение организовать последний, решительный прорыв из окружения, Гуров ехал на первом бронетранспортере, за ним шла колонна. Этот прорыв стал для него действительно последним. Бандитский выстрел из ручного гранатомета остановить колонну не смог, но унес жизнь офицера.

18 ноября 1996 года старшему лейтенанту Гурову Игорю Владимировичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Герой Российской Федерации генерал-майор Николай СКРЫПНИК

Войны вошли в жизнь Николая Васильевича Скрыпника еще в 1988 году, когда начались кровавые конфликты в Закавказье. После развала Советского Союза очаг войны переместился на территорию России, на Северный Кавказ. В феврале 1993 года генерал-майор Н.Скрыпник возглавил штаб вновь сформированного Северо-Кавказского округа внутренних войск, на который легла основная тяжесть ликвидации последствий вооруженного конфликта между Северной Осетией и Ингушетией.

Так уж сложилось, что в последние годы опасность и риск были постоянными спутниками генерала. Когда обострилась обстановка в Чечне, Николай Васильевич возглавил тактическую группировку внутренних войск.

... Начатая 10 июля 1996 года зачистка села Гехи проходила трудно. Боевики не хотели сдавать оружие. Завязавшийся утром бой продолжался несколько часов. Когда интенсивность его несколько спала, генерал выехал на встречу со старейшинами. Но договориться так и не удалось. Утром снова предстояло проводить спецоперацию.

11 июля в 6.20 генерал-майор Скрыпник выехал на позиции подчиненных ему подразделений — хотел лично убедиться, что все готово к операции. На одном из участков при выезде из брода произошел подрыв БТРа управляемым фугасом большой мощности, в результате которого командующий был тяжело ранен. Для оказания медицинской помощи он на вертолете был срочно эвакуирован во владикавказский госпиталь, но раны оказались слишком серьезными...

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президента РФ от 18 ноября 1996 года генерал-майору Скрыпнику Николаю Васильевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

«Если долго не будет писем — не думайте о плохом...»

МАНОЙЛОВ Вадим Михайлович родился 4 февраля 1978 года. На службу во внутренние войска призван 26 июня 1998 года из города Петрозаводска. Младший сержант, командир отделения. Погиб 14 марта 2000 года при проведении специальной операции в селе Комсомольское Чеченской республики. Похоронен в Петрозаводске. Представлен посмертно к ордену Мужества.

14 марта Марина Николаевна Манойлова не стала накрывать праздничный стол по случаю своего дня рождения, чувствовала себя неважно. Все болело. Боль гнетущая по всему телу ходила и отовсюду в сердце тоской возвращалась. Муж Михаил Григорьевич тоже занемог.

А наутро раздался звонок в дверь — чужой, тревожный. Марина Николаевна пошла открывать, а ноги не слушаются.

На пороге стоял почтальон.

— Вы принесли плохую весть? — только и смогла спросить Марина Николаевна.

— К сожалению...

— Я не пушу вас, — крикнула или прошептала она (теперь уже не помнит) и захлопнула дверь.

Почтальона впустил Михаил Григорьевич...

4 февраля 1978 года Вадим появился на свет тихо — не крикнул, не пискнул. Врачи поставили диагноз: «асфиксия новорожденного». К счастью, все обошлось.

Вадик рос добрым, подвижным ребенком. Обожал животных: то кошку раненую в дом притащит, то голубя с одной ногой. Писал рассказы о животных.

Любил рисовать. Открытки к праздникам делал сам. Однажды (лет 8 или 9 ему было) подарил маме открытку на Новый год. Подписал: «Мама! Поздравляю тебя с Новым годом! Желаю тебе всего хорошего, счастья в жизни и работе. Желаю дожить тебе до 100 лет, можно больше. Я буду рад вот так!» Нарисовал снежинки, фонарики, еловую ветку, а в правом нижнем углу изобразил... джигита. Михаил Григорьевич тогда похвалил сына, но спросил: «Сынок, а кавказца-то зачем нарисовал? Что он здесь делает?» Вадик тогда только лишь плечами пожал...

Еще в начальных классах Вадим всерьез увлекся плаванием.

— Он был азартный мальчишка, огонь, — вспоминает тренер А. Фокина. — Когда в воду прыгал, думала, что вода закипит.

На водной дорожке выкладывался полностью. С командой объездил весь Северо-Запад, побывал на соревнованиях в Белоруссии. Добился неплохих результатов.

...Родители перелистывают страницы фотоальбомов. Марина Николаевна поглаживает каждую фотографию. Михаил Григорьевич то и дело отходит к окну. Покурить.

Вадим — высокий, стройный, красивый, он любил, чтобы все было красиво, торжественно.

Сам принимал решения, и сам за них отвечал. В 8-м классе заявил, что переходит учиться в вечернюю школу. Перешел. Потом пошел учиться на плотника. Выучился. Решил поступать в железнодорожный техникум, а был не в ладах с математикой. Поладил. В техникум поступил.

Девчонки за ним толпой ходили, а он их словно и не замечал, потому что у него была Лера. Валерия — самая красивая, самая-самая... "Это была красивая любовь,— вспоминает Марина Николаевна.— Такой любви не было ни у меня, ни у моих знакомых. Неземная любовь".

Однажды Лера должна была приехать в Кондопогу. Вадим из-

велся в ожидании, места себе не находил. А потом набросил куртку, сунул босые ноги в ботинки (а дело было зимой) и к маме: "Мам, я, пожалуй, смотаюсь в Петрозаводск, перехвачу Леру на вокзале, вместе с ней и приеду!.." И рванул к ней. Мать ему вслед: "Носки-то хоть..." Да где там! Не мог больше ждать парень, ей-Богу. Ведь так он ее на целый час раньше увидит! И в этот день они будут вместе на целый час дольше!

25 июня 1998 года Вадим защитил диплом. А на другой день его призвали в армию. Родители пробовали было заговорить о возможности отсрочки. Он их оборвал: "По здоровью косить не буду! Все служат, а я что, хуже других, да?" Служить попал во внутренние войска, в милицеевскую часть. Судьба будто подыгрывала парню: после пяти месяцев учебки в Питере его направили служить в Петрозаводск. "Буду чаще видаться с Лерой",— говорил он родителям.

...Время летело быстро. Вот и февраль наступил. Еще каких-то два месяца— и домой...

23 февраля младшего сержанта Вадима Манойлова направили в командировку— в Чечню. Незадолго до отправки написал в письме домой:

"Вы за меня не переживайте, я никуда лезть не буду. Я уже общался со многими людьми, которые были ТАМ, они многому научили, теперь главное — не растеряться. Не надо ничего делать, чтобы меня вернули. Если меня вернут, то поедет кто-нибудь вместо меня, а почему кто-то должен ехать, а я нет. Я такой же, как все: у меня есть родители, брат, дед с бабушкой, любимая девушка... Кстати, у Леры скоро день рождения. Поздравьте ее от меня, скажите, что я ее люблю, и пусть она ждет меня. А за меня не переживайте. Все будет хорошо. Если писем не будет, то не думайте о плохом, они просто могут не дойти..."

Из Питера в Моздок летели войсковым бортом, оттуда на "вертушке" — в Ханкалу. Встали в полутора километрах от Грозного. В первом письме домой из Чечни писал: "Тут очень тепло, ходим без бушлатов и шапок, ночью, конечно, прохладно. Живем в палатках, кормят нормально... Если бы вы знали, какие тут лавашки!.. Ночью слышны взрывы, выстрелы, а днем спокойно. Но вы не переживайте за меня, все будет хорошо, я буду аккуратен".

Это случилось 14 марта под Комсомольским: пули от автомата прошли по бронезилету, одна попала в ключицу, незащищен-

С НОВЫМ ГОДОМ!

Мама!

Поздравляю тебя с
Новым годом! Желаю
тебе всего хорошего,
счастья в жизни и работе.

Желаю дожить тебе
до 100 лет и более,
но больше я буду
для вас воев-мат!

ную часть тела, другая в голову. Может быть, тот самый кавказец с детской открытки и послал в него смертоносную автоматную очередь? В день рождения мамы...

15 марта почтальон принес Манойловым телеграмму о гибели сына.

Олежка, как всегда, прибежал из школы радостный, возбужденный. Он наигрался в футбол, баскетбол и на продленку успел, потому что там плавание — во всем хотелось ему быть похожим на Вадима. Он и ходит в камуфляже, и другой одежды не признает.

— Вадика больше нет, — сказала ему мама.

Олежка не поверил: как это нет? И ушел в комнату...

Потом этот девятилетний мальчуган будет утешать маму: "Мне Вадик приснился живой. Значит, он живой. Если бы его убили, то он бы мне мертвый приснился". И Лера попытается успокоить по-своему: "Лера, ты не плачь. Если Вадика и вправду убили, я на тебе женись".

Похоронили Вадима на Сулажгорском кладбище Петрозаводска. Там покоятся родственники Манойловых, здесь у Вадима много друзей, и Лера

живет в Петрозаводске — всегда кто-то придет к нему на могилку...

Марина Николаевна очень переживала: Вадик ушел в армию некрещеный. Отец Лев утешил ее, сказал, что молитва матери сильнее всяких молитв, даже молитв священника...

Вадим погиб 14 марта. 40-й день со дня его смерти пришелся на 22 апреля. По канонам Православной Церкви в этот день вспоминают преподобномученика Вадима...

**Подготовил к печати курсант
Павел МАРТЫНЮК,
стажер журнала
«На боевом посту»**

В рамках серии "Право в Вооруженных Силах — КОНСУЛЬТАНТ" (подписной индекс по каталогу Роспечати — 79205) издательством "За права военнослужащих" выпущены в 2000 году следующие военно-правовые издания:

- ◆ Настольная книга по защите прав призывников, военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, членов их семей (издание 2-е, с изменениями и дополнениями)

- ◆ Комментарий Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"

- ◆ Пенсионное обеспечение граждан, проходивших военную службу, и членов их семей

- ◆ Комментарий Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской Федерации

- ◆ Комментарий Федерального закона "О материальной ответственности военнослужащих"

- ◆ Юридическая энциклопедия военнослужащего в вопросах и ответах.

Все указанные книги носят практическую направленность, написаны простым и доступным для понимания языком, помогают читателям без обращения к юристам самостоятельно юридически грамотно решать возникающие, как правило, неожиданно и остро правовые проблемы. В книгах даются комментарии правовых норм, примерные формы рапортов, жалоб и исковых заявлений, судебная практика, рекомендации по разрешению наиболее типичных ситуаций, подсказанные почтой ежемесячного общественного военно-правового журнала. "Право в Вооруженных Силах" (подписной индекс по каталогу Роспечати — 72527).

Журнал "Право в Вооруженных Силах" — это постатейный комментарий "военных" законов, приказов руководителей силовых структур Российской Федерации; тематические рубрики (увольняемому с военной службы; социальная защита военнослужащих (Защита себя сам), жилищное право и военнослужащий; дела судебные; в записную книжку призывнику; армия с женским лицом; диалог с читателем (ответы на вопросы читателей); командир и право; увольняемому с военной службы и т.д.; вкладка "Юридическая энциклопедия военнослужащего" (нормативные акты о военной службе, правах и льготах военнослужащих и уволенных лиц по одной теме). Подписаться можно с любого месяца!

Книги и журналы высылаются наложенным платежом по адресу: 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 40, РОД "За права военнослужащих". Справки по тел.: 095) 334-9265.

Розничная продажа в Москве — книжный киоск издательства "Красная звезда" (м. "Беговая"), тел. (095) 941-2817; в Санкт-Петербурге — "Дом книги" (м. "Невский проспект") тел.: (812) 311-3954.

Читатели могут обратиться в консультационный юридический пункт, где есть возможность получить разъяснения по решению самых сложных и запутанных вопросов военного законодательства. Предварительная запись по тел. (095) 334-98-04 (10.00-18.00 в будние дни).

Сразу же после взрыва весь тоннель заволокло дымом. Командирский «уазик» был просто грудой искореженного, разодранного в клочья металла. Вокруг разбросаны тела — раненые, убитые. В этом месиве из крови и разорванной одежды нельзя было понять, кто есть кто. Через несколько минут, когда прошел шок, стали раздаваться голоса: «Где Романов? Где генерал?» Его опознали только по ремню с генеральской пряжкой...

ГЕНЕРАЛ РОМАНОВ, ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ ИЗ БОЯ!

Елена ЛОРИЯ
Андрей ЭДОВ
Владимир НИКОЛАЙЧУК
(фото)

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

Вряд ли найдется в России человек, которому не было бы известно имя бывшего командующего внутренними войсками, генерал-полковника, Героя России Анатолия Александровича Романова. Почти пять лет тому назад, 6 октября 1995 г., он был тяжело ранен в результате террористического акта в Грозном. Как военный человек, он, должно быть, всегда был готов встретить лицом к лицу любую опасность, которая может выпасть на долю воюющего солдата. Но никто и представить себе не мог, что судьбой было уготовано Анатолию Романову куда более сложное испытание... Кажется, вся Россия с надеждой глядит на него и верит в счастливый исход этой борьбы за жизнь и здоровье прославленного российского генерала. Этот очерк — о нем. Это далеко не полный портрет человека, жизнь и судьба которого интересны и поучительны. И потому что в тяжелое для Отечества время были проявлены Романовым в полной мере военное мастерство, офицерская честь и солдатское мужество. И потому что его опыт и его подходы к разрешению вооруженных конфликтов до сих пор являются примером для любого государственного человека, желающего приблизить долгожданный мир на чеченской земле.

Уже готова к выходу книга о нем, которая называется так же — «Генерал Романов, возвращайтесь из боя!» И точно так же собрана она из свидетельств людей, которые хорошо знают и самого генерала Романова, и время, в котором ему пришлось жить и действовать. Создана книга совместными усилиями издательства «Война и мир» и редакции журнала «На боевом посту». И недалек тот день, когда при поддержке друзей внутренних войск, при нашей общей поддержке она выйдет в свет. И это событие станет еще одним доказательством того, что внутренние войска МВД России были и остаются настоящим солдатским братством, в котором помнится каждый подвиг и ценится каждая человеческая судьба.

1.

Возможно, существует сложный закон мироустройства. В соответствии с которым на земле рождается именно то количество будущих земледельцев, которого как раз и бывает достаточно, чтобы заполнить все вакантные места на человеческой работе. Следует только удивиться этому расчетливому и точному труду, в результате которого почти каждому человеку непременно выпадают и любимое дело, и любимое жилье, и любимые люди.

Кто знает, как сложилась бы судьба Анатолия Александровича Романова, родившегося 27 сентября 1948 г. в селе Михайловка в Башкирии, если бы не был он самым внимательным и благодарным слушателем отца: Александр Матвеевич Романов, пехотинец, старший сержант, награжденный двумя орденами Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», после тяжелого ранения вернулся в родное село без ноги. Как мог, вел хозяйство. Но он был жив, и это само по себе уже было счастьем.

Впоследствии, говоря о том, что жили они в это время хорошо, Романов скорее оценивал обстановку в семье, где родители были уважаемы, а дети — любимы. В остальном — очень небогатая жизнь, с тяжелой работой в поле и на ферме. Самый младший — он был восьмью ребенком по счету и шестым среди оставшихся в живых. — Толя во всем помогал матери: кормил скотину, носил воду, косил траву.

Сейчас трудно выяснить, какие роли в деревенских играх (как обойтись в них без войны) доставались будущему генералу, но точно известно, что водились за ним поступки отчаянные вроде перетаскивания деревенской уборной с места на место или подпираание дверей оглоблей. Случались детские путешествия в лес — за грибами и ягодами. Однажды все это чуть не закончилось плохо. Толе было всего шесть лет, брату Николаю — восемь. Мальчишки не заметили, как заблудились в лесу... Пять суток их искали всей деревней. Хорошо, что в своих лесных скитаниях случайно набрали они на пастуха...

Когда Толе Романову исполнилось десять, он стал ходить вместо отца на сенокос: инвалид с протезом был не самым лучшим косарем. Взрослые мужики с косами выстраивались хитро, в шашечный боевой порядок, двигались споро, размашисто, и надо было поспевать, чтобы сзади тебе не отхватили пятки. На первом сенокосе Толя заработал четвертинку водки, которую и отнес отцу.

Родителей Романова давно уже нет в живых. Остальных родственников судьба разбросала по всей стране — кто на Урале, кто в Башкирии... Они редко встречались друг с другом. Пожалуй, была только одна печальная причина, когда все дети со своими семьями оказывались в сборе, — похороны мамы, Анастасии Романовой.

После окончания школы, ожидая призыва в армию, подросший Романов год проработал фрезеровщиком на станкостроительном заводе в городе Белебее. А дальше — военный мундир, который для многих тогда был символом удачного устройства в жизни. Годы действительной службы, конечно, сами по себе еще не много значили, но были они все равно тем необходимым испытанием, которое следовало пройти человеку, собирающемуся связать свою судьбу с армией. Волею случая Анатолий Романов попал во внутренние войска. В подмосковном городе Жуковском дослужился до сержанта, заместителя командира взвода. Позже был сделан и решающий выбор жизненного пути: Саратовское училище МВД СССР. Там готовили «спецов», будущих офицеров внутренних войск для частей по охране важных государственных объектов и специальных грузов. И это была элита, потому что служить в дальнейшем предстояло в таинственных местах: на атомных электростанциях и полигонах, включая секретнейшие — в Семипалатинске и на Новой Земле, в хранилищах золотого запаса, в научных центрах и на оборонных предприятиях. И даже там охрана несла службу в гражданских костюмах и в шляпах...

Как свидетельствует училищная история, у Романова уже на первом курсе неплохо получалось командовать: из войсковой части пришел он человеком во всех отношениях бывалым — с командирским голосом и выправкой, со знанием тех солдатских мелочей, которые выгодно отличают опытного воина от новобранца. Нет ничего удивительного в том, что вскоре Романов стал старшиной курсантского батальона.

В батальоне практически все курсанты были далеко не ангелами. На выпускной фотографии 129 лейтенантов, которым еще предстояло войти в настоящую войсковую жизнь — с ее караулами, ночным светом прожекторов, с собачьим лаем. Не все выстояли. Не у каждого удалась военная карьера. Но каждый из них в тот день, 6 октября 1995 года, когда в тоннеле была подорвана машина командующего, наверняка тяжело охнул.

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

Возможно, не всеми курсант Романов воспринимался однозначно. Наверняка были и обиды, пронесенные через годы. Кто-то гордился, глядя на его фотографию, а кто-то, наоборот, чувствовал себя обойденным. Но, как говорилось в царской армии: «Солдат есть имя общее, знаменитое, имя солдата носит всякий военнотрудовой от генерала до последнего рядового»... Случившаяся беда мгновенно объединила их и заставила вспомнить те дни, когда они еще только вступали в офицерскую жизнь и еще не знали своей судьбы. И такова ее воля, что эти 129 не похожих друг на друга людей теперь, повинувшись силе имени, будут называть себя «романовским выпуском».

Саратов оказался для него городом, предопределившим дальнейшую жизнь. Только после женитьбы на саратовской девушке Ларисе вспомнил Романов, что давным-давно некую Ларису в жены нагадала ему цыганка. Никто, разумеется, тогда не отнесся к этому серьезно, но, как оказалось впоследствии, среди стеллажей книжного магазина на улице Кирова после окончания книжного техникума уже царилла настоящая Лариса, без которой мало что состоялось бы на свете.

ЛАРИСА РОМАНОВА, ЖЕНА: «С моей мамой Толя сразу нашел общий язык. А вот с папой было сложнее. Он к Толе отнесся сдержанно, как бы изучал его. Однажды произошел такой случай: Толя, курсант, удрал в самоволку, и мы гуляли с ним до пяти утра... Летом в Саратове так красиво! Волга, сады... И надо же было какому-то офицеру провести проверку! Толи нет. Мы гуляем, а его ищут. У приятеля Саши выяснили, что у Романова есть подруга Лариса. Припертый к стенке Саша держался до последнего, и мой адрес назвал лишь приблизительно. Однако офицер отправился на поиски, очень точно вышел к моему дому и среди ночи поднял по тревоге всех соседей: не тут ли живет некая Лариса? Стоит ли говорить, что в доме был серьезный скандал, после чего папа сказал: «Чтобы я этого золотопогонника больше не видел!» А когда буря утихла, я папе сказала, что мы хотим пожениться. Его реакцию помню до сих пор: «Я тебя замуж не гоню, но учти, назад пути не будет!»

Они поженились 17 сентября 1971 года. Свадьба была веселая. Пришлось жить курсанту Романову с молодой женой у ее родителей в шестиметровой комнатухе. Туда же со временем умудрились впихнуть и детскую кроватку. И несмотря на все неудобства, были очень-очень счастливы...

В 1972 году Анатолий Романов закончил учебу, но будущая его судьба уже находилась под контролем училищного командования и кадровиков. Он стал курсовым офицером. А на следующий год у них с Ларисой родилась дочь Вика. Романов был настолько занят по службе, что когда дочка пошла в ясли, а потом в детский сад, окружающие долгое время перешептывались за спиной Ларисы, искренне считая, что она мать-одиночка. Иногда она слышала, как женщины, жалостливо глядя на маленькую Вику, говорили: «Надо же, какая хорошая девочка — и без отца!» Лариса Романова не обижалась. Но и мужу ничего не говорила. Ясно было и так, что работа у него — на первом месте.

Немаловажно и то, что, окончив военное училище, диплом которого подтверждал наличие лишь среднего военного образования, Романов уже вскоре, когда Саратовское училище получило статус высшего учебного заведения, должен был сделать для себя выбор: оставаться ли ему офицером со

скромным и почетным значком «ВУ» на мундире или же, чтобы не терять авторитет среди курсантов, уже зарабатывающих диплом высшей школы, думать о собственной учебе в Академии им. Фрунзе. И он принял своевременное и четкое решение — учиться заочно. Учиться, как бы тяжело это ни было для него и для семьи. Учиться ночами — после курсантских кроссов и полевых занятий, нарядов и офицерских совещаний. Учиться так, чтобы окончить академию с отличием (одна четверка) и уже вскоре стать преподавателем кафедры огневой подготовки, а затем и командиром курсантского батальона.

ЛАРИСА РОМАНОВА, ЖЕНА: «Толя относился к Вике, как к мальчику. Он называл ее Виктор. Когда они учили стишки, он заставлял ее выработать командный голос. Любимыми игрушками у нее были гильзы, ремень и португепя. А когда Вика пошла в школу, ей было сказано: ты дочь офицера и не можешь учиться плохо».

Уже спустя много лет, когда Вика подросла и Романовы жили в Москве, Анатолий Александрович с дочкой тайком договаривались и оба что-нибудь прогуливали. Генерал, к примеру, самоподготовку, Вика — какую-нибудь скучную лекцию в институте. Они ходили по старой Москве, забредали в маленькие переулки. А однажды Вика вытащила отца в «Макдоналдс»: «Папа, там уже все побывали кроме тебя!»

И дома строгий Романов мог запросто «построить» даже очень независимых по природе животных. Еще в Саратове жил в семье кот — пушистый, огромный и наглый. Как только семья садилась за ужин, кот подходил к столу и начинал выпрашивать что-нибудь вкусное. По доброте душевной Вика с Ларисой Васильевной не могли ему отказать и подбрасывали то кусочек колбасы, то рыбу. Но однажды Анатолию Александровичу это надоело, и он при всех отчитал кота: «Как же тебе на стыдно? Почему ты все время попрошайничаешь, а мышей не ловишь? Пора и самому себя кормить!» Тот обиженно повернулся и ушел.

Когда на следующий день Романовы снова собрались за обеденным столом, Вика жутко завизжала: оказывается, кот поймал мышь и уже полужадущенную, принес на кухню. Мышь, конечно, выбросили и стали ужинать. Но каково было удивление, когда на второй и третий день случилось то же самое — обиженный кот пытался доказать хозяину, что он не бестолковое и ленивое животное. Романов сдался и сказал коту: «Ну ладно, я был не прав. И мышей ты ловить умеешь, да и вообще ты у нас красавец. Но не надо их больше к столу приносить». На этом все и закончилось.

В 1984 году комбат Анатолий Романов выпустил лучший батальон. С трудом верилось в то, что еще пару лет назад это был не самый примерный батальон. Но при всей лучезарности ситуации имелись и свои служебные проблемы: не сложились отношения с одним очень влиятельным в училище человеком. И хотя публичных скандалов не было — Романов предельно закрытый человек, не любящий выставлять напоказ свои трудности, — пришло время принимать решение: в Саратове служить он больше не может. Нашла коса на камень. Однажды этот сильный и упрямый человек в отчаянии сказал жене: «Все, Лариса. Я больше не могу. Мне надо уезжать или в другое училище, или в войска». Хотя понимал, что вряд ли в полку ему предложат должность, равнозначную той, что была

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

в училище. Как минимум на ступень ниже. В конце концов так и случилось.

Для Ларисы Васильевны было тяжело принять такое решение. Она выросла в Саратове, у нее там родители, друзья. А переезд означал неустроенный гарнизонный быт, как у тысяч других офицеров. Но она смогла переступить через себя и спокойно сказала: «Конечно, нам надо уехать». Поначалу Романовым обещали подмосковную Электросталь, но что-то не сложилось. Им предстояло отправиться в далекий закрытый уральский город — Златоуст-36.

Начальник штаба полка, а впоследствии и его командир, Романов, для которого служба в войсках начиналась как бы заново, старался и здесь все делать идеально. К своей работе он относился ревностно, и для него не существовало мелочей. Рано утром, Романов протягивал руку к телефону и звонил дежурному, выясняя, что происходило в его отсутствие. Один из сослуживцев так впоследствии оценивал его действия в Златоусте-36: «Романов всегда на чеку, очень осторожен, а служебная обстановка при нем приближена к боевой». При этом все отмечали такую загадку романовской души: он как бы делил человека на две половинки — служебную и житейскую, и мог кого-то не ценить как офицера, но при этом уважать этого же самого человека за другие достоинства. Конечно, такой человек мог ставить крест на собственной карьере, но все же не терял надежды, что когда-нибудь и где-нибудь он еще обязательно преуспеет...

2.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Впервые об Анатолии Романове я услышал в 1989 г., когда окончил первый курс Академии Генерального штаба Вооруженных Сил. Учился я там старательно, не забывая о том, что являюсь единственным из высших и старших офицеров внутренних войск, кому за последние двадцать лет выпала такая честь. Понимал, что преподаватели и однокашники не столько оценивают меня лично, сколько, глядя на меня, составляют свое мнение о внутренних войсках. К сожалению, часто их представления о ВВ ограничивались несколькими общепринятыми мифами: краповый околыш фуражки, конвой, лесоповал, комары... Приходилось дополнять их сведения: внутренние войска — это охрана атомных станций и ядерных полигонов, денег Госбанка и золота Гохрана, это операции по спасению заложников и противодействие бандитам.

В свою очередь, и мне предстояло многому научиться. Старался личным примером убедить своих армейских товарищей, что во внутренних войсках служат не глупые и не ленивые генералы. Хотелось, чтобы мне на смену в Академию Генштаба пришли из внутренних войск достойные люди, умеющие и мыслить масштабно, и твердо руководить. Эту мысль я высказал в мае 1989 г. командующему внутренними войсками МВД СССР генералу Юрию Шаталину и услышал в ответ: «Посылаем в академию двоих — Романова и Шкирко. Оба достойны». Я тогда и предположить не мог, что через несколько лет, вслед за мной, эти два офицера станут командующими ВВ. Причем в этом же самом порядке, как были названы Шаталиным.

Анатолия Шкирко я знал и раньше, а о Романове услышал впервые. Я бы так и оставался в неведении, если бы один знакомый офицер из главка не высказал мне однажды свое мнение о нем: «Я с ним учился. Это прекрасный офицер. Хороший, интеллигентный, воспитанный человек, военная ко-

сточка». В сентябре новые слушатели — Романов и Шкирко — появились в академии и, как положено, мне представились: я был генерал-майором, Шкирко полковником, а Романов — подполковником. А уже весной 1990 г., накануне штабных стратегических учений, в академии впервые была создана оперативная группа внутренних войск, чтобы в рамках проведения стратегической операции отработать задачи ВВ. Предполагалась контраст наступательная фронтовая операция, в которой ВВ — я сам ставил задачу группе — выполняли свою эпизодическую роль.

Порой и Академия Генштаба напоминает обычную школу: заслуженные генералы и мужественные полковники ведут себя, словно дети: так же норовят списать, увильнуть, схитрить. Но тогда Романов впервые меня удивил: он блестяще выполнил задачу. Причем те знания, которые были получены им в академии, он умело применил к внутренним войскам, а это весьма не простое дело. Я был искренне рад тому, что в академии появился офицер внутренних войск, способный продолжить традиции честного и ревностного отношения к учебе. С тех пор мы подружились, и не было ни одного дня, когда бы мне приходилось сожалеть о том, что этот человек появился в моей жизни.

По окончании академии я получил назначение в Ростов-на-Дону начальником управления по Северному Кавказу и Закавказью. Еще 26 июня 1990 г. я был на приеме в Кремле, который давался в честь выпускников, а уже 27 июня обедал в вуюющей Нахичевани вместе с генералом Шаталиным.

Мимо меня не прошло известие, что на следующий год Анатолий Романов успешно закончил академию и получил назначение в Свердловск на должность командира дивизии. У меня же события развивались не самым лучшим образом: 1991-й был на редкость тяжелым годом. Развалился Союз, у меня одна дивизия выходила из Баку, другая — из Тбилиси. Чуть позже сократили мою должность. Все более склонялся к тому, чтобы искать удачи на гражданском поприще. Но тут последовало новое предложение — стать начальником управления оперативных и специальных моторизованных частей в Главном управлении командующего. И хотя для меня это было очевидное понижение в должности, я все-таки согласился и приехал в Москву. Первым человеком, который тогда зашел в мой кабинет, был Анатолий Александрович Романов, «юный» генерал-майор. Деликатность моего нового положения заключалась в том, что теперь Романов, командовавший войсками по охране важных государственных объектов и специальных грузов, по должности был старше меня. Запомнил на всю жизнь и оценил, что этот человек ни разу не обратился ко мне на «ты», даже когда были для этого чисто ситуативные причины. Сам я позволял себе фамильярничать, делая скидку на некоторую разницу в возрасте. Но ни разу в жизни — ни разу! — он не сказал мне «ты».

Романов очень хотел стать генералом. Само по себе это желание — естественное для честолюбивого военного человека. Некая высота в карьере, позволяющая человеку уважать себя за свой собственный труд, за годы жесткой внутренней дисциплины, за умение держать в узде собственные страсти и недостатки. Это вполне достойная цель для мужчины, пытающегося реализовать себя в профессии. Но любой военный человек не погрешит против истины, если скажет, что достижение генеральского звания возможно лишь тогда, когда руководит человеком особая удача: вовремя сложив-

шийся круг единомышленников, вовремя освободившаяся вакансия, а в лейтенантские годы — и вовремя проверенный караул... И сегодня признают друзья Романова, что была у него мечта получить генеральские погоны. С одним только уточнением: не любой ценой... У него с друзьями было даже сорование — кто первым достигнет заветного звания. Генерал-майором Романов стал в 41 год.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «1994 год — я к тому времени уже был назначен командующим ВВ МВД России — начался для нас уже под знаком Чечни: чувствовали и знали, что придется там воевать. Ситуация отслеживалась и своевременно докладывалась. Но инфантильность власти не могла не вызывать удивления. Ведь следовало, опережая события, хоть как-то готовиться. Речь шла не о том, чтобы с ходу бросаться в бой: в Вооруженных силах готовятся к войне, даже не ожидая ее... В общем, просили мы об одном — спланировать вместе с Генеральным штабом наши совместные с армией действия на случай осложнения обстановки. Но Генеральный штаб нас не поддержал. Нас не поддержал никто. Поэтому все, что могли, делали самостоятельно — я, Романов и генерал Павел Маслов. Но уже в октябре нас пригласили наверх, где и было принято решение усилить группировку наших войск на Северном Кавказе. Туда, в Моздок, руководителем оперативного штаба ВОГ (войсковой оперативной группы ВВ МВД России. — Ред.) отправился генерал Романов.

В те дни, когда было принято решение силами добровольцев оказать содействие антидудаевской оппозиции, я прилетел в Моздок, чтобы провести совещание со своими офицерами. Оставшись со мной наедине, Романов посетовал: «Анатолий Сергеевич, вы представляете, мальчишек привезали!» Мы не были посвящены в замысел этой операции. Считалось, что это не нашего ума дело, но нас не могли не настораживать методы ее подготовки: солдаты-добровольцы, одни пацаны, в Моздоке были брошены на произвол судьбы. Романов на свой страх и риск, даже не докладывая мне, разместил их на своей базе, накормил по-человечески. Выяснилось: это с их помощью планировалось свалить Дудаева и его армию. Но как мы ни докладывали о своих сомнениях, повлиять на этот процесс уже не могли.

Однако, учитывая недостатки первого «добровольческого» штурма Грозного, мы тщательно готовили наш декабрьский ввод внутренних войск. Надо отметить, что Романов в отличие от многих армейских и наших генералов очень скрупулезно планировал свои операции. Не уйдет с командного пункта, пока не убедится, что каждая деталь согласована.

На войне у него быстро появился авторитет умелого, расчетливого, очень компетентного офицера. Как-то в Грозном проходило совместное совещание представителей Минобороны, МВД и ФСБ. От МВД докладывал Романов. Говорил он без бумажки, все время что-то показывал на карте и был единственным, кто уложился в отведенное время. Когда Романов закончил доклад, Павел Грачев, министр обороны, сказал уважительно: «Да, Толя, недаром мы с тобой Академию Генштаба заканчивали...»

В самом начале чеченской войны у Романова было другое имя — «Антонов», «генерал Антонов». Безнадежное дело отыскивать в этом обычном методе генеральского легендирования какой-то скрытый смысл: дескать, боялись ответствен-

ности за содеянное... На войне у противника есть и разведчики, и мстители, и пропагандисты. К тому же боевые псевдонимы жили недолго — два-три месяца, после чего генералы переходили на собственные фамилии. Но что там ни говори, чужое имя что-то меняет в собственной жизни.

Далеко не всякого генерала уважают солдаты и офицеры: ни большие звезды на погонах, ни особого устройства пряжка на ремне еще не являются залогом того, что будут твои подчиненные относиться к тебе с доверием. Доверие на войне — самая большая ценность. Доверяя своему генералу, его воинской удаче, его слову, его порядочности, пойдут люди даже на смерть, выстоят даже в аду. Судите сами, каков есть генерал Романов, так однажды сказавший о своих бойцах: «Я поражаюсь выдержке и мужеству восемнадцатилетних мальчишек, которые в таких условиях делают величайшее дело — обеспечивают общественную безопасность, сопровождают колонны с гуманитарной помощью, разоружают боевиков и преступников, ведут розыск без вести пропавших...»

ПОЛКОВНИК ЮРИЙ ДЕНИСОВ: «Есть у меня часы, подаренные генерал-лейтенантом Анатолием Александровичем Романовым. Самая дорогая для меня вещь. Они отсчитывают дни, месяцы, годы, которые прошли с того дня, когда он был ранен. Но я верю, что на их циферблате есть некая метка, еще не различимая мной и его врачами, достигнув которой, время вернет генерала нам. Он придет в себя и увидит нас рядом...»

Нет никаких сомнений в том, что Романов — генерал боевой, исключительно военный человек. Никогда и ни на кого он не кричал, а если и повышал голос, только когда случались потери. Их он переживал очень болезненно, но в этом чувствовалась настоящая боль, а не опасение, что с него самого наверху будут спрашивать строго и нервно. Я никогда не забуду: была одна операция под Бамутом — мы там потеряли много людей... Он очень тяжело переживал исход этой операции, вечером, подводя итоги, собрал всех комбригов, которые участвовали в операции прямо или косвенно или у которых были там частично задействованы подразделения. Перед началом он мне говорит (я даже не знал его замысла): «Юрий Иванович! Давай стаканчики по счету, давай наливай». Бутерброды положил каждому, налили водки по стакану. Он говорит: «Комбриги, знаете, сегодня был очень тяжелый день, мы с вами потеряли солдат...». Я первый раз такое видел, обычно сразу стружку снимает: как, столько потеряли и прочее. «Давайте помянем. Они не виноваты, что так получилось». В принципе, здесь никого нельзя винить. Потери, они всегда могут случиться. И в мирное время — на учениях, в карауле. А тут война... Но Романов себя казнил, считал, что он виноват, разбор сделал очень корректно. Перечисляя недостатки, попросил не вставать тех, чьи фамилии называет, потому что мы сидели в вагончике, а напоследок сказал: «Нам слишком дороги будут войны, если мы на своих ошибках будем учиться».

ЛАРИСА РОМАНОВА, ЖЕНА: «Каждый по-своему на войну реагирует. Он приезжал из Чечни в Москву, а тут — нормальная жизнь: люди влюбляются, смеются, анекдоты рассказывают, у них совсем другие интересы. Наверное, трудно, прожив какое-то время среди этих вполне мирных домашних дел, возвращаться на войну. Когда мы сидели за столом, разговаривали, Толя просто иногда не реагировал на ту или иную шутку. Как сейчас говорят, он не въезжал...»

Этот год был очень тяжелым. И в моральном, и в физическом плане. У Романова там на нервной почве начались обострения всяких болезней: и сердце, и желудок, и аллергия... Он прочитал много книг по истории Чечни, включая старые, повествующие о национальном характере чеченцев, их обычаях и укладе жизни. Не переставал удивляться: «Как же это похоже на сегодняшнюю Чечню — те же набег, грабежи, вооруженные нападения... Ничего не изменилось!» Ему казались странными принятые там мерил мужской отваги — дерзкий бандитизм, захват заложников и беспощадная даже к детям кровная месть. Позже он говорил жене: «Знаешь, Лариса, у чеченцев в руках всегда как бы присутствует нож. Машадов одной рукой меня обнимал, а другой — я чувствовал — держал этот нож очень крепко...»

Всяких генералов видела Чечня... Бывали такие, про которых не хочется и вспоминать: появлялись затем лишь, чтобы получить орден, и, как правило, его правдами-неправдами добивались. Случались безответственные люди. Были и такие, для которых приезд в Чечню совпадал с началом запы. Но пусть не тешат они себя мыслью, что война спишет все их грехи: бездарность одних и самодурство других, их бесчувственность к солдатской судьбе и жадность к деньгам... Война не списывает ничего.

Нет на свете большей ответственности, чем ответственность за чужую жизнь. Отдавая кому-то боевой приказ, выполнение которого связано с риском для жизни, порядочный генерал как бы на всю оставшуюся жизнь берет на себя и этот груз несбывшихся человеческих судеб: спецназовцев, летчиков, связистов и мотострелков. Антоновых, Петровых, Сидоровых. Их матерей и отцов. Их жен и невест. Их детей и внуков до седьмого колена... Он несет вечную ответственность и перед теми, кто был на войне изувечен физически и надломлен душой. Это особая совесть, особый долг. Романов, очень чистый человек, помнил об этом всегда.

13 декабря 1995 г. кинооператор внутренних войск прапорщик Валерий Жовтобрюх сопровождает Романова в вертолете во время облета войсковых позиций и переправы через Терек. Из станицы Червленной «вертушку» обстреливают, ранен в ногу боец спецназа из генеральской охраны. Камера фиксирует все: кровь, тревожные глаза Романова. Генерал наклонился к солдату: «Как себя чувствуешь, сынок? Если тяжело, немедленно возвращаемся на базу». Солдат отвечает: «Не надо, товарищ генерал, продержусь...»

ПОЛКОВНИК ЮРИЙ ДЕНИСОВ: «Когда мы с ним летели в Ассиновскую, он занимался своим делом, а я смотрел в окошко. Все маршруты уже знал, мне кажется, и ночью мог бы летать. Но в этот раз штурман оказался молодой, и мы полетели не туда. Я вижу и летчику говорю: «Слушай, мы не туда летим». Он мне в ответ: «Может, ошибаешься?» Я: «Нет, не ошибаюсь». Потом смотрю — и сам Романов (а он не слышал наш разговор) разволновался: «Юра, по-моему нас не туда везут. Разберись». Я подошел к летчику, а у него очень мелкая карта, говорю: «Давай я тебе покажу, куда лететь». Стал показывать, но кончик моего пальца все нужное пространство на этой карте закрывает, поэтому летчик говорит: «Ты лучше так показывай, визуально...». Я залез в кабину, борттехник вышел, я посерединке устроился и показал... Сели нормально. В первый раз я столкнулся с такой ситуацией: думал, со штурмана де-

сять шкур сдерут. Но Романов подошел к командиру экипажа и очень корректно так сказал: «Ты его, штурмана, не ругай. Я понимаю, что он летит в первый, может, во второй раз. Всякое бывает — сбился, растерялся... Надо учить. Ты его учи, но не ругай, а то у него, может, на всю жизнь травма останется».

Я его старался беречь. Как-то мы приехали в одну из группировок, и нужно было на передний край проехать. Он сел на броню сверху, я говорю: «Как вы будете сверху ехать — там же пыль». Он говорит: «Ты, Юрий Иванович, мне зубы не заговаривай, давай очки». А мы изготовили самодельные очки из противогаса, потому что за БТРом охраны может пыль стоять столбом так, что ничего не видно. Но тут я схитрил, говорю: «Простите, товарищ командующий, на этот раз забыл очки» — хотя они у меня лежали в кармане. «Как же ты так мог? Что за память у тебя!» — слегка пожурил Романов, но пришлось ему лезть вниз. Я-то доволен, что добился своего: снайпер его не снимет».

ЕЛЕНА ЛОРНА, ЖУРНАЛИСТКА: «В Грозном зимой и весной 1995 г. было голодно и холодно. Город оцетинился руинами разбитых домов, в подвалах которых ютились перепуганные и голодные женщины, дети и старики. В основном русскоязычные. Их грабили до войны. Они лишились всего во время войны. Они не были нужны и собственному государству. Им помогали военные, отдавая свои сухие пайки, сапоги, теплые бушлаты. Но это была капля в море...»

На небольших островках жалкого подобия мирной жизни — местных базарчиках бегали грязные, вшивые, заброшенные взрослыми попрошайки: «Дай пятьсот рублей, ну дай!» Самые маленькие из них уже и не помнили, что такое нормальная человеческая жизнь. Эти дети не ходили в школу, а игрушкими у них были стреляные гильзы и пулеметные ленты. Вооружившись рогатками, грозненские дети играли во взятые дудаевского двора... В фильме Сергея Говорухина «Прокляты и забыты» есть страшный кадр. Во дворе полуразрушенного дома дети катаются на карусели. Но она крутится против часовой стрелки, а если присмотреться, то непременно заметишь, что карусель сделана из лопастей вертолета. Вот такая примета времени.

Март 1995 года... В центре Грозного с бэтэзра раздают гуманитарную помощь. Первые машину облепили дети. «Дайте инвалиду, дайте!» — Мальчик лет восьми протягивает грязные тощие ручонки. Осознавая, что он инвалид, ребенок спекулирует на своем несчастье и хватает второй, третий пакет с «гуманитаркой».

Но среди грозненских детей есть и другие, встающие в шесть утра и отправляющиеся на тяжелую работу. В аэропорту Северный на окраине Грозного расположился военный госпиталь. В госпитале санитаркой работает мать семерых детей Гая Мозальская. Трое Галиных детей уже взрослые, служат в армии. Четверо находятся с ней в Грозном. Для того чтобы как-то прокормить семью, Гая пошла работать в госпиталь. Не за деньги — за нехитрый, но сытный солдатский паек. Вместе с ней здесь работают трое детей — восьмилетний Толк, Зоя и Вера — пяти и шести лет.

Худенький мальчик в солдатской форме и резиновых не по размеру сапогах тащит два ведра воды. Девчушки, вооружившись тряпками, моют лестницу, затоптанную грязной солдатской обувью. «Как ты моешь, почему не протираешь сухой тряпкой?» — строго покрикивает на дочку Гая, Зоя молча начинает тереть пол по второму разу.

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

Когда работа закончена, детишки начинают носиться по коридорам госпиталей вместе с местным любимцем, избалованным медсестрами. — щенком Полканом. «Полканчик. Полканчик, на, ешь!» — Девочка протягивает псу кусочек печенья.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Именно добросовестное отношение Романова к службе, его совестливость, надежность и сыграли свою роль, когда после назначения меня министром внутренних дел Российской Федерации встал вопрос о кандидатуре на должность командующего внутренними войсками МВД России. У меня не было никаких сомнений, что им должен стать генерал Романов. Во-первых, в силу своих деловых качеств, во-вторых, как выпускник Академии Генштаба. У Ельцина фамилия Романова никаких вопросов не вызвала, и он дал указание готовить соответствующий указ.

Думаю, я хорошо знал и хорошо чувствовал Романова. Не сказать, что помимо службы мы много с ним общались: один только раз и съездили на охоту — я еще чинил его новенький карабин. Редко и только по большим событиям выбирались в гости друг к другу. Как и я, он был любителем бани, куда мы раз в неделю отправлялись. Мог там и рюмку выпить, но, как правило, одну. Коньяку — он хорошо относился именно к коньяку — в отличие от меня, предпочитающего русскую водку. Но к алкоголю был он в общем-то равнодушен — мог и отказаться, если нужно было после бани еще общаться с людьми или ставить служебные задачи.

Став командующим внутренними войсками, Романов каждый день звонил из Чечни в Москву: его волновало, как там идет служба. Он очень переживал и, бывало, говорил товарищам: «Я не могу полноценно руководить войсками. Ведь здесь, в Чечне, только малая их доля. И я оторван от всего!»

Только быстротечностью событий в Российской Федерации в последние годы можно объяснить то, что сегодня многие просто забыли, какой мир тогда предлагался чеченским сепаратистам. В нем не было еще духа хасавюртовского соглашения, но он и не был похож на ультиматум, при котором дудаевцы совсем «теряли лицо». Скорее, это был призыв к разуму мятежников, которые к тому времени были оттеснены в горы: войну следовало заканчивать для того, чтобы прекратить страдания мирного населения и дать возможность проживающим в Чечне людям в обстановке мира провести легитимные выборы собственной власти. Только такой мир, основанный на разоружении сепаратистов и, соответственно, на гарантиях их личной безопасности, предлагался тогда дудаевцам. И он не был однозначно отвергнут...

ПОЛКОВНИК ЮРИЙ ДЕНИСОВ: «Бывало, праздновались и дни рождения, но Романов, не имевший страсти к еде и выпивке, только поддерживал компанию. Случился как-то день рождения у одного из офицеров, и накрыли маленький столик, сели человек 15-20, позвали Романова, он прибежал буквально на три минуты, поздравил, сказал маленький тост, и нам говорит: «Я знаю, что здесь собрались те, кто сейчас не у дел: отдыхают после дежурства, после операции». Когда он ушел, несколько человек, которые прибежали во время работы, — все слиняли сразу. Вот опять он так корректно, неза-

метно намекнул... Пригубил: «Извините, мне работать». Подарок вручил и пошел. Бывало по-разному: кто-то там увлекся, громко начал петь. Ну казалось бы, что должен командир сделать? Резко навести порядок, принять какие-то меры и прочее. Нет. Приходит оперативный дежурный и говорит: «Там командующий попросил немножко потише петь». И все. Это настолько было действительно, что вообще переставали издавать звуки...

В мае 1995 г. на День Победы — это было как раз пятидесятилетие нашей победы в Великой Отечественной войне — решено все операции отменить. Никто не стрелял: было маленькое перемирие. Командующий распорядился — телевизоры, какие есть, так распределить, чтобы все посмотрели и торжественное собрание, и военный парад. Столько подарков было в этот день, но один — особенный: мы подарили Романову простреленное советское знамя с прикрученными на него знаками «За отличие в службе». Романов расчувствовался, рассказал про своего отца, который пришел с Отечественной войны инвалидом без ноги. с орденом Красной Звезды. А он, мальчишка, этот орден променял на какую-то безделушку. Отец его не ругал. «Знаете, он просто посадил меня и попросил: посмотри мне в глаза, я буду разговаривать с тобой как мужчина с мужчиной. Рассказал, за что получил орден, и сказал: вот когда у тебя будет свой боевой орден, тогда ты меня поймешь. И вы знаете, ребята, первый мой орден оказался именно — Красная Звезда... И когда я получил его, плакал, потому что вспомнил тот разговор с отцом». Это было поучительно, потому что у всех у нас случалось такое: кто-то у матери кольцо стащил, чтобы обменять на сигареты, кто-то там медаль потерял или на что-то обменял — в детстве. Несмысленыши... Однако все возвращается на круги своя, даже то, что, казалось бы, не вернуть. И возвращается все со смыслом, словно от Бога напоминание...»

С этой войной что-то нужно было делать: общество теперь крайне болезненно реагировало на гибель своих сыновей. Маленькая победоносная война никак не получалась уже потому, что надлежащим образом не была подготовлена и не имела пропагандистского обеспечения. Сшитая на живую нитку зимняя кампания 1994-1995 гг., только к весне перестала вызывать в обществе чувство глубокого недоумения: генералы и солдаты научились воевать, и в общих чертах стала понятна тактика и стратегия противника. Другое дело, что непоследовательные действия руководства государства, попеременно дающие федералам команды то «полный вперед», то «стоп машина», могли раскачать до полного разрушения военный механизм операции по восстановлению конституционного порядка. Что можно сказать тогда о человеке, месяцами сидевшем на блоке? «Да пошли вы все!» — говорил его взгляд, в то время как приходило понимание того, что Отечество, ради которого он тут загибался и которое любил, на самом деле дватри детских воспоминания и пейзажа, самые родные люди и собственный взвод, перед которыми было бы стыдно за подлость и трусость...

ПОЛКОВНИК ЮРИЙ ДЕНИСОВ: «Для него что чужая семья, что своя — все было очень важно, потому что в семье он видел основу нормальной жизни, очень прочную основу, без которой нельзя офицеру ни служить по-человечески, ни реализоваться. Он мне рассказывал, как знакомился со своей же-

ной. Ларисой Васильевшой, и по всему было видно — очень ее любит... Дочке Вике не из Чечни каждый вечер звонил по радиотелефону — она как раз экзамены сдавала. Волновался за нее, тем более что сам всю жизнь проходил в отличниках: везде красные дипломы... Но голос его не был строгим. Наоборот, такой взвешенный, четкий, как будто он Куликову, как это делал каждое утро и каждый вечер, докладывает... И в разговоре с дочерью — абсолютно военный человек. Иногда, зная, что раз в неделю я разговариваю со своей мамой, он протягивал телефон, говорил: «Позвони Юрий Иванович, маме. Узнай, как дела, передай от меня привет». Но привет я от Романова маме не передавал, так как скрывал, что нахожусь в Чечне, и никогда на этом внимание не заострял...

Должно быть, очень важным оказалось знакомство Анатолия Александровича с Гворухиным. Он известный режиссер, у него могут быть поклонники, но для офицеров — я имею в виду офицеров боевых — небезразлично то, как вел себя Гворухин в Чечне. Он сам лично все обошел. Мы ему все без утайки показали: и разрушения, и расстрелянных самими же чеченцами стариков. Гворухин ко всему очень критично подошел и доложил все потом на комиссии четко и объективно. Еще там, в Чечне, он подарил Романову свою книгу с автографом, с хорошими пожеланиями. Я знаю, сегодня она лежит у него дома и Романов ею гордится. Анатолий Александрович, когда Гворухин засобирался в Москву, попросил его об одном одолжении: «Вы знаете, с такой просьбой ко мне обратились солдаты и офицеры: позвонить их домашним в Москве. Допустим, вот такой телефон... Просто передать: «Жив-здоров, Иванов». Целый список, несколько листов таких коротких посланий с войны. Там ведь письма не очень писали: вдруг «вертушку» соблют, а там домашние адреса... Гворухин впоследствии выполнил эту просьбу Романова. Его помощники всех обзвонили, всех оповестили. И этот человек, Станислав Гворухин, после этого очень сильно вырос в наших глазах».

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Указ о назначении Романова командующим внутренними войсками был подписан, и вскоре он уехал в Грозный, в Ханкалу, чтобы возглавить группировку федеральных сил на территории Чеченской республики. Поскольку и я, уже в ранге министра внутренних дел, состоял в переговорной комиссии, мы целый месяц там провели с Романовым, решая и боевые, и переговорные вопросы. Уже 31 июля было подписано соглашение со всеми участниками переговоров. Анатолий очень активно включился в процесс урегулирования: практически весь блок военных вопросов не только детально был им отработан вместе с Масхадовым, но впоследствии Романовым же и реализовывался. К каждой фразе документа, просчитывая последствия, он относился внимательно, скрупулезно. Он умел и любил убеждать людей и очень корректно, дипломатично общался с нашими, мягко говоря, партнерами по переговорам. В тот момент у нас с ним была уверенность, что перелом наступил: к 15 июня все районные центры Чечни находились под контролем федеральных сил, и пришло время налаживать жизнь, помогать семьям погибших, тем, кто был ранен в результате боевых действий и тем, кто потерял кров. Людям в таких случаях нужны не только удостоверения, а конкретные дела. Нужны деньги — пенсии, пособия, заработная плата. Но новые политические власти республики и федеральный центр вслед за войсками не поспешили. Доходило до того, что я

лично привозил в Ведено на вертолете административный десант, собирал людей на площади, говорил: «Вот ваше начальство — живите...». До сих пор уверен, что можно было как-то наладить нормальную жизнь. А так что вышло? Войска стоят... Стоят неделю, две, месяц... Где-то корову украдут солдаты, где-то обстреляют автомашину. Где-то что-то пропали, где-то что-то продали... Что можно было ответить людям, чеченским крестьянам, после этого на простой и тем не менее самый важный вопрос: «А чем вы лучше Дудаева?»

В этой обстановке надо было двигаться к миру, давая возможность гражданской администрации укрепить свои позиции. Нужно было находить общий язык с боевиками, склоняя их к прекращению бессмысленного кровопролития. Знаменитые кадры, когда Романов обнимается с Масхадовым, надо воспринимать только в контексте той ситуации. Романов, правда, позвонил мне в некотором сомнении: «Правильно ли я сделал?», на что я искренне ему ответил: «Ты сделал абсолютно правильно! Ты — командующий, и тебе поручено вести переговоры. Делай все, что сочтешь нужным».

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ИННОКЕНТИЙ БЕЛОБОРОДОВ: «В ту осень, незадолго до покушения, Романов прилетел в Москву. По старой привычке мы собрались с ним в баню, в любимую — при Бауманском университете. Был он необычно грустным и задумчивым. Расставаясь, как-то обреченно махнул рукой: «Опять мне в заложники ехать...»

ПОЛКОВНИК ЮРИЙ ДЕНИСОВ: «Старики-чеченцы ему подарили саблю и бурку. За что подарили? Прежде всего за то, что был он дипломатом, казалось, всего Чичерина знал и цитировал наизусть. Он мог переговоры повернуть так, что потом две недели проходили без выстрела. Вместо этого можно было провести боевую операцию, но он добивался успеха словом. Где-то надавит на боевиков (силы-то у нас побольше), где-то просто сыграет на обаянии. И уж на что обманщиками были наши партнеры на переговорах, но когда договаривался с ними генерал-лейтенант Романов, старались слово держать».

Насколько он был дипломатичен, настолько и результативен в своем деле. Какие он для себя цели определял, выезжая на переговоры, таких и добивался. Ни разу не было так, чтобы кабальные условия нам предложили, а он согласился. Если что-то не получалось, Романов умело уходил в сторону, где соглашался, а где начинал давить на национальное самолюбие. Спрашивал: «У вас люди свободолюбивые?» — «Да». — «Они горцы?» — «Да». — «Они мужественные?» — «Да». — «Они любят своих родителей?» — «Да». — «Ну а как же так получается, что, выходя из окружения, прикрываются женщинами, своими же чеченками (тогда там русских уже не было)? Как же так получается?»

При этом к простым чеченцам, не боевикам, относился так, как должно относиться к соотечественнику. Ставил задачу командирам: «Вы должны помнить: зря по домам не стрелять. В поле — пожалуйста, все, что положено, делайте. Старый чеченец, он же по кирпичику собирал для того, чтобы себе построить дом, и вот так в одночасье этот дом разваливается. Вы представляете, сколько мы из-за этого теряем сторонников и союзников». И на переговорах тоже говорил: «Ни один дом в этом поселке — Гехи, допустим, — не будет разрушен, если оттуда не будет выстрелов. Но я предупреждаю: если хоть один выстрел будет, этот дом мы сносим». Он

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

категорически запрещал бездумно разрушать что-либо. И ни один дом или амбар, которые не использовались как укрепление, не были разрушены или повреждены. Но если оттуда все-таки стреляли, Романов решение принимал незамедлительно: «Сразу же туда... пять танков есть — значит, пять танков стреляют»...

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК АРКАДИЙ БАСКАЕВ: «Почти все время, предшествовавшее взрыву в тоннеле 6 октября, я находился в Грозном, исполняя одновременно обязанности коменданта Чеченской республики и заместителя Романова по группировке федеральных сил. Иной раз через этот тоннель я проскакивал по четыре раза на дню... Участвуя в переговорах с чеченскими боевиками, я всегда поражался выдержке, тактичности Романова, его умению противопоставить истерикам и необоснованным требованиям, которые, закатывались и выдвигались нашими оппонентами почти всякий день, абсолютное спокойствие и деловитость. Из любой, самой сложной ситуации он пытался найти выход и находил его. Я знал, как достается ему его душевное равновесие: выпьет перед переговорами мензурку валерьянки, на том и держится.

Видит Бог, срывался я, но этого никогда не позволял себе Романов, руководитель переговоров. Однажды на встрече, где речь шла о разоружении, вернее, о выкупе оружия, находящегося у боевиков, мы сказали Масхадову: «Есть информация, что у вас более ста тысяч автоматов». Масхадов взвился: «Если бы это было так, то мы бы уже давно были у Ла-Манша! У нас только десять тысяч». И я до сих помню эти слова. А через несколько часов произошел инцидент: федеральные войска обстреляли бандформирование. Об этом доложили Масхадову. Он вскочил и злобно так крикнул Романову: мы, дескать, сейчас же поднимем двести тысяч человек и пойдем против вас. Вот тут не выдержал я: «С чем пойдете, с граблями? У вас же нет оружия!»

Для того чтобы объективно оценить обстановку тех дней, достаточно вспомнить, где находились летом-осенью 1995 г. дудаевцы и где были федеральные силы. Сами переговоры были на руку дудаевцам, запертым в горах. Мы неоднократно получали радиоперехваты, свидетельствующие о том, что иные из их отрядов были готовы к сдаче.

А ход войны действительно можно было переломить в конце августа 1995 г., когда мы получили оперативную информацию о местонахождении в одном из сел группы полевых командиров во главе с Дудаевым.

Было правило, которое соблюдалось очень точно: по окончании переговоров один из офицеров сопровождает машины чеченцев до окраины села, где ночует их делегация. Это делается из соображений их безопасности. Обычно машина сопровождения доезжала до окраины села, но в этот раз случилось так, что наш майор заехал несколько дальше и с удивлением увидел возле сельского клуба Дудаева и множество полевых командиров, явно собравшихся на какое-то совещание. Вернувшись, майор доложил эту информацию мне, а я, в свою очередь, — Романову. Он сразу просчитал наши выгоды: «Если сейчас по ним бабахнуть, то и война сразу закончится!» Оставалось получить разрешение у секретаря Совета безопасности Лобова, полномочия которого позволяли ограничивать действия федеральной авиации и артиллерии. Вообще-то у Романова с Лобовым были нормальные, рабочие отношения, но только до той поры, пока Лобов не стал вмешиваться в пла-

нирование конкретных операций. Тогда в их взаимоотношениях появилась некоторая напряженность.

Романов поставил в известность Лобова, но он категорически запретил. Через некоторое время, правда, передумал, и обрадованный Романов начал ставить задачу авиации. Но тут последовало уже окончательное «нет» от Лобова, сопровождаемое его гневом в адрес Романова, дескать, тот задумал провокацию и срывает мирных переговоров. Было это 25 сентября, всего лишь за десять дней до покушения на самого Романова...

А через день пришло подтверждение от разведки: дудаевцы заседали в этом селе всю ночь... Так была упущена возможность уничтожить командное ядро бандитов, что самым серьезным образом повлияло бы на исход этого военного конфликта.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Прилетевший из Москвы Лобов, назначенный представителем Президента и являвшийся гарантом соблюдения соглашения, опирался на Романова и прислушивался с нему. Романов уже действовал, как профессиональный дипломат. — искал в Чечне новых людей. Тех, с кем можно было работать и договариваться. Прилетел Хасбулатов — он готов был работать с ним. В этих заботах я и оставил Романова 5 октября, когда улетел в Москву морально поддерживать Лобова в его разговоре с Президентом о смене чеченского руководства. (Имеется в виду правительство Д. Завгаева. — **Ред.**). Правда, был он в этот день чем-то особенно озабочен, как будто что-то чувствовал. На мой вопрос ответил сокрушенно: «Да там опять не выполнили...» Но в его тревоге не было ничего необычного: так бывает, когда срывается задуманное, когда приходится распекаль кого-то за орехи и нераспорядительность. У тебя нехорошо на душе, а все пристают: «Что случилось?» Но Романов еще посоветовался по делу: «Ситуация тупиковая. Мне не удастся убедить Масхадова. Нужно искать дополнительные варианты...»

3.

Никто и не подвергал сомнению тот факт, что взрыв, прогремевший 6 октября 1995 года, был подготовлен знающими свое дело диверсантами: в замкнутом пространстве тоннеля 30 килограммов вовремя подорванной взрывчатки чреватые неисчислимыми бедами. Страшны не только убийственный дождь осколков колотого бетона, автомобильного стекла, металла и беглое шаровое пламя вспышки. Еще и взрывная волна, многократно отражаясь от стен тоннеля, теперь металась в каменном мешке и разрушала человеческие тела уже наверху. «В принципе, он был убит», — скажет впоследствии о Романове начальник госпиталя им. Бурденко Министерства обороны России Вячеслав Ключев...

Среди тех, кто находился в «узике», только он и был жив. Может быть, потому, что невольно прикрыли его своим телом помощник Романова полковник Александр Заславский, сидевший рядом, или находившиеся там же солдаты — рядовые Матвийченко и Ябриков? А может быть, и потому, что так писалась его судьба, в которой, по Божьему промыслу, еще рано было ставить последнюю точку. Хотя у кого повернется язык назвать это везением и удачей?..

Как бы ни горько звучали сегодня эти слова, в самом факте покушения на высокопоставленного российского военно-

го, командующего внутренними войсками, нет ничего необычного: на войне генерал — цель всегда заманчивая и, будучи редкой в силу надежной охраны и предусмотрительности генеральских спутников, можно сказать, почетная. К сожалению, при выполнении боевой задачи генералы гибли и гибнут.

Надо знать российские внутренние войска, чтобы понять, как часто на войне в них бывают почти неотличимы друг от друга генерал и рядовой солдат. За десятилетие, пока случались, накатываясь друг на друга, в СССР, а потом в России самые разные вооруженные конфликты, в ВВ, которые стали расшифровывать как «воюющие войска», обрзовался свой стиль взаимоотношений и поведения. Все — в одинаковом камуфляже. Все в пыли. Все на броне и в «вертушках».

Будто предугадывая собственную судьбу, накануне покушения, 5 октября, Романов говорил журналистам из съемочной группы ОРТ совершенно официально: «Обстановка в самое ближайшее время может обостриться. По данным разведки, готовится целая серия террористических актов и диверсий против подразделений федеральных войск».

КАПИТАН СЕРГЕЙ Г., КОМАНДИР ГРУППЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ РОМАНОВА: «Команда на выезд поступила внезапно, время было около 13 часов. На командном пункте мне сообщили, что ехать предстоит к Дому правительства. Туда можно было добираться по четырем маршрутам, у нас они так и назывались: первый, второй и так далее. Я предложил ехать четвертым. Он самый длинный, но и наиболее безопасный. Однако настаивать я не мог, поэтому, когда генерал Романов через своего помощника передал, что очень торопится на встречу и надо ехать самым коротким маршрутом, мне пришлось подчиниться. Минут через пятнадцать вышли за КПП: впереди мой БТР, за ним «уазик» с Романовым, Заславским и нашим бойцом рядовым Ябриковым, который постоянно держал со мной связь по радию. Замыкали колонну еще один «уазик» и два бэтэера. Шли мы со скоростью 80 километров в час и перед мостом на площади Минутка тормозить не стали, хотели быстро его проскочить. И тут рвануло. Я слетел с бэтэера и потерял сознание. Был ли этот взрыв покушением именно на Романова, не знаю. Потом мне рассказывали, что якобы был заминирован и 4-й маршрут...»

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Я улетел из Ханкалы 5 октября вечером, а наутро, как это было заведено, Романов позвонил мне и доложил обстановку. Еще раз он вышел на связь часов в одиннадцать, сообщил: «Я сейчас еду к Хасбулатову. Он мне позвонил, и мы договорились о встрече. Я думаю, у нас будет продуктивный разговор...» Я ответил: «Как вернешься, доложи мне» — и ждал его отчета. Чуть позже сообщил кто-то из главка: «Романов ранен». Потом вышел на связь генерал Виктор Гафаров и сообщил об эвакуации Анатолия Александровича во Владикавказ. Хорошо, что во время трагедии он был в шлеме и в бронезилете, иначе смерть была бы неминуема... Я всегда ему говорил: «Анатолий, ты должен быть защищен!» Зная его дисциплинированность даже в мелочах, я не сомневался, что он так и поступит...»

Я тотчас доложил о произошедшем Президенту России. В словах Ельцина чувствовалось глубокое сожаление. Он при-

казал: «Делайте все, чтобы генерал остался жив». Мы подняли на ноги всех, тут же отправили во Владикавказ «Скальпель» (самолет-госпиталь Министерства обороны России. — **Ред.**). Почему-то я был уверен, что Романова удастся вытянуть...»

Самой большой удачей является то, что дело спасения генерал-полковника Анатолия Романова с первой минуты и до сегодняшнего дня поручалось только смелым и очень профессиональным людям. Тотчас же после взрыва эвакуация командующего была поручена экипажу вертолета из состава авиации внутренних войск. Согласно распоряжению, «вертушка», находящаяся в тот момент в Беслане (Северная Осетия — Алания), должна была срочно вывезти из Ханкалы 18 раненых, 12 из которых были тяжелыми.

ПОДПОЛКОВНИК МИХАИЛ КАРАМЫШЕВ, КОМАНДИР ЭКИПАЖА ВЕРТОЛЕТА: «Только я совершил посадку, как прибегают весь взмыленный офицер дежурной службы, кричит: «Сейчас Романова повезешь!»

Я понять не могу: вызывали забирать раненых, а нужно куда-то с командующим лететь. Потом смотрю, несут несколько носилок с ранеными. Среди сопровождающих командующий авиацией генерал Якунов. Глаза у него бешеные, мой доклад не слушает, да и вообще не узнает меня. Быстро занесли носилки, и Якунов мне: «Лично доложишь, когда доставишь! Лично!». Хотите верьте, хотите нет, но я так и не сообразил, что один из раненых — генерал Романов. Даже подумать не мог... Посоветовался с экипажем, как лететь. Если через Грозный, то это тридцать две минуты, а если напрямик, то семнадцать. Только лететь через Бамут, а там в любую секунду легко пулю схватить. И все-таки решили рвануть напрямик. Шпарили на такой скорости, на какой нельзя — 300 км в час. Над Бамутом нас обстреляли, да еще коршун врезался, фару погнул. Но, видно, Бог был в тот день на нашей стороне. Долетели за 15 минут. На аэродроме подбежал врач, посмотрел и говорит: «Еще бы минут десять, и можно было уже не спешить...»

Той осенью Лариса Романова наконец затеяла в квартире ремонт: предыдущий был лет семь назад, и следовало приняться за дело незамедлительно. 6 октября где-то в полдень генерал позвонил домой из Ханкалы, но поскольку телефоны дома не было, о домашних делах переговорил с маляром Таней. Лариса Васильевна пришла чуть позже, а после прибежала с занятий Вика — радостная и веселая: «Мам, я поеду на выходные с ребятами за город!» Вот тут она почему-то сорвалась на Вика, показывая рукой на строительный мусор: «Какие выходные, какой загород?! У тебя есть совесть? Ты меня тут одну оставишь со всем этим!..» Вика обиделась, ушла на кухню, включила телевизор и вдруг выбегает такая растерянная: «Мама, там говорят, что на папу покушение было».

ЛАРИСА РОМАНОВА, ЖЕНА: «Я начала звонить в главк. Все молчат, никто ничего не говорит. Наконец нашла Шкирко. «Лариса, он жив». Ко мне сразу же приехала жена Анатолия Куликова — Валентина. Примчалась с другого конца города и сразу заставила меня взять себя в руки. Успокаивать-то можно по-разному. Она не стала со мной рыдать, даже покрикивала на меня слегка...»

4.

Кажется, что взрывная волна, рожденная именно этим октябрьским взрывом, будто так и осталась блуждать в этом проклятом тоннеле, и не будет ей конца, пока не будет получен ясный ответ на вопрос — кому это было нужно? И не потому, что безнаказанным остается само преступление — ну кто, скажите, нашел виновных в гибели Виктора Поляничко, попавшего в засаду в Осетии и на тот момент являвшегося по должности целым вице-премьером Правительства России?.. А потому, что взрыв этот удивительным образом написал имя Романова уже в какие-то иные страницы русской летописи. В ее особенные чистые страницы, понятные русскому человеку, россиянину уже в силу хранящейся в каждом из нас исторической памяти. В ней давняя неприязнь к восточному вероломству (стремился к миру, ехал на переговоры), и любовь к военной стати (княжеское достоинство слов, жестов, поступков), и вечная русская надежда на возвращение солдата, которого уже не числят среди живых. Так ждали сыновей и мужей, пропавших без вести на Великой Отечественной войне, и через тридцать, и через сорок лет, не теряя надежды на то, что кому-нибудь из них доведется очнуться в «специальном» госпитале и вспомнить собственное имя.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Сегодня трудно сказать, на кого охотились диверсанты в этом тоннеле 6 октября 1995 г. Сказать, что были мы все беспечны — нельзя: я в Чечне, чтобы запутать противника, часто отрывался от колонны. Бывало уезжал на «уазике», дав распоряжение командиру БТРа: «Движение начнете через десять минут!» Так что колонна часто шла без меня. Трудно сказать, кого ждали эти люди, установившие фугасный заряд: я улетел 5 октября вечером. У нас с Романовым был один позывной...»

Одно можно сказать совершенно точно — это был не случайный взрыв, а очень хорошо подготовленная акция. Не исключаю, что ее организовали люди, сидевшие с нами за столом переговоров. Во всяком случае, анализируя впоследствии разговор с одним из переговорщиков, который на наше сообщение о том, что Романов ранен, ответил: «Пусть теперь не ходит воевать...», я пришел к выводу, что эти слова были не просто радостной эмоцией бандита, а содержали информацию, вполне понятную мне... Они не убили его потому, что за свою жизнь боролся он сам: Романов отличался завидными физическими данными и был атлетически сложен. Они не убили его потому, что за него боролся его войска: сразу после взрыва прапорщик фельдшер умело поставил своему командующему спасительную капельницу. Отсутствие хотя бы одного из этих условий означало бы, что мы бессильны перед лицом беды. Но мы не бессильны, потому что умеем сражаться до конца...»

ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ВЯЧЕСЛАВ ОВЧИННИКОВ: «На том месте, где подорвался Романов, я потом часто бывал. Через год после взрыва в октябре 1996 года у меня была встреча с Масхадовым и Удуговым. И вдруг я заметил, что вокруг меня ходят чеченцы, присматриваются, о чем-то перешептываются. Они следили за каждым моим движением. А потом спросили: «Вы не брат Романова? Мстить, наверное, за него приехали». Мы тогда с ним были похожи — примерно одного роста, в одинаковых очках, у него в Чечне были усы как у меня. Я ответил, что я хороший его товарищ. И сказал им, что все равно те,

кто совершил этот теракт, будут наказаны не таким диким и зверским способом, а по закону. А потом они мне сказали, что Романова очень уважали и уважают, и что для них самих загадка, как все это произошло. Чеченцы говорили, что у них есть свои версии происшедшего, что у них есть документы, которые подтверждают: никто из тех, кто воевал на стороне бевиков, к этому не причастен. Могут быть причастны только люди типа Хаттаба или спецслужбы. Но за мной они постоянно присматривали, чтобы со мной, не дай Бог, ничего не случилось.

Раньше ко мне часто приезжал Махашев, бывший министр внутренних дел Чечни. Я ему постоянно напоминал, выспрашивал, что нового стало известно. Однажды он мне сказал: «Тебе это нужно?» Я ответил: «Да». — «Этим можно помочь Романову?» — «Нет». — «Тогда пусть эта тайна так и останется тайной. Потому что я не завидую тому, кто это узнает. Я по своему каналу нашел одну фамилию. Хотя, возможно, он просто захотел себе это приписать. Начальник одного из отделов внутренних дел Грозного на совещании заявил: «Кто из вас для Ичкерии что-либо полезного сделал? Я, по крайней мере, хоть организовал покушение на Романова». Его никто не задерживал, не допрашивал. Хотя, думаю, это было простым бахвальством, он красовался перед своими подчиненными».

Эти свидетельства известных военачальников только подтверждают те данные, которые в результате журналистского расследования оказались в распоряжении журналиста Андрея Эдокова. Сегодня их можно назвать только версией, но результаты действий федеральных войск в Чечне уже позволяют компетентным органам возобновить активность в расследовании покушения на генерала Романова в октябре 1995 года.

Существуют свидетельства, что одним из организаторов и исполнителей террористического акта в отношении генерал-лейтенанта А. А. Романова является некий РАМЗАН ЮСУПОВ, примерно сорока лет, житель с. Рошни-Чу. Юсупов является родственником Д. Дудаева (двоюродный племянник).

О Р. ЮСУПОВЕ известно следующее: до 1990 г. он работал в одном из подразделений патрульной службы милиции в г. Грозном. С 1991 г. занимался (с санкции Д. Дудаева) реализацией оружия и взрывчатых веществ, в тот период был близок к Д. Дудаеву. Принимал активное участие в боевых действиях против федеральных сил — руководил незаконным вооруженным формированием в районе сел Рошни-Чу, Гехи-Чу. Предположительно во времена правления Масхадова являлся начальником Октябрьского РОВД г. Грозного.

Представитель тейпа зумсой, ЮСУПОВ поддерживал тесные отношения с С. Радуевым и Л. Дудаевым (мэром Грозного). Хорошо знает взрывное дело. Ранее Р. ЮСУПОВ пытался осуществить физическое устранение Р. Лабазанова. Впоследствии оказал в этом содействие Ш. Басаеву и Р. Гелаеву.

В октябре-ноябре 1997 г. в кабинете К. Махашева состоялось оперативное совещание, где присутствовали некоторые руководители аппарата МВД Чечни и его территориальных органов (всего 9-11 человек). Со стороны К. Махашева им были предъявлены обвинения в бездеятельности, в т. ч. по освобождению заложников. На этом совещании выступил Р. ЮСУПОВ и сказал: «... Все в общем-то правы, но для независимости Чечни вами сделано еще мало. А я принимал участие в подготовке и взрыве генерала Романова и этим горжусь. До сих пор на боль-

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

ничной койке лежит генерал, чьи войска мы победили». Об этом же Р. ЮСУПОВ высказался в январе 1998 г. в присутствии ряда сотрудников Октябрьского РОВД.

Возможно, что информацией об организации и исполнителях теракта располагает родственник Р. ЮСУПОВА по имени ДАЯН, проживающий в с. Рошни-Чу и являвшийся доверенным лицом Д. Дудаева.

У многих почему-то существует надежда, что Руслан Хасбулатов мог бы пролить свет на обстоятельства того трагического дня, когда Романов неожиданно засобирался на встречу с ним. Здесь — магия фамилий и чисел. 4 октября 1993 г. два этих человека противостоят друг другу, по сути, с оружием в руках. Романов участвует в подавлении мятежа, Хасбулатов является его душой... 6 октября 1995 г. машина Романова подрывается в тот момент, когда генерал едет к Хасбулатову вести «продуктивный разговор», но это уже иная ситуация... Может быть, и не было между ними приязни, но в политике эмоции — вещь дорогостоящая. В политике ценен прагматизм, когда договаривающиеся стороны думают лишь о том, как извлечь из общения максимум пользы для себя и для объединяющей их ситуации. И Романов, и Хасбулатов, без сомнения, были прагматиками, готовыми закрыть глаза на прошлое во имя решения проблем страдающих от войны чеченцев и всех тех, кому выпало несчастье оказаться в этих гиблых местах.

РУСЛАН ХАСБУЛАТОВ (по телефону): «Анатолий Романов действительно ехал на встречу со мной. Мы договорились встретиться в кабинете у депутата Зорина в час дня. Я очень ждал этого разговора... Многие в Чечне надеялись, что он мог переломить ситуацию. Но на него оказывали серьезное давление: не все приветствовали его постоянные встречи с чеченской стороной. Как казалось мне, он сделал четкий выбор в пользу мира.

У меня тоже был серьезный план — в тот момент надо было создавать коалиционное правительство. Текст этого плана был передан и Лобову, и Дудаеву, и Масхадову. Его опубликовали в местных газетах, так что даже люди в отдаленных селах могли ознакомиться с ним. И этот план был вполне приемлем — вырисовывались хорошие возможности для мирного населения. Поэтому я думаю, что этот взрыв был направлен не просто против него. Это должно было взорвать обстановку и начать новый этап войны».

Понятно и оправданно желание товарищей Романова поставить точку в этой истории. Понятно раздражение общества тем, что еще не найдены и не наказаны убийцы, тем более что октябрьский взрыв в Грозном стоит в том перечне громких преступлений, которые, будучи нераскрытыми, свидетельствуют о слабости власти и ее неспособности давать сдачи в соотвествии с американскими или израильскими образцами. Но внимательные и беспристрастные исследователи чеченского кризиса конца века найдут подтверждение тому, что власть иногда демонстрировала умение все делать так, как нужно. И ракеты летели куда надо, и влиятельные полевые командиры в нужный момент оказывались в следственном изоляторе в Лефортово. Видимо, и в этом случае следует запастись терпением. Это благороднее и гуманнее, чем в пустой злобе долбить НУРСами аулы, где проживают и без того несчастные люди.

С часу дня 6 октября 1995 года, когда прогремел взрыв, борьба за жизнь генерала Романова не прекращалась ни на секунду. Еще не случилось главное — генерал продолжает находиться в пограничном состоянии между жизнью и смертью, между светом и тьмой, вызывая искреннее сочувствие нации, пытающейся хоть как-то помочь этому мужественному и любимому всеми человеку. Несмотря на тяжесть ранения, борьба за жизнь генерала не превратилась для семьи, для врачей и для войск в выполнение тяжелого и бесперспективного долга. Она не стала темой диссертаций и поводом для научных работ. Она не стала тягостной службой для тех, кто лечит Романова или, заботливо укрывая пледом, вывозит его на прогулку. Каждый день продолжается спасение жизни. И это очень бескомпромиссная борьба.

Предугадывая замечания о том, что, дескать, Романов окружен генеральской заботой, о которой простой солдат мог бы только мечтать, следует напомнить, что в Главном госпитале Министерства обороны России существует важнейшее правило: «Лечим генерала, как солдата, а солдата — как генерала».

То состояние, в котором находится сегодня генерал Романов, трудно назвать полноценной человеческой жизнью. Зажили открытые раны, внутренние органы, по словам медиков, давно уже функционируют нормально. Но нет еще ясного сознания, не восстановлено функционирование некоторых важных систем организма: не может Анатолий Александрович пока ни ходить, ни говорить. Никто не в состоянии предугадать, как будет Романов осознавать себя в тот час, когда вернется к нему возможность владеть и собственными мыслями, и собственным телом. Поэтому то, что делают его лечащие врачи и семья, мало похоже на обыкновенное поддержание функций жизнедеятельности организма. Скорее это эксперимент, целью которого является внезапный прорыв. Никто не знает, когда и почему он произойдет... В него просто верят, и это тоже напоминает бой.

Вот уже четыре с лишним года Лариса Васильевна Романова разрывается между домом, работой и госпиталем. Появляется небольшое окно на работе, она мчит в Бурденко. Гуляет там с мужем, рассказывает ему обо всех семейных событиях, жалуется на кошку Машку и заклинившую в квартире дверь. В общем, как нормальная жена, делится с мужем обычными бытовыми проблемами. Только не по вечерам, после работы, как в миллионах российских семей, а в госпитале. На все это, при ее уважении к близкому окружению мужа, помогающему ей ежедневно, нормальная реакция жены: «Он как-то сказал, что его учили воевать, и что он должен выполнять приказы. Сейчас я думаю: лучше бы он подал в отставку и был бы сегодня здоров». У нее с мужем сложилась такая тональность разговора, которая исключает жалостливые нотки. Она хочет, чтобы он чувствовал будущую победу, а не замыкался в сегодняшней беде. Говоря о нем, она говорит «мы», и это только кажется, будто она таким образом подчеркивает, что нынешний Романов по-детски беззащитен. Говоря «мы», она подчеркивает единство семьи и свою женскую зависимость от любви этого человека.

ГЕНЕРАЛ АРМИИ АНАТОЛИЙ КУЛИКОВ: «Все мы надеялись и надеемся сейчас на чудо. Но это чудо, как и вера в Бога, не объясняется, а просто принимается сердцем. И я молюсь за него, молюсь за человека, которого люблю и уважаю. Как, впрочем, за всех погибших солдат и офицеров. За всех,

кто остался жив. За всех, кто сделал нас хотя бы чуть лучше и чище».

В июне 1998 года в семье Романовых произошло серьезное событие — дочь Вика вышла замуж. Накануне свадьбы Вика пришла в госпиталь, доложила: «Папа, я выхожу замуж». После этих слов генерал проплакал весь день. Может, оттого, что не мог присутствовать на свадьбе? А может, от эгоистичной отцовской ревности — его единственная любимая дочь, его Виктор, с которой он старался проводить все свободное время, вдруг выходит замуж за какого-то совсем незнакомого ему человека...

Но это текущая жизнь. На будущее запланированы несколько важных дел. Во-первых, предстоит генералу прочитать толстую пачку писем, которые пришли на его имя в госпиталь и хранятся нераспечатанными. Во-вторых, получить заслуженную Золотую Звезду Героя Российской Федерации. Звание Героя России генерал-полковнику Анатолию Романову присвоено давно, и даже были попытки вручить награду жене, как это бывает, когда в указе стоит приписка — «посмертно». Лариса Васильевна Романова наотрез отказалась ее получать. Ответила жестко: «Он не убит. Ему и вручайте!»

ПОЛКОВНИК ЮРИЙ ДЕНИСОВ: «Мы работали вместе с марта 1995 года, а второго июня прилетели в Москву. Романова ждала «Волга», и он двинулся к ней, забросив пустую сумку через плечо. Я начал с ним прощаться. И хотя надо было еще придумывать, как самому добираться до города, напрашиваться в генеральскую машину я не считал возможным. Но тут Анатолий Александрович даже удивился: «Ты что прощаешься? Садись, доедем вместе». И вот мы доехали до его дома, наскоро поднялись, а потом, провожая меня вниз (он поручил водителю доставить меня до дома), Анатолий Александрович купил букет цветов, протянул мне со словами: «Передайшь своей жене от меня». Я доехал до общежития, в котором мы тогда жили, а жены дома не было — шли выпускные экзамены в школе, где она работала: все писали сочинение. И вот как был — бородатый, с пистолетом в кобуре, с букетом цветов в руках — я подрулил на романовской «Волге» к школе, прямо на экзамены. Во дворе школы все переполошились сначала, но потом поняли и успокоились. Ясно ведь: к кому мужья из НИИ могут забежать или с завода в обеденный перерыв, а к некоторым, самым любимым — прямо с войны...»

АНДРЕЙ ЭДОКОВ, ЖУРНАЛИСТ: «Теперь все это имеет значение: тот день в Ханкале, ясная жара юга, далекая очередь из автомата... Командующий внутренними войсками генерал-лейтенант Анатолий Романов занят; идет совещание. Маскировочная сеть, раскинутая над штабными вагончиками и небольшим просторством свободной земли, где сидят теперь сосредоточенные офицеры, создает странные световые эффекты: и люди, и строения, и огромная карта, прикрепленная, уже не припомнить к чему, — все в каких-то ярких, слепящих глаза пятнах, и глаза устают, и устают тело, расплавленное жарой (им хорошо там, под сеткой). А ждать еще битый час. И снова дальний выстрел, второй, третий. (Чечня, летняя кампания 1995 года, вялотекущий мятеж...)»

Генерал-лейтенант высок. Удивительное лицо особого типа очкариков: по-генеральски волевое, но с очень добрыми

глазами, которые несколько контрастируют с подчеркнуто жестким обликом — стать гимнаста, оливковый берет, высоко закатанные рукава камуфлированной куртки. Судя по артикуляции губ (секретные слова не долетают) — точные, взвешенные фразы, учительская указка в руках и — особенно сияющая на солнце звезда генеральской пряжки на ремне. Наконец что-то сдвинулось. Знакомый генерал Рубцов с загорелым лицом (за что прозван солдатами Черным Гарри), шагнул строевым к Романову. Вскинутая к виску ладонь... Прощальные слова и крепкие объятия. Все расходится шумно, растаскивая стулья...

Теперь генерал один. Медленно и задумчиво бредет по дорожке к своему вагончику. Весь внутри своих мыслей. Опять яркие блики света, пятна камуфляжа. «Товарищ генерал!» Поворачивается и смотрит очень дружелюбно. Короткий доклад о необходимости срочного вылета на восток (почему срочного? куда было спешить?). Секунда размышлений и взмах руки над головой: «Полковник Тихонов, ко мне!»

Все решено мгновенно, и через десять минут уже рев винтов, стрелок вертолета, голый по пояс, но в бронезилете, ладит пулемет. Уход земли из-под ног: взлет. Договорились увидиться после командировки... Договорились поговорить потом...

Если б знать, что в быстротечное наше время ничего нельзя откладывать на будущее. И не из-за профессии, а просто так, чтобы не пробежать мимо чего-то очень важного, отчего чище и лучше становится собственная жизнь.

Увиделись после всего... Через три года — госпиталь им. Вурденко, аллея парка. Увиделись — какое хорошее и пока неисполнимое для Романова слово. «Товарищ генерал! Я встретился с вами в Ханкале тогда-то и тогда-то...» Генерал плачет: трудно сказать, узнал или нет. Знаковое слово — Ханкала. Будь ты проклята, эта война!

Кто знает, может, в том мире, где сейчас находится мой генерал, еще раскинуты огромные маскировочные сети, создающие сложные границы между светом и тьмой. Может быть, из этих сетей еще нужно выпутываться долго и мучительно, и прокладывать себе путь к более прочным и надежным почвам реальности. Может быть, там он все еще ведет свой бой, зовет верного Заславского, и там его еще несут из разбитой машины: по лужам крови, по битому стеклу...

Что сказать? Мы еще повоюем?.. Все обойдется?.. Надо держаться?.. Мы победим?.. «Прощание славянки»... Обычай Родины: после «Встречного марша» обязательно «Прощание славянки»... Будто неведки? Но в этот раз мы должны окзаться сильнее смерти. Уже потому, что это стало вопросом чести... Уже потому, что зимние квартиры полны запахом сосен и настоящим светом жизни. Теперь, генерал, нам всем обязательно нужно вернуться с этой войны. Возвращайтесь и вы: все товарищи вас прикрывают!..»

Имя в истории Кавказских войн

Знаменитый серб в русской армии

Портрет Георгия Арсеньевича Эмануэля занимает достойное место в галерее Славы Санкт-Петербургского Эрмитажа среди выдающихся военачальников России прошлого столетия. Судьба привела его в Российскую империю, которой он служил верой и правдой...

27 марта 1797 года молодой серб в венгерском военном мундире с любопытством наблюдал вахтпарад на Кремлевской площади. Расставшись навсегда с родным ему городом Вершиц и тая обиду на императора Австро-Венгрии, Георгий из рода Мануила отправился попытать счастья в России. 22-летний чужеземец со сверкающей на груди медалью «За храбрость» привлёк внимание императора Павла I. Граф Шувалов пригласил

офицера на аудиенцию в тот же день.

Иностранец представился подпоручиком венгерской армии, которую он оставил для службы в русской. К этому времени он, дворянин, познал боевые схватки с турками и французами, пережил госпитализацию в Гейдельберге, где ему залечили тяжелейшие раны. В Россию Эмануэль прибыл со знанием военных наук, владея итальянским, немецким и французским языками. Аудиенция у императора решила его дальнейшую судьбу: Эмануэля зачислили поручиком в лейб-гвардии гусарский полк.

На полях войны с Францией и Пруссией обстоятельства свели его с князем Петром Ивановичем Багратионом. Командуя

тремя эскадронами Киевского драгунского полка, Эмануэль удачными действиями обеспечил начальнику авангарда генерал-лейтенанту Багратиону успех под Гейдельбергом. Тильзитским мирным договором закончились военные события, и полковник Эмануэль вернулся в Россию для излечения ран.

Но притязания Наполеона представляли мало времени военным, чтобы тешиться покоем, и сигнал полковой трубы снова позвал в поход: началась Отечественная война 1812 года.

Георгий Арсеньевич принял командование Киевским драгунским и Ахтырским гусарским полками, входящими в армию Багратиона. Зная достоинства сербского кавалериста, князь Петр Иванович доверил ему аррьергардные

РЕТРОСПЕКТИВА

дела. Войска отступали под прикрытием кавалерии Эмануэля. Артиллерия генерала Н. Н. Раевского сдерживала натиск французов, стремившихся преградить Багратиону путь к соединению с первой армией. Быстрые маневры кавалерии Эмануэля расстраивали планы маршала Даву.

На Бородинском поле у Шевардинского редута в ночной атаке на французскую конницу Эмануэль упал с коня, сраженный пулей в грудь. Опять пришлось залечивать рану. В сентябре Георгий Арсеньевич вернулся в действующую армию, участвуя к событиям под Тарутином.

За Бородинское сражение 24 августа Георгий Арсеньевич был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Армию Наполеона Эмануэль встретил в чине полковника, а в Париж вступил генерал-лейтенантом.

В битве народов под Лейпцигом генерал-полковник Эмануэль с малым отрядом, в окружении отступавшего в беспорядке французского войска, смог захватить в плен бывшего посла при Санкт-Петербургском дворе Лористона, чем особенно удивил генералитет и монархов, собравшихся на большой лейпцигской площади.

Ни одной награды сербский дворянин не получил по протекции. Заслуги его были достаточ-

но убедительны, чтобы ему доверили один из самых ответственных постов: 25 июля 1826 года Г. А. Эмануэль был назначен командующим Линией и начальником Кавказской области.

22 сентября Георгий Арсеньевич прибыл в Ставрополь и принял командование Линией, которая тогда находилась в затруднительном положении. Персия готовилась к войне с Россией и подстрекала горцев к разбоям. Турецкое правительство тоже старалось изо всех сил разжигать вражду к «неверным».

Чрезвычайное протяжение Линии — от Астрахани до Черного моря — и недостаток войск крайне озадачили нового командующего. В октябре Эмануэль отправился на правый фланг осмотреть пограничные рубежи и обустроить посты на Кубани и Малке. Укрепление левого фланга было завершено к августу 1827 года. С приездом на Кавказ Георгий Арсеньевич принял все необходимые меры для установления мирных отношений с горцами. Переговоры, за которыми не таилось лицемерия, привели к тому, что тагаурцы, карабулаки, дигорцы, балкарцы, урусбиевцы, хуламцы, безенгиевцы и другие народы Кавказа приняли подданство России.

Таким образом, Эмануэль сумел выполнить основной наказ императора Николая I: укрепить Линию и склонить сопре-

дельные народы к добрососедству. В награду за труды, а особенно за сохранение мирных отношений с горцами порубежья император пожаловал Эмануэлю орден Святого Александра Невского. Но идиллия продолжалась недолго. Представление о Кавказе Его Величества было столь же туманным, сколь и у его паркетных генералов при дворе. Лишь только русские войска разбили персов под Елизаветполем, как тут же оживилась Оттоманская Порта, провоцируя горцев устраивать набеги на Линию.

В апреле прибыла срочная депеша с императорским вензелем. Сорвав сургуч, Эмануэль пробежал глазами рескрипт, в котором говорилось:

«Надменное упорство Оттоманской Порты, отринув все предложения мирные, вынуждает прибегнуть к оружию. Война с сею державою объявлена будет вслед за сим Правительству ее.

На основании сего повелеваю вам с 25-го числа сего Апреля считать войну с Турцией начатой и приступить к действиям против сей державы, сообразно с обстоятельствами и сходно с наставлениями, предначертанными вам, по повелению Моему, Начальником Главного Моего Штаба.

Возлагая на особенное попечение ваше полное охранение вверенной вам области, Я остаюсь в твердой надежде, что доверенность и уважение, которое вы снискали между горскими племенами Кавказа, предупредит всякое неприязненное действие и что твердость и мужество ваши укротят все замыслы недоброжелательных врагов России».

Несмотря на то, что Эмануэль предусмотрительно выдвинул

РЕТРОСПЕКТИВА

войска на правый фланг Линии, к наиболее важным пунктам, для защиты границы от возможных нападений, сильная партия закубанцев под предводительством турецкого чиновника Магомет-Аги прорвалась сквозь укрепления в верховьях Кубани, разорила и сожгла станцию Незлобную. После кровопролитной схватки с хоперскими и волжскими казаками закубанцы, преследуемые по Линии, отступили через Карачай.

Карачаевский предводитель Вали-Ислам Крым-Шамхалов был не прочь нажиться на торговле оружием и часто способствовал проникновению турецких эмиссаров в горские общины. Мусульманские проповедники хорошо знали торную тропу, ведущую в Кабарду, Осетию, Чечню и Дагестан. Князь Дудов отказался участвовать в сделках Вали-Ислама, дабы не навлекать беду на свой аул. Вражда перешла в междоусобицу, грозившую резней.

Осенью 1828 года Георгий Арсеньевич срочно собрал экспедиционный отряд. На труднодоступном перевале Ослиное Седло Эмануэль в однодневном бою сломил сопротивление карачаевцев и спустился с пехотой и артиллерией к истокам Кубани, но спешить с уничтожением аулов не стал. 22 октября карачаевцы пришли в лагерь командующего на Линии и дали присягу на подданство Российской империи.

Однако турецкие притязания не уменьшились. Порты явно терпела неудачи на Дунае, и султан Махмуд II стал все чаще обращать свои взоры на Кавказ. Паша Сеид-Ахмед прибыл к закубанцам и убеждал их в том, что русские войска переведены с Линии к проливу Дарданеллы и генерал Эмануэль не сможет

защитить область от вторжения неприятеля.

Узнав о происках турок, Георгий Арсеньевич принял весьма мудрое решение: чтобы войти в сопредельные с Линией земли, не взбудоражив настороженных горцев, и ненароком показать им свою готовность ответить силой на любую вылазку, нужен был важный повод, который долго искать не пришлось.

По предложению Эмануэля в Санкт-Петербурге быстро собрали научную экспедицию к подножию Эльбруса. Исследование неизвестного русского района вместе с научными изысканиями сопровождалось разведкой. Военные топографы составили карту местности и сделали многочисленные зарисовки. Экспедиция завершилась восхождением на Эльбрус, и дата 11 июля 1829 года открыла летопись российского альпинизма. Петербургские ученые едва не дошли до вершины: холод и утрата сил сказались на горовосходителях. Сопровождавшие их горцы и казаки выбились из сил прежде петербуржцев. Лишь кабардинского проводника Килара Хаширова Эмануэль увидел в подозрную трубу на ледовой вершине Эльбруса.

По возвращении в лагере у реки Малка Килара чествовали как первовосходителя на высочайшую гору Кавказа. Эмануэль подарил ему отрез сукна и сотню серебряных рублей. Георгий Арсеньевич спросил о заветном желании вольного крестьянина, и Килар, ко всеобщему удивлению, обратился с просьбой зачислить его в Кавказский полуэскадрон, созданный Эмануэлем из горской знати. Килар был из простолюдинов, и, чтобы не обидеть отважного горца отказом, начальник области опре-

делил его в русскую армию. В память о первовосхождении на Эльбрус в Пятигорске построили грот Дианы, две опорные колонны которого символизируют две вершины Эльбруса.

Кроме военных забот на долю Георгия Арсеньевича выпали и хлопоты по обустройству курортов на водах. Задуманные генералом Ермоловым военные лечебницы у целебных ключей скоро обрели известность в России как летние курорты. Продолжать эту работу пришлось нынешнему начальнику Кавказской области. Кислые, Железные и Горячие воды посещались русской знатью, желавшей удобств и развлечений. По плану, разработанному архитектором Бернардацци, селение в Горячеводской долине скоро преобразилось в уютный городок, которому, по предложению генерала Эмануэля, 14 мая 1830 года Правительствующий Сенат жаловал статус города с названием Пятигорск «по Бештовой горе».

Сюда же 22 апреля 1832 года генерал от кавалерии Эмануэль вместе со своим сыном, 15-летним прапорщиком Георгием, прибыл после отставки, которую командующий на Линии попросил у императора в связи с тяжелым ранением, сильно подорвавшим его здоровье. Это случилось годом прежде, когда Георгию Арсеньевичу пришлось срочно перевести войска на левый фланг Линии для того, чтобы дать отпор вожаку мюридов Кази-Мулле.

Международная обстановка после успешных кампаний России против Персии и Турции не улучшилась. Азиатские державы не смирились со своими поражениями, европейские — добивались собственного приоритета на Каспийском, Черном и

РЕТРОСПЕКТИВА

Адриатическом морях. Балтийское море также оставалось яблоком раздора. Восстание поляков — недавних соратников Наполеона в войне против России — и частые набеги горцев на Линию были явным тому подтверждением.

5 июля 1831 года партия чеченцев напала на отряд майора Сипайла близ крепости Внезапной. Нападавшие были разбиты, а среди убитых и раненых майор обнаружил знамя с изображением королевской лилии и надписью «Vive le Roi!» Распространению мюридизма, одного из фундаментальных учений исламистов, способствовали не только в Азии... В 30-е годы прошлого столетия движение мюридов на Кавказе возглавил Кази-Мулла.

В июле 14 тысяч горцев под предводительством нового пророка осадили на левом фланге Линии крепость Внезапную. Отведенный нападавшими в сторону водовод усугубил положение небольшого гарнизона в летний зной. Около тысячи защитников крепости 16 дней сдерживали натиск неприятеля. Князь Бекевич-Черкасский и генерал Эмануэль повели войска двумя колоннами к осажденной цитадели.

При виде регулярных войск Кази-Муллы сразу же снял осаду и отступил в глубь гор к аулу Акташ. Генерал Эмануэль принял решение разбить скопище, представлявшее опасность для левого фланга Линии. Первая колонна двинулась на аул Акташ — укрепленную ставку Кази-Муллы. При входе в ущелье передовой отряд был встречен ружейным огнем чеченских стрелков, засевших в глухом лесу. Верный своему принципу боевого военачальника, Эмануэль возглавил передовой отряд. На-

тиск был столь мощный, что противник скоро оказался выбитым из леса. Ставку Кази-Муллы вскоре предали огню, но сам предводитель мюридов предусмотрительно ретировался до вступления войск в аул.

В решительной атаке на лесные завалы Эмануэль был сражен пулей в грудь навылет. Его сына постигла не лучшая участь: младшего Эмануэля привезли в санитарный обоз с раздробленной ногой. Для лечения ран серными водами оба Эмануэля прибыли в Пятигорск в апреле следующего года. Судя по документам, в ожидании согласия императора на отставку генерал от кавалерии посетил кавказскую лечебницу последний раз. Чувствуя, что уже не сможет приносить ту же пользу Отечеству, как в прежние времена, Георгий Арсеньевич решил посвятить остаток дней своих заботам о семье. Трое сыновей и семь дочерей всегда оставались на попечении его жены Марии Виллиамовны. Имея ренту от щедрот императора, бывший начальник Кавказской области купил небольшое имение в Елизаветграде, во дворе построил каменную часовню, ставшую родовой усыпальницей. Здесь же в 1837 году и похоронили главу рода Эмануэлей в России.

В память о выдающемся воине русской армии в Пятигорске — бывшем центре Кавказской линии — его именем назвали небольшой парк, созданный в тридцатые годы прошлого столетия, когда Георгий Арсеньевич Эмануэль был начальником Кавказской области.

В 1851 году адъютант Эмануэля Николай Борисович Голицын в память о своем командире опубликовал книгу под названием «Жизнеописание Гене-

рала от Кавалерии Емануэля». В этой биографии князь весьма живо воссоздает портрет своего начальника:

«Как военный человек, Емануэль обладал необыкновенными качествами: мужество, хладнокровие и присутствие духа были его отличительные черты. Сверх того он одарен был чрезвычайным взглядом, и когда являлся на поле сражения, стоило ему только оглянуться, мгновенно в голове его рождались и созревали распоряжения, которыми потом выражались приказаниями, всегда ясными и точными. Чем более возрастала опасность, тем быстрее и светлее были его соображения...

В обращении своем он был всегда кроток, приветлив, учтив. Я находился при нем три года безотлучно и могу сказать, что никогда не видел его или несправедливым, или враждебным, или даже неприветливым. Праведное негодование свое он изъяснял в пристойных выражениях и без всякой запальчивости. Он почитал, что взysкивать по службе должно, но не признавал ни в ком права быть невежливым».

Игорь ГОРИСЛАВСКИЙ

г. Пятигорск

Владимир СИЛКИН

Владимир Александрович СИЛКИН родился в 1954 году. Военную службу начинал в Белоруссии, затем проходил ее в Южной группе войск, Сибирском, Дальневосточном и Московском округах. Сейчас служит в Главном управлении Министерства обороны. Полковник. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Впервые его стихи появились в нашем журнале в 1991 году. С той поры он выпустил несколько поэтических сборников, стал лауреатом литературных премий имени К. Симонова и Приморского комсомола, был принят в Союз писателей России. Мы знакомим вас с его новыми стихами.

ВЕТЕР ЗВЕЗДЫ ХОЛОДНЫЕ ТУШИТ...

РЫНОК

Свободные цены и зоны.
Забывтый страной молодняк.
Я, в рынок страной заключенный,
Свой срок не отбуду никак.

Сижу, как бандит в одиночке.
Вокруг серота, пустота.
И люди доходят до точки —
Плюют на Закон и Христа.

Лишь только очнешься,
и рядом —
Убийство, предательство,
грязь...
Как будто повывезли разом
Повсюду пещерная мразь.

Но душу не спрячешь в суконку.
Военным базар не с руки...
Но горько,
что мчатся вдогонку
Проклятья и чьи-то плевки.

В детстве бегали по лугам,
А сейчас под ногами — камни.
Прибиваемся к берегам
Только круглыми дураками.

Много горького за спиной,
А живем, на судьбу не ропщем.
Жаль, не слышно во мгле ночной
Соловья в поредешей роще.

В ЗАБРОШЕННОЙ РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Ветер звезды холодные тушит,
Голосит на могилах зима.
Ходят в полночь усопишие души
И стучатся в пустые дома.

Умоляют впустить обогреться,
На порогах подолгу сидят.

Ну куда им, отвергнутым,
деться,
Коль глаза ни на что
не глядят?

Ни собаки, ни кошки заблудшей,
Голосит на могилах зима.
Ищут близких усопишие души
И, отчаявшись, сходят с ума.

СЕВАН, ИЮЛЬ 1990 ГОДА

Едим шашлык, купаемся в Севане,
Полдневная теплынь и тишина.
А впереди —
печаль и расставанье,
Большая карабахская война.

Свеча мерцает,
снова День прощенный.
Друзья мои,
да что же все пули в нас...
И думаю: а был ли ты крещеный?
А если был,
то что же Бог не спас?

ЛИТЕРАТУРА

АДАПТАЦИЯ

Проснется ночью, курит жадно
И размышляет до восьми:
"В запас уволили? Ну ладно.
Но не из жизни ж,
черт возьми!"

Зачем-то вытащит фуражку,
Примерит, в зеркало косясь.
И орошь по телу,
словно пряжка
С размаху по спине прошла.

ЛОЖЬ

Перемени пластинку, жизнь,
Мне надоели ложь и сказки,
Хоть на минуту покажись
В своем обличье из-под маски.

Ответ мне, правильно ль пишу,
Подсуден ли, что не бунтую,
Что ложь в зародыше душу,
Но, к сожаленью, вхолостую?

Она, как гусеница лист,
По миллиметру душу гложет.
Предупредительный мой свист
Ее нисколько не тревожит.

Как мне спугнуть ее с сучка,
С той яблони, где села прочно,
Когда сидит она века
И, словно правда, непорочна?!

Плодится ложь, жирует ложь,
Сгибает совесть, как подкову.
И душу вновь бросает в дрожь
От сказанного ею слова.

Я ПРОСТО ОСЕНЬ...

Я просто осень, просто ветер,
С берез летящая листва.
Мне ничего уже не светит,
Мне не найти уже слова,

Чтоб задержать
твой миг ухода,
Твою порывистую статью.
В сорок четыре с лишним года
Двадцатилетним трудно стать.

И я молчу, а ты уносишь
Мой взгляд поникий на спине.
Я просто ветер, просто осень,
Я шорох листьев в тишине.

Ты все уходишь и уходишь,
И рвешь серебряную нить.
Ты от меня меня уводишь,
И это не остановит.

Уткнувшись сединами в подушку
И проваляюсь суток пять.
Затем влюблюсь в твою подружку,
Чтобы к тебе поближе стать.

КОЛОКОЛЬЧИК

От шагов твоих остались
Эха дальнего клочки
И прощальная усталость
Позабывшей страсть руки.

Ты слепая, как простуда,
Ты глухая, как вода.
Как пришла ты ниоткуда,
Так и скрылась в никуда.

Но нет-нет да среди ночи,
Как желанный, как живой,
Голосок твой

— колокольчик —
Вспыхнет вдруг над головой.

ЖУКОВ

По брусчатке,
по площади Красной
Едет Жуков на белом коне.
Все торжественно, празднично,
ясно
И в душе, и в огромной стране.

Ничего, что изрядно устали,
Что не всем вручены ордена.
Улыбается сдержанно Сталин,
На котором большая вина.

Улыбается сдержанно, знает,
Что партийный его псевдоним
На устах у народа витает
И народом безмерно любим.

Только все-таки Сталину жутко,
Что не он вот на белом коне,
А прославленный Сталиным Жуков
Все итоги подводит войне.

Ничего, он потерпит немного,
Не таких он со света сживал.
Ну а Жукову, значит, дорога
На Одессу, потом на Урал.

Вскоре смолкнут военные марши,
Поутихнет "ура" над Москвой.
Едет Жуков, всего повидавший,
И рискует своей головой.

ЗАПЯСТЬЯ

Горят запястья —
не забыть вовек,
Хотя немного до скончания века.
Живет на свете этот человек,
Еще в себе не знавший человека.

Горят запястья.
Так проникло в плоть
Колымской марки ржавое железо,
Что он еще не в силах побороть
Тот самый страх,
который гнул и резал.

Наручники сжимают по ночам
Его запястья и берут за горло,
А за спиной охранники кричат,
Как будто в душу всаживают
сверла.

Горят запястья
болью всех лесов,
Упавших наземь,
сваленных под корень.
В безмолвном стоне
женских голосов
Моей России проступает горе.

Горят запястья. Доживает век
Чужие боли всех своих этапов.
И человек, оживший человек
Встает с колен,
запястья исцарапав.

Екатерина
ПОСТНИКОВА

ЧУТЬЕ

ПОВЕСТЬ

П

рязной весной, еще не переродившейся в сияние нежной зелени, я шел по его следам и отчетливо видел каждый зигзаг его перемещений, каждую уловку, каждый затравленный взгляд сквозь голые кусты. Я почти настиг его. Он был мой. И вдруг исчез. Я искал его по старым тропам, я прислушивался, не раздадутся ли его крадущиеся шаги, но все было тщетно. А вообще — он ничего мне не сделал. Был он человеком, человеком был я, и служили мы одной Родине...

Утром ненастного весеннего дня мы приехали в райцентр и двинулись на поиски улицы Ленина. Городок был маленький, старый, даже древний, невзрачно запущенный, и будь я менее воспитанным человеком, употребил бы даже словечко «занюханый». Я никогда не видел настолько запущенных городков, а ведь за четыре года службы в качестве ищейки объездил их немало. Жалкие избышки с более-менее покрашенными фасадами и вконец облезлыми и покосившимися тылами, ветхие заборы, претенциозные девятиэтажки, собранные из дешевых железобетонных плит, некрасивые и неудобные, магазинчики, в которых толком ничего нет, страшный автовокзал, невзрачные торговые палатки — все это не наводило ничего, кроме тоски и желания оказаться отсюда подальше. К тому же моросил дождь. «Уазик» с видимыми усилиями переваливался по разбитой дороге, тревожа мутные лужи и бродячих собак. Боец за рулем поминутно вздыхал, проклиная рытвины да ухабы. Я дымил в приоткрытую форточку и думал о том, что гостиница здесь, наверное, еще краше городишка. Мда... Вот чего я никак не могу понять: зачем бегают от службы уроженцы подобных мест? Бежать сюда, в развалюху, к безработице, скуке, беспросветности... Если честно — я бы не побежал, более того, и после увольнения ни за что бы сюда не вернулся.

— Товарищ прапорщик, — водитель поглядел в мою сторону, — разрешите сигарет купить.

— Валяй, — кивнул я. — Кстати, нам давно пора чего-нибудь пожевать, ты так не думаешь?

— Думаю, товарищ прапорщик. Только об этом и думаю, я ж не позавтракал.

Он притормозил на обочине и выскочил, пряча лицо от ветра в воротник бушлата. Я откинулся на спинку сиденья, отдыхая от тряски и с некоторым чувством обреченности размышляя о том, что странно все-таки сложилась моя жизнь: мечталось когда-то о героических подвигах, грезились что-то киношно-романтическое, а вылилось все в утоми-

тельные разъезды по глухим закоулкам России с единственной целью — найти и вернуть в часть очередного удравшего защитника Отечества. Что делать?! Кличка на службе у меня — Фокс, но скорее всего не в честь персонажа известного фильма, а — от кастрированного слова «фокстерьер». Я их ищу, а они меня ненавидят и боятся.

— Товарищ прапорщик, — боец подошел к дверце с моей стороны, — я тут спросил насчет улицы Ленина, так говорят, что сворачивать нужно было все-таки возле переезда.

— Ладно, поехали.

Он плюхнулся за баранку и снова повернулся ко мне.

— Скажите, а это правда, что он ушел прямо среди бела дня?

— Правда, а что тебя так удивляет? Днем-то уйти легче. Точнее, вечером, в шесть часов. Переоделся в гражданку и потихоньку вышел с толпой, никто и не заметил.

— Из Москвы... — непонимающе сказал водитель, и мне стало приятно, что он разделяет мои чувства.

— Представь себе, из Москвы. Из элитной, между прочим, части, в которой и я бы послужить не отказался. А с виду — нормальный парень, неглупый, не забитый, его вообще никто там не трогал...

На одном из ухабов нас тряхнуло особенно сильно, и я услышал какой-то металлический треск, да же не треск, а удар, звонкий, как выстрел.

— Все, привет. — Водитель заглушил двигатель и уронил руки на колени.

— Рессора? — спросил я.

— Похоже на то... Сейчас чинить или потом?

— Посмотри сначала.

Он с удрученным видом вылез. По противоположной стороне улицы весело шагала стайка местных тинэйджеров с бутылками «Жигулевского» в руках, одетая в невообразимо яркие шмотки, купленные скорее всего на барахолке. На наш «уазик» детишки посмотрели с неодобрением и загомонили чуть громче обычного. Потом один из них, сопляк лет четырнадцати, отделился от кучи, подошел к водительской двери и сунул внутрь физиономию, то ли улыбаясь, то ли строя рожи:

— Сигаретка есть?

— Иди, иди, сынок, — ласково сказал я. — Здесь не подают.

— А вы поищите. — Он пощипал чехол и хмыкнул. — А вдруг есть?

Вообще-то детей я люблю, но это — не дети, потому что ничего детского в них уже не осталось.

— А чего вы сюда приехали? — поинтересовался пацан.

Екатерина ПОСТНИКОВА

— Это, солнышко, тебя не касается.

— Вы за Богдановым приехали, — проявил пацан осведомленность, — Только зря, ничего у вас не получится. Пока он свои дела не сделает, с вами не поедет. Он сам так сказал, мол, решу вопросы и сам в часть вернусь, а до этого — ни-ни.

Тут появился мой водитель и гаркнул на него:

— А ну пш-шел!...

Пацан послушно испарился. Секунду спустя он уже шагал, оглядываясь, с толпой приятелей дальше.

— Рессора, — буркнул водитель, забираясь на место. — Но доехать доедем. Все равно запасную тут не найдешь.

— Володь, как ты считаешь, — я посмотрел на него, — откуда в провинциальных городках все все знают?

— Вы про этих? — Солдат глянул вслед удаляющимся подросткам и предположил: — Младший брат?

— Нет у Богданова братьев. Только сестра, а ей под тридцатник уже.

— Бог их знает. — Он пожал плечами. — Слухи...

Мы тронулись. Мимо нас проплывали темные от дождя трущобы. Домикам было лет по сорок-пятьдесят, не меньше, и держались они, по-моему, только на многочисленных подпорках, прикрытых от посторонних глаз кустами сирени. Попадались строения и поновее, даже из кирпича, обнесенные солидными заборами, но таких было мало, два-три на улицу. Возле домов возились грязные дети в резиновых сапогах и вылинявших куртках. Потом начался квартал унылых пятиэтажек, которые буквально через сто метров сменились все теми же обветшалыми домишками.

— Переезд, — объявил водитель так, словно вел экскурсионный автобус, и мы выехали к крохотной будке и опущенному полосатому шлагбауму. На той стороне виднелись какие-то хибарки. Насыпи вдоль железной дороги были донельзя замусорены, какие-то ключья бумаги и тряпки висели местами даже на деревьях. Я вышел из машины и размял ноги. На ржавом металлическом крыльце будки стояла невероятно расплывшаяся пожилая женщина с заматанными эластичным бинтом ногами, одетая в линялый оранжевый жилет поверх старой армейской телогрейки.

— Скажите, это надолго? — Я достал сигарету, глядя на стрелочницу снизу вверх.

— Товарный, — безразлично сказала она.

Долгожданный поезд показался только через восемь минут (я засекал) и уныло потянулся мимо переезда. Это был большой, солидный, фантастически длинный товарняк, состоящий сплошь из дере-

вянных вагонов, испещренных меловыми каракулями, и чумазых цистерн в нефтяных потеках. Платформ почти не было, мелькнула лишь одна с нашим товарищем по несчастью, охраняющим что-то массивное, укутанное в грязный брезент. Конца состава не было видно. От нечего делать я достал блокнот, открыл его на заложенной странице и записал походной авторучкой: «11. 15, место прежнее. Находимся на железнодорожном переезде в черте города, ждем. Непредвиденных осложнений нет, лопнула рессора. Место ночевки не определено».

Показался хвост товарняка, и мы с облегчением запрыгнули в машину, готовясь немедленно дать по газам, как только взвонится вверх шлагбаум.

— Ленина, дом один, — объявил водитель, съезжая на грязную обочину и останавливаясь. — Ни пуха, товарищ прапорщик.

— К черту. Чтобы все прошло гладко. А потом — сразу за салом. Есть же в этой дыре рынок!

— Мне, может, с вами пойти? — предложил солдат. — Так, на всякий пожарный?

— Я бы тебя с удовольствием взял, — сказал я, — хотя бы для того, чтобы никто не надавал тебе по шее в мое отсутствие, но согласно общепринятой легенде маньяк и садист Фокс всегда ходит один. Мой бывший водила, Корнев, это знал. Мы с ним пятерых привезли, он многое мог бы тебе рассказать... Так что сиди, глазей по сторонам, из машины не выходи, двигатель не глуши. Все понял?

— Так точно, товарищ прапорщик!

... Дом, в котором обитала семья беглеца, мне понравился. Довольно приличное жилье — низ из хорошего силикатного кирпича, верх деревянный, отделанный вагонкой, широкие квартирные окна с чистыми занавесками, вымытые стекла. Крепкий забор со свежескрашенными зелеными воротами, на участке — яблони, виднеется шиферная крыша какого-то сарая. Позвякивает цепь: собака. Я прислушался: невнятно доносились голоса, работал телевизор. Кто-то есть. И то хорошо. Хотя я совершенно не сомневался, что паренька-то как раз дома нет. Богданов Александр Александрович, прописанный по этому адресу, родился 30 сентября 1977 года здесь же, в данном населенном пункте. В 1995 году окончил с серебряной медалью среднюю школу №2 и поступил в электромеханический техникум, из которого был отчислен через месяц по собственному желанию, и призван в армию. В военкомат явился по первому требованию, к перспективе служить отнесся спокойно, медкомиссию прошел без осложнений. По месту жительства характеризовался положительно, приводов в милицию не имел. Аккуратен, ответствен, исполнитель. Характер уравновешенный. Спокоен, немного медлителен. Военную служ-

бу проходил в учебном полку, где получил звание «младший сержант», после чего был переведен в отдельный батальон связи, где и служил до дня побега. Служебная характеристика просто блестящая. Умен, сообразителен, легко обучаем. Имеет организаторские способности. В строевом отношении подтянут, физически развит и т. д. За месяц до побега стал сержантом. Просто отличный малый. Зацепиться не за что. Во время плановых неофициальных объездов я видел немало таких вот ребят, воспринимающих службу не как тяжкую повинность, а как очередной этап жизни. Мне нравится подобное отношение, я симпатизирую таким людям. Но если уж такой решится на побег, найти его будет трудно.

Так и в этот раз. Розыск силами милиции, военной прокуратуры и местного военкомата результатов не дал. Поэтому Самохвалов вызвал меня. Этот человек набрел на меня по наводке моего шефа, майора Завьялова. Тот частенько рассказывал ему о странном молодом прапорщике, который, конечно, свои служебные обязанности исполняет добросовестно, но в свободное время, в качестве хобби, занимается розыском ушедших за сигаретами и невернувшихся возлюбленных своих соседок по общежитию. Что называется, из любви к искусству. Если этот прапорщик хоть раз в жизни видел объект поисков и перекинулся с ним хотя бы парой слов, он его из-под земли достанет, а как — сам объяснить не в состоянии. До смешного доходит: соседки, медсестры из госпиталя ВМФ, сначала своих поклонников знакомят с прапорщиком, а уж потом начинают с ними встречаться. На всякий пожарный. Наверное, немало было обо мне рассказано правды, полуправды и совсем уж сказок, прежде чем подполковник Самохвалов принял решение повидаться со мной. Встреча наша состоялась аккурат 23 февраля за праздничным столом в тесной квартирке шефа.

Грозный подполковник из прокуратуры оказался невзрачным человечком в джинсах и вельветовой рубашке. Он совершенно не походил на офицера, да

еще из такой организации, как гарнизонная прокуратура. Я и то больше на офицера похож, у меня рост метр семьдесят восемь и ясные голубые глаза (хотя некоторые несведущие гражданские лица утверждают, что голубые глаза родниковой чистоты бывают только у воругов прапорщиков, причем чем больше прапорщик ворует, тем чище цвет его глаз). Мы отлично посидели, моя подруга Настя с дочерью шефа отправилась гулять, а мы с невзрачным человечком вышли покурить на обвитый засохшим плющом балкон и неожиданно разговорились.

— А что, собственно, нужно для того, чтобы найти пропавшего? — с любопытством спросил он.

— Ничего, — сказал я. — То есть ничего особенного. Просто... просто я чувствую, где надо искать, и все.

— Скольких вам удалось найти? — Он посмотрел мне прямо в зрачки.

— Ну, положим, человек восемь.

Он поднял брови:

— И что, вы о них ничего не знали?

— Я бы не сказал, что ничего... Но никаких координат, конечно.

— Вы — экстрасенс, что ли? — Он улыбнулся.

— Да ну, перестаньте. — Мне тоже стало смешно. — Экстрасенс! Я же не вижу их в четвертом измерении. Просто ищущу. Составляю план и начинаю поиски. Но что-то мне все-таки помогает, иначе все мои планы не стоили бы выеденного яйца. Я же не Шерлок Холмс. Я чувствую: тепло — холодно, примерно так. Есть — нет. Так и ищущу...

— И сколько времени это занимает? В среднем?

— В среднем? От двух дней до трех недель.

Он несколько секунд подумал, потом спросил:

— Вы знаете, кто я такой?

— Да, знаю, — кивнул я.

— Ну а если я познакомлю вас с одним человеком? Вы не возражаете?

Я согласился. Тогда я и думать не думал о том, что, возможно, решаю свою судьбу. Просто в каждом

Не так давно в нашем журнале состоялся дебют молодого прозаика — Екатерины Постниковой в то время ефрейтора, делопроизводителя техчасти батальона связи Московского округа внутренних войск. Мы опубликовали два ее фантастических рассказа.

Заключив службу, Екатерина сотрудничает с рядом московских издательств и редакций. Не забывает она и о сослуживцах.

Сегодня мы знакомим вас с ее новой повестью, герои которой — военные люди...

человеке есть эта черта, я бы назвал ее жадной признания. Не суть важно. Через пару дней меня отвезли в прокуратуру и оставили один на один с парнем моих лет, которого я раньше никогда не встречал — так и было задумано.

Он сидел в расслабленной позе и курил «Магну». Обычный парень, ничего запоминающегося ни в лице, ни в манерах, и внешность такая среднестатистическая: рост примерно метр семьдесят пять, худощавый, спортивный, пепельные волосы, светлые глаза, одет в черные брюки, черную фланелевую рубашку и темно-коричневую кожаную куртку. Вся Москва так ходит. Мы поговорили. Очевидно, парень получил указание честно отвечать на мои вопросы, поэтому затруднений у меня не было. Мне поставили на первый взгляд простую задачу: прийти к нему в гости. Домой. Ничего больше. Он не имел права прятаться от меня. Он должен был просто ждать дома.

Обычно, начиная разговор с незнакомым человеком, я стараюсь сразу узнать его имя. Никакой системы у меня нет, я просто присматриваюсь и запоминаю все до мельчайшей детали. Вот и тогда мы болтали о пустяках, я почти ни о чем не спрашивал, давая ему возможность говорить, сколько душе угодно. Он сам, не отдавая себе в этом отчета, рассказал все, что нужно. Пару раз он вскользь упомянул, что в его доме часто ломается пассажирский лифт и ездить приходится на грузовом, а это неудобно, потому что медленно открываются и закрываются двери. Вообще дом какой-то невезучий: постоянно ломают кодовый замок, весь подъезд изрисовали, бомжи какие-то лазают... Потом сказал, что ходит на работу пешком. Произнес непонятное слово «рандольки». Разговор зашел об автомобилях, и я узнал, что мой новый знакомый иногда опаздывает на работу из-за того, что приходится пересекать проезжую часть с интенсивным движением, и все бы ничего, да «чайники» замучили, прутся на красный свет, того и гляди окажешься под колесами. Вот он и идет в обход, до более приемлемого светофора возле трамвайных путей, рядом с рынком, там часто стоит автоинспектор, и «чайники» его побаиваются. Но возле рынка он обязательно останавливается, чтобы купить сигареты и жвачку. Отсюда и опоздания. Проще добираться по той стороне: идешь спокойно, знакомых можно встретить, и переходов меньше. Но район ему нравится: вид из окна красивый, по утрам дымка на горизонте, а закаты летом — закачаешься... А дорогу почти совсем не слышно, большой дом закрывает. И так далее. Ему запретили называть координаты, запретили произносить любые названия, но запретили и врать, поэтому мне не составило труда вытянуть из него ин-

тересующую меня информацию. Итак, я узнал следующее:

1. Он москвич. Это чувствуется по лексике и манере разговаривать. Он упомянул трамвай. Восхищается районом. Районом, а не населенным пунктом, что тоже свойственно москвичам.

2. «Рандольки». Я выяснил, что это — немного искаженное название металлических заготовок для монет, а такие заготовки могут использоваться только там, где эти самые монеты изготавливают — на Монетном дворе. Значит, это станция метро «Тульская» Серпуховско-Тимирязевской линии. Предположим, парень там работает, а следовательно, и живет неподалеку (так как ходит на работу пешком), причем скорее всего очень близко, может быть, в десяти — пятнадцати минутах ходьбы. С чего я это взял? Вспомните поговорку: чаще всего опаздывает тот, кто ближе всего живет. Далеко ехать — лучше рассчитываешь время.

3. Оживленная улица. Очень интенсивное движение. Вероятнее всего это Большая Тульская улица или Варшавское шоссе, смотря где находится проблемный светофор. Перекресток возле рынка (Даниловского) там имеется, ходят трамваи. Все точно. Остановимся на Тульской. Мне пришлось несколько раз съездить туда, потому что одно дело представлять себе какое-либо место, а совсем другое там сориентироваться. Пока все сходилось. Я нашел ту точку, где парень привык переходить дорогу, постоял там, покурил, поозирался. Действительно, до Монетного двора проще дойти по той стороне, мимо станции метро, до второго выхода, а дальше — пара безобидных переходов, и ты на месте. Через рынок добираться проблематичнее, да и народу там по утрам многовато. А вот и большой дом — дом-корабль, как его называют местные. Позади него, наискосок от рынка и перекрестка с трамваями — несколько панельных башен. Метров пятьдесят от дороги. Мне поставили действительно легкую задачу. Я без труда нашел дом, соответствующий описанию: кодовый замок не функционирует, пассажирский лифт безнадежно стоит на приколе, в подъезде — на скальная живопись. Другие дома не подходили: в одном вовсе не был установлен кодовый замок, в другом не было грузового лифта, в третьем было и то и другое, но сам дом находился слишком далеко от дороги и не был изрисован, и так далее в том же духе. Несколько раз осмотрев все дома, я остановился на первом и не ошибся. Вообще-то мое чутье (я называю э т о именно так) мало согласуется с доводами разума. Да и какие доводы? Ясно было, как божий день, что речь моего подопечного изобиловала подсказками. Может быть, совершенно бессознательно он пытался помочь мне его найти — не знаю.

Да это и неважно, хотя в те времена я был еще не до такой степени уверен в себе, как сейчас. Я ищу не по подсказкам. Человек, которого я порой пытаюсь выудить из неизвестности, бывает, говорит со мной всего две минуты и исключительно о погоде, а спустя месяц исчезает — как тут искать? Но я нахожу, вызывая у него удивление такого масштаба, что он просто теряет дар речи.

Я сидел на скамейке во дворе нужного мне дома и совершенно точно знал, что парня там нет. Ну нет, хоть ты тресни! И он от меня, конечно же, не прячется, он в отпуске (с его слов) и ждет моего визита, просто вышел ненадолго, минут на пятнадцать, не может же человек безвылазно сидеть дома. И двинулся он не к станции метро, там его тоже нет, я чувствовал. Он пошел во-он туда, в маленький продовольственный магазинчик, купить себе что-нибудь к чаю. Или бутылку пива. Что угодно. Но он там. Я встал и пошел. Как бы Самохвалов ни допытывался, я никогда не смогу объяснить ему природу своего внутреннего голоса, точнее, я бы назвал его внутренним компасом, стрелка которого все время указывает на искомый объект. Я сам этого не понимаю. И тогда не понимал, в тот день и час, когда парень отошел от прилавка с полным пакетом продуктов, бережно прижатым к груди, и вскрикнул от удивления, увидев мою кошачью улыбку.

— Здорово, брат, — сказал я. — Я пришел, а тебя дома нет, вот решил встретиться, может, помочь сумку донести.

— Ты что, был у меня дома? — пискнул он.

— Нет, — признался я. — Но сидел на скамейке у подъезда.

— А номер квартиры ты знаешь?

— Знаю. — Я мысленно прикинул этаж, окна на запад... и вдруг произнес, еще не успев додумать до конца, то, что вспыхнуло у меня в мозгу, как на световом табло. И угадал.

— Орел! — Парень покачал головой. — Мог бы большие деньги этим зарабатывать. Пошли. Я должен позвонить, как только ты появишься.

Следующим номером программы была девушка, о которой я знал только одно: ее зовут Катя. Не знал я и места, где она спрячется от меня: дома, у друзей, в гостинице или еще где. Для чистоты эксперимента ей вообще запретили рассказывать о себе. На разговор нам дали десять минут, в течение которых она добросовестно трепалась о пользе озона для человеческого организма, а я запоминал ее лицо, рассматривая его так внимательно, словно собирался писать портрет. Она была симпатичной, рыжеватой, лет восемнадцати. Большие выразительные глаза.

Густые волосы до середины спины. Мальчишеская одежда. Мельком я посмотрел на обувь — ботинки вроде армейских, на шнурках, подошва — «трактор». Яркий рюкзак с карманами. Грубоватый голос. Повадки, как у пацана, наряженного девчонкой. Без косметики и маникюра, очень простенькая, но что-то есть, взгляд за что-то цепляется, словно коготками. Запоминающееся лицо. Чистота какая-то в глазах. Наверняка из военного городка, мелькнуло у меня. Офицерская дочка. Дочь офицера-холостяка. пацанка, мальчишка, вся жизнь прошла в казарме, среди солдат, игры в войну на настоящем полигоне, далеко от Москвы, вокруг — только леса и деревушки, местный Дом офицеров — центр цивилизации, а всемогущий папа — царь и бог... А мамы нет, просто — нет, наверное, и не было со времен роддома, только папа и солдаты в роли нянек. Интересная, романтическая жизнь, казенный запах напоминает о доме, столовая пища — самая вкусная, военная форма — лучшая одежда... За недостатком информации я придумал ее жизнь. Я часто так поступаю, когда не знаю о человеке ровным счетом ничего. Все-таки есть теперь на что опереться.

Когда Катя исчезла, я первым делом выяснил, какие большие военные городки располагаются в радиусе до пятидесяти километров от столицы. Почему я выбрал такое расстояние? Примерно из тех же соображений, из каких я решил искать девушку именно в военных городках... И я угадал. Во второй или третьей части мне издали показали подполковника, живущего в офицерском общежитии с дочерью. Дочь взрослая, сама служит, в Москве, но сейчас в отпуске. Дома, наверное, а где ж ей еще быть... Я ликовал. Впервые мне удалось найти человека, не располагая о нем вообще никакими данными. И я чувствовал: это она, и она — здесь! Офицерское общежитие (кирпичная пятиэтажка, балкончики, чистые окна) я нашел без труда. Второй этаж. Не иначе как вот эта дверь, обитая черным дерматином. Я пришел, моя радость... Она открыла и испуганно шарахнулась в глубину квартиры:

— Ну ничего себе!..

Одета по-домашнему, в фартуке, по квартире витает аромат жареной рыбы. Время предобеденное, папу ждет, наверное. Не меня же... Она была уверена, что затерянная в лесу, вдалеке от дорог бригада связи — последнее место, где я стал бы ее искать. И ошиблась. Ее отец звонил Самохвалову, не переставая удивленно оглядываться на меня, и я понял, что экзамен сдал.

После этого я вернулся к себе в часть, и довольно долго меня никто не тревожил. Месяца два, наверное, до тех пор, пока не пропал наш же боец, тихоня Марчук — писарь из строевой части. Уж не знаю, с

кем и что он не поделил. Но спрятался пацан хорошо — где его только не искали! А он как в воду канул.

— Ну, Игорек, жди гонцов, — сказал мой шеф.

В тот же вечер, сидя у себя на складе, я задумался о том, куда, в принципе, мог бы податься несчастный солдат-первогодок, у которого в Москве ни родственников, ни знакомых? Домой? Маловероятно. Ехать ему прилично, двое суток поездом, а как поедешь без денег, без гражданки и документов? Да и вообще, по городу в форме особенно не пошатаешься. А куда же тогда идти, если по каким-то причинам в роту возвращаться никак невозможно? Я представил себе его: тихий, маленького роста, тощий, в очечках, с вечно перепуганными глазами, которые из-за очков кажутся неестественно огромными. Где же ты, солнце мое?.. Небось ищут все тебя, милицию на ноги подняли, комендатуру, родителям твоим позвонили, а ты сидишь прямо над головой командира части, на чердаке, прозванном «кошкин дом», и плачешь от страха и безысходности... Голодный. Звук боишься издать. Уже почти хочешь, чтобы тебя нашли, потому что еще пара дней — и ты сойдешь с ума. Что тебе делать?.. Посмеиваясь, я поднялся на чердак и пошевелил замок. Заперто. Замок амбарный, крепкий, но значит, на чердак есть другой путь. Или я никуда не гожусь со своим шестым чувством, которое просто орет внутри меня: он з д е с ь!!! Здание штаба большое, чердак тоже. В этом же здании и клуб, и чайная. А надо всем этим хозяйством тянется чердак. Я зашел в клуб, поймал начальника, шустрого лейтенанта Громова, и поинтересовался, давно ли он, Громов, заглядывал наверх. Он почесал затылок и сказал, что не помнит, до отпуска еще, а что такое?.. Мы поднялись вместе и обнаружили, что замка нет, он исчез, а с ним исчезла и одна скоба, на которой этот замок висел. Вторая была перепилена.

— Кто там может быть? — удивился Громов.

Я осторожно открыл дверь и просочился в пыльное, заваленное старыми газетами и поломанными стендами помещение. Громов крался за мной, изо всех сил сдерживаясь, чтобы гулко, от души, не чихнуть. Наш тихоня обнаружился в норке, образованной несколькими листами покоробившегося от сырости оргалита и неизвестно откуда взявшимся здесь старым брезентовым тентом. Закутавшись в бушлат и подложив шапку под голову, солдат мирно спал. Возле него в коробке из-под ботинок лежали несколько банок кильки в томате, зачерствевшая буханка и пластиковая бутылка с водой.

Почему, от кого он спрятался — так и не выяснилось, но, слава Богу, для парня все кончилось относительно благополучно: дисбата он все-таки избе-

жал, хотя на «губе» насиделся на всю оставшуюся жизнь. Но главное — не в дисбат. Остальное — ерунда, если вдуматься...

После этого меня и начали возить по частям, примерно в неделю раз, для ознакомления с личным составом срочной службы. От официального перевода в прокуратуру я отказался: мы с шефом изумительно сходились характерами, да и поросшая соснами территория полка прельщала меня гораздо больше, чем набитое людьми здание на шумной улице.

Теперь вы знаете, кто я. Хотел бы и я знать, кто вы...

На звонок в калитку никто не отозвался. Я позвонил понастойчивее и стал ждать. Оглушительно залаяла псина. Не иначе — кавказская овчарка, только они лают таким утробным басом. Выждав минуту, я постучал. Ногой. По звонкому листовому железу. Это и глухой бы услышал. Собака аж зашлась в лае, дергая цепь.

— Кто там? — настороженно спросили с той стороны.

— Представитель военной прокуратуры Московского гарнизона прапорщик Зеленков. Пожалуйста, откройте.

— К нам уже приходили, — сказал кто-то. — Из военкомата. Саши нет, он не появлялся.

— Будьте добры, откройте калитку, — повторил я. — Мне нужны вы, а не Саша.

— Я? А я-то вам зачем нужен? — удивился голос.

Наконец загредел замок, и калитка приоткрылась. Я увидел тщедушного, давно не бритого мужчину лет пятидесяти, одетого в линялые тренировочные штаны и ватник поверх растянутой несвежей майки. От него пахло перегаром и огуречным рассолом, а в руке он зачем-то сжимал лопату штыком вверх.

— Чего вам надо? — испуганно и в то же время крайне неприязненно спросил он. — Саши нет, и не знаю, куда он делся. Пришли, сказали: самовольно оставил часть.

Я обошел его, как статую, и двинулся к дому, стараясь не смотреть на роняющего пену «кавказца», натянувшего цепь в полуметре от дорожки.

— Это зачем? — испугался мужичок, хватая меня за рукав и пытаюсь удержать на месте. — Чего это вы? Куда?

Я повернулся и смерил его долгим взглядом:

— А что это вы так напугались, уважаемый? Вы что, самогон дома варите или мак на кухне растите? Или у вас там притон для малолетних проституток? Нет? А в чем тогда дело?

Он забормотал что-то невразумительное.

— Не понял, — сказал я. — Будьте любезны объ-

яснить более доходчиво, по какой причине вы не желаете впускать в дом представителя прокуратуры?

Он не отвечал. Я беспрепятственно толкнул дверь и очутился в жаркой тесной прихожей, половину которой занимал внушительных размеров газоотопительный агрегат, похожий на атомную бомбу устаревшей конструкции. В полузавешенном полосатой тканью дверном проеме виднелась огромная кухня, там белобрысая девочка лет четырнадцати с кошкой на коленях смотрела черно-белый телевизор и грызла семечки. Мужик просочился вслед за мной и жалобно завопил:

— Верочка!..

Верочка не заставила себя ждать. Это была женщина моего роста, но раза в три шире, одетая в цветастый фланелевый халат второй свежести и шлепанцы. Пластмассовые бигуди, покрывали ее голову, как шлем. Совершенно круглое, немного одутловатое лицо выражало незамедлительную готовность к скандалу.

— День добрый, — сказал я и чуть поклонился.

— Не знаю, какой он добрый, — зычным голосом сообщила Верочка, — но только я уже объяснила вам, что Саши нет, и делать вам тут нечего!

— Извините, Богданову Александру Александровичу вы...

— Я его сестра! А это мой муж! Еще вопросы будут?

При ближайшем рассмотрении мужичонке оказалось вовсе не пятьдесят, как я подумал вначале, а около тридцати пяти, только выглядел он очень уж страшно. Надо же, подумал я, рассматривая их, ну и парочка: плюгавенький такой человечек и эта бойбаба.

— Конечно, будут, — спокойно сказал я. — Вы разрешите пройти и сесть?

— Что еще за вопросы? — возмутилась сестрица, загораживая дорогу. — Я уже все вашим рассказала. Не о чем больше говорить!

В ее голосе и позе я почувствовал явную угрозу. Конечно, я не испугался, давно прошло то время, когда меня могла напугать злая нахрапистая баба. Но не в своей тарелке на какую-то секунду себя почувствовал.

— Во-первых, дамочка, будьте добры на полтона ниже, — очень спокойно попросил я, — а то, знаете, голова уже болит. Значит, вы — сестра товарища Богданова... А родители ваши где?

— Это военной прокуратуры не касается, родители у меня гражданские, — изрекла Верочка, не переставая расчленять меня взглядом.

Я уставился на нее и сосчитал до двадцати. Она отвела глаза. Эх ты, дура, нашла кого пугать — зло-

дея Фокса! Да он таких, как ты, в детстве из рогатки отстреливал.

— Они дома? — вежливо поинтересовался я. — Или в отъезде?

— Нету их.

— Хорошо. Вот вы, товарищ муж, будьте любезны, перестаньте ходить вокруг меня и стойте спокойно. Или вам, извиняюсь, в туалет надо? Так ради Бога, вы мне сейчас не нужны.

Муж немедленно забился в угол прихожей. Верочка уперла руки в бока:

— Ты у себя дома командуй, недоносок, а здесь я хозяйка, надо будет — вылетишь отсюда и не пикнешь!

Я приблизился вплотную и несильно сжал пальцы ее левой руки.

По тому, как изменилось ее лицо и как с него неотвратимо начала сходить краска, я понял, что цель достигнута.

Я тут же отпустил ее: я не садист, и чужая боль мне удовольствия не доставляет, но иногда причинить эту боль — единственный способ очеловечить собеседника быстро и без потерь.

Был прецедент: в таком же городишке, только немного южнее, я вот так же стоял в чужой прихожей и разговаривал с матерью солдата, точнее, я разговаривал, а она кричала мне в лицо, говорила ужасные вещи, обвиняла лично меня и всю армию во всех смертных грехах. Крик ее становился все пронзительней, у нее началась истерика, а когда она поняла, что, несмотря на все ее усилия, парня я все-таки заберу, она закричала: «Убивают!», и через три минуты меня уже били. Трое. Всем, что попадалось под руку. Это были крепкие мужики, привыкшие к тяжелому физическому труду, я даже с одним из них вряд ли сумел бы справиться. А били жестоко... Спас меня сам виновник торжества, подоспевший с кочергой.

Больше я на такое не поддаюсь. Пресекаю сразу, в зародыше, хватит мне и одного сломанного ребра. Дав Верочке очухаться, я прошел на кухню и сел за стол. Кухня была грязновата, вся в собачьей шерсти, папахивало кислятинкой.

— Вера Александровна, скажите, пожалуйста, у Саши здесь есть девушка? — очень вежливо и мягко спросил я.

— Нету! — Она открыла холодную воду и сунула руку под струю, шипя от боли. — Нет у него здесь девушки.

— А в соседнем городе?

— Не знаю, — даже не ответила, а огрызнулась она.

— Но вы ведь знаете, где он находится. — утвердительно сказал я. — Прекрасно знаете.

Она молчала. Признаться честно, я зашел в тупик.

— Вера Александровна, вы поймите, — еще мягче сказал я, — никто ведь вашему брату зла не желает, но он сбежал, и мы обязаны его вернуть. И лучше будет, если его привезу я.

— Дома он не был, — глухо пробормотала сестрица. — И где он шляется, не знаю и знать не хочу. Мне бы со своими делами разобраться... — Она всхлинула.

— Кстати, о делах. — Я закурил и придвинул к себе грязную пепельницу. — Ко мне тут сегодня подошел пацаненок и сказал, цитирую дословно: «Пока он свои дела не сделает, с вами не поедет». Что вы на это скажете?

— Это он про Сашку?

— Ну да, собственно.

— Вот у него бы и спросили.

— Вы знаете, Вера Александровна, я придерживаюсь в своей деятельности одного золотого правила: никогда и ни при каких условиях не вступать в диалоги с детьми. Один раз я свое правило нарушил и за это поплатился — шустрый ребеночек оказался, как позже выяснилось, родственником пропавшего и решил поиграть с плохим дядей в Ивана Сусанина. А я поверил и потерял трое суток. Начиняющий тогда был, зеленый.

— Можно подумать, взрослые не врут, — усмехнулась Верочка.

— Еще как врут. — Я кивнул и стряхнул пепел. — Но взрослых можно привлечь к уголовной ответственности, а ребенка — никак. К тому же взрослые, можете мне поверить, врут далеко не так изощренно. Фантазия у них с годами как-то оскудевает, что ли...

— Слушай, — она устало вытянула руки на крышке стола и стала рассматривать их, — я вот что хочу тебе сказать. У нас с Сашкой не такая уж большая любовь, я бы этого гаденыша своими руками удавила, если б могла. У меня из-за него и так проблем куча. Если его найдут и посадят — слава Богу.

— Что же вы с ним такое не поделили? — сочувственно спросил я.

— Что не поделили? — Она зевнула, показав плохие зубы. — А вот это все. Все, что тут есть. Я пашу на работе, как лошадь, прихожу никакая, и так десять лет, чтобы в доме все было и чтобы сам дом не развалился... Мебель купили, крышу отремонтировали, забор поставили. Все — мы. Мамаша палец о палец не ударила, чтобы хоть что-то тут сделать, папаша вообще алкаш, каких свет не видывал, и мой вслед за ним пить начал. А этот собрался на годовенькое сюда прийти да еще девку свою притащить, чтобы нам племянничков рожала...

— Хорошо, вы сказали — девку. Значит, все-таки есть у него кто-то?

— Ну... есть, в Михайловском. Оторва, каких мало.

— А адрес знаете?

— На черта мне ее адрес?

— Ну хоть зовут-то ее как?

— Он говорил — Инна.

— А фамилия?

Неожиданно девочка, до того равнодушно сидевшая, уставившись в телевизор, подала голос:

— Веретенникова.

Я повернулся к ней:

— Ты ее знаешь?

— Да ее все знают. Она в Михайловском, возле почты живет, дом у них такой желтый.

Вера молча курила, девчонка уставилась в телевизор. Больше мне здесь явно делать было нечего. Я двинулся на выход, маломерок муж потащился следом. У калитки он вдруг вцепился в мой локоть и быстро заговорил, оглядываясь на окна:

— Слушай, братишка, тут дело такое... Ты это, зря так Верку, она, правда, ничего не знает, она баба неплохая, только нервы у нее... Сашка точно не приходил, мы вообще не знали, что он из части смылся, пока из милиции за ним не явились.

Я кивнул.

— Болтают, что эта его подруга тоже пропала, — добавил мужичок, озираясь еще тревожнее. — что нет ее нигде. Она с бандюгами болталась, может, порешили они ее. Или Сашка увез.

— Спасибо, проверю. — сказал я без особой радости и покинул «гостеприимный дом».

Водитель сладко спал. Я растолкал его:

— Сначала купим пожрать, а потом в Михайловское.

В ободранном сельпо с гордым названием «Альтаир» мы купили полкило сероватого сала, хлеб, банку тушенки, консервы, газировку и расположились со всем этим хозяйством на заднем сиденье, припарковав «уазик» на краю городской площади. Сало оказалось теплым и от этого противным. А водитель ничего, лопал с голодным блеском в глазах и характерным урчанием. Как котенок, тощий, бродячий, дорвавшийся до вожделенной миски.

— Да, это, конечно, не «Макдоналдс», — кивнул я. — Но все-таки какая-то пища. Да, Володь?

— Так точно, товарищ прапорщик. — промямлил он набитым ртом.

Кто-то постучал в стекло с моей стороны, и я обернулся с недожеванным куском во рту. Лучше бы я так не делал! Подавиться ведь можно от неожиданности.

— Товарищи военные!

— Господи, Катя! — Я рывком открыл дверь. — Ты-то здесь откуда?

— Сало кушаете? — Она улыбнулась и склонила голову.

Я подвинулся и втянул ее за руку в машину.

— Познакомься, Вовчик. — моя гордость, первый человек, которого я нашел одним чутьем! Помнишь, рассказывал?

— Да ладно, гордость. — Катя засмеялась. — Что у вас за сало? Им только швейные машинки смазывать! Вы отравитесь, ребята, точно вам говорю.

Она была в безразмерной куртке-штормовке со множеством карманов, черном свитере, джинсах и огромных армейских ботинках. Вся обвешана какими-то цепями с болтающимися на них жетонами, на руке — командирские часы, на голове — черная кепка, длинные волосы перевязаны ботиночным шнурком. Как всегда, видимо. Волосы, правда, очень чистые, и запах — хорошие духи.

— Как твой батя, Катюш?

— Нормально. — Она достала пачку «Явы» и спокойно закурила, пуская дым в открытую дверь. — Полковник уже. А куда путь держите?

— Куда бы мы ни держали путь, тебя мы, конечно, подвезем. — Я сердечно улыбнулся. — Как, Катя, твоему папе зять случайно не нужен?

— Не-а. Зачем папе зять? А мне в Михайловское. — сказала Катя. — Папа там в командировке, в авиаполку.

— Ты, конечно, не поверишь, но нам тоже в Михайловское, — сообщил я. — Мы с Вовчиком едем в Михайловское, чтобы вернуть в часть одного дезертира. Это я его вычислил. Интуиция у меня.

— Ерунда, никакая это не интуиция. — Катя заулыбалась.

— Ну хорошо, а что же, по-твоему, это такое, если не интуиция? — Я даже обиделся. Соплячка, девчонка, а берет на себя смелость рассуждать о подобных вещах. Да еще таким безапелляционным тоном!

— Игорек. — она посмотрела на меня внимательно, — ну сам-то подумай. Если бы это была интуиция, ты мог бы предчувствовать какие-то будущие события, так? Но ты ведь этого не можешь. Честно, ведь не можешь, да?

— Ну допустим, — нехотя признался я.

Водитель слушал нас так внимательно, что даже перестал жевать.

— Ты как овчарка, — продолжала Катя. — Только не обижайся. Я имею в виду, что собаке ведь тоже надо запомнить запах, прежде чем бежать по следу. Но ей может быть достаточно вещи, носка какого-нибудь... А ты ощущаешь мысленный запах, что ли, поэтому тебе и нужен сам человек... Если предполо-

жить, что это так, можно объяснить почти все. Тебе так не кажется?

Мне, признаться честно, именно так и показалось, и я кивнул:

— Ну допустим. А как тогда объяснить то, что иногда я человека как бы теряю и не могу найти по нескольку дней?

Катя задумалась.

— Видишь, — сказал я назидательно, — не всякая теория согласуется с реальностью.

— Значит, мы не полностью вывели теорию. — она пожалала плечами. — Вот тебе дополнение: если человек, допустим, пьян, его запах меняется, и ты перестаешь на него реагировать. Или болен. Или специально защищается от тебя, зная, что ты за ним охотишься. У тебя ведь прозвище — Фокс? Да?

— Так точно. — Я убрал остатки сала и открыл бутылку воды.

Солдат уже перебрался на свое место и заводил машину. Я остался с Катей сзади. Она сидела, пристроив локоть на своем огромном брезентовом рюкзаке, и весело оглядывалась по сторонам; я так и чувствовал ее облегчение от того, что не придется ждать переполненный автобус и тащиться в нем добрых сорок минут, стиснутой со всех сторон, как в братской могиле, местными тетками в грязных телогрейках. Она была мне благодарна — это я тоже ощущал, как свою собственную эмоцию.

Загадочное Михайловское, внезапно вынырнувшее из-за поросшей лиственным лесом возвышенности, оказалось вполне приличным поселком городского типа с ухоженным вокзальчиком и аккуратными рядами светло-серых пятиэтажных коробок. Кое-где виднелись более пожилые строения, но и они были ухожены. Могут же, когда хотят. Значит, не согласны жить в свинарнике, и это не может не радовать. И Богданова мы здесь найдем. А на прощание посидим вон в том кафе с замечательным названием «Виктория» («Победа» в переводе с латыни).

— Катюш, ты не против, если мы сначала заедем в одно место? Так, чисто для проверки. Ты как, не очень спешишь?

— Не спешу. А потом — к нам, да?

— Ну а как же? Надо же поздравить товарища полковника.

Дом Веретенниковых стоял в глубине огромного яблоневого сада и казался абсолютно необитаемым, это впечатление усиливала приоткрытая калитка, провисшая на ржавых петлях. Катя заглянула:

— Ау!.. Все ушли на фронт.

— Ты обожди здесь, — попросил я, протискиваясь на участок. — Не ходи со мной. Мало ли кто меня там встретит..

Тропинка вела к старому в облупившейся грязно-

Екатерина ПОСТНИКОВА

желтой штукатурке дому. Он стоял с темными окнами, в окружении темных сырых деревьев. И никого. Не похоже даже, что кто-то вообще здесь бывает. Тишина, лишь поскрипывает что-то под самой крышей. Я оглянулся: на меня в приоткрытую калитку смотрели две пары глаз.

Я постучал в крашеную деревянную дверь, и, к моему изумлению, внутри тут же послышались быстрые шаги.

— Кто там?! — тревожно прозвучал хриловатый женский голос.

— Представитель военной прокуратуры прапорщик Зеленков, — представился я. — Откройте, пожалуйста.

— Прокуратура? — Голос изменился, и дверь распахнулась. Женщина в пуховом платке, наброшенном на плечи поверх темно-синего вязаного платья, смотрела с ужасом.

— Разрешите войти? — поинтересовался я.

— Вы... — Женщина нервно сглотнула и потеряла щеку. — Вы ее нашли?.. Она... жива? Жива?

— Так... — Я сразу все понял. — Давно Инна отсутствует дома?

— Десятые сутки сегодня... — Она посторонилась, пропуская меня, и неожиданно громко всхлинула. — А я думала, вы нашли... она с вами...

— Вы мать? — спросил я уже в прихожей.

В доме было, как говорится, бедно, но чисто. Белые салфетки, белые вышитые шторы, вязаные половики, старое пианино в углу. Белая печка. Две кошки на подоконнике, живая и глиняная — копилка. Похожи, как сестры. Я прошел на кухню и сел за стол.

— Чайку хотите? — спросила женщина, прикрывая ладонью дрожащие губы.

Худая, как скелет, плюсовые очки диоптрий на восемь, лицо в морщинах, волосы какие-то пегие, но вид все равно много лучше Верочкиного — интеллигентный такой вид.

— Нет, спасибо.

— Инночка — дочь моего брата, — объяснила она, садясь напротив. — Сережа умер, а у его жены были трудности, вот я и взяла девочку к себе... А теперь ее мать угрожает подать на меня в суд. — Голос ее заметно дрогнул.

— Извините, как вас зовут? — спросил я.

— Анна Викторовна. — Она достала из кармана платок и начала вертеть его в руках.

— Анна Викторовна, а вам знакомо такое имя — Саша Богданов?

— Саша? Конечно. — Она покивала и вдруг улыбнулась. — Хороший мальчик. Очень славный и любит Инночку. Они хотели пожениться, когда он вернется из армии. Знаете, для него это был такой

удар, когда он узнал, что она пропала... На нем просто лица не было.

— Так, значит, Богданов приезжал к вам? Когда?!

— Я чуть не вскочил.

— Пять дней назад, в четверг.

Пять дней, подумал я. Сбежал шесть дней назад. Значит, из части сразу поехал сюда. Выходит, знал. Откуда?

— Вы в курсе, что он самовольно оставил часть? — спросил я.

Женщина вскинула на меня глаза:

— Теперь — да, в курсе... Но у него не было другого выхода. Я так им и объяснила, а они спросили, почему я не сообщила о нем в милицию. Как я могла сообщить? Я ничего такого не предполагала, он сказал — его отпустили.

Мы некоторое время помолчали.

— Саша действительно ее так любит?

— Да. — Женщина заморгала. — Да... Те, из милиции, тоже спрашивали об их отношениях... Я вызвала их, когда она не пришла второй день ночевать... такого ведь раньше не случалось. Одну ночь — да, бывало, но две подряд... Вы знаете, молодой человек, Инночку многие считают девочкой распущенной... но это абсолютно не так! Она чересчур доверчивая, тянется к людям... И Саша это понимал, уговаривал не дружить с компанией... — Она закрыла лицо ладонью, и плечи ее мелко задрожали.

— Это я виновата, — сказала сквозь слезы. — Мне не следовало вот так все разрешать... Я ходила, расспрашивала ребят, но никто ничего не знает.

— И тогда вы сообщили Саше, — кивнул я.

— Он сам меня об этом просил. У него был отпуск, и он жил у нас. А когда уезжал, так и сказал, мол, если что-то, не дай Бог, случится, сразу же сообщите мне. Сразу же! А я упустила четыре дня, он очень ругал меня за это.

В кармане у меня лежала записная книжка с телефоном старшего лейтенанта Маленкова из ОВД городка, где проживал мой Богданов, и я заозирался.

— Телефон у вас есть?

— Только автомат около почты, — вздохнула женщина.

— Хорошо, — сказал я. — Ну а что Саша, появился и тут же уехал?

— Ну да, в общем-то... Пробыл час, наверное, пообедал и взял из сарая свой мотоцикл: он у нас его держал. Сказал, что как только что-то узнает, сообщит. И больше не появлялся.

Эта история нравилась мне с каждым часом все меньше и меньше, и я уже представлял себе недели две, а то и три утомительнейших поисков, которые

вполне могут окончиться ничем. А через полгода какие-нибудь грибники наткнутся в лесу на два трупа...

— А что, вы говорите, за компания такая, с которой Богданов не советовал общаться вашей племяннице? — спросил я.

Женщина повела плечом:

— Ну, знаете, говорят, что это банда. Их тут все знают. Егоркин там такой есть, взрослый уже мужик... Они больше в райцентре бывают, по-моему, и живут там. На дискотеках в доме культуры часто собираются...

— А еще с кем-то Инна общалась?

— Да нет, с ними только. Говорила, что они интересные люди... Не знаю, видела я этого Егоркина, на бандита вроде не похож. Так, чудной какой-то... Но девочек они не трогают, такого про них никогда не говорили. Если только кто добровольно... ну, вы понимаете. А к ней они вообще хорошо относились.

— Выходит, вы не думаете, что они имеют отношение к ее исчезновению?

— Не знаю. Я уже следователю сказала все это...

— Хорошо. Ну вспомните, напрягите память, Инна все-таки ни с кем больше не общалась?

— Ну, как ни с кем... Я имею в виду, больше ни с кем не дружила, да. А общалась со многими, в училище, например, в группе, но там у них девочки одни: она у меня на швею учится. Шьет замечательно, говорят, талант! Ее работы даже на выставке экспонировались. Костюмы театральные и для балета, особенно один, розовый, «Летний сон» называется...

Она вздохнула с оттенком гордости и тут же снова погрузилась:

— Подруг у нее нет. Если эти... ну, ребята в отъезде, она допоздна в училище сидит, в учебном цехе, шьет что-нибудь. Инна хорошая девочка...

Она не сдержалась и заплакала, уткнулась в платок, сдавленно сказав: — Извините...

— Это вы извините. — Я ободряюще тронул ее руку и поднялся. — Я постараюсь вам помочь. Вы не дадите ее фотографию?

Плача она встала, открыла буфет и достала маленький снимок худенькой девчужки с короткой стрижкой.

— Вот, это Инночка, когда ей шестнадцать было.

Я посмотрел на фото. Простое лицо, немного надменное выражение глаз. Девчонка как девчонка. Здесь, в провинции, море таких.

— Что-то ты без искры в глазах, — заметила Катя, когда я забрался в «уазик» и захлопнул дверцу. — Тебе крупно нахамили?

— Вовсе нет. — Я немного нервно закурил и заметил, что руки у меня подрагивают. — Наоборот. Хорошая тетка, жалко от всей души.

— Мне тут Вовчик кое-что рассказал... — Катя вни-

мательно поглядела на меня и почесала лоб под козырьком кепки. — Я хотела спросить: ты чувствуешь его?

— Нет, как в воду канул. И его девчонка тоже. Скверные дела. Кать, уголовиной тут пахнет. Понимаешь, Катюш, даже в самых сложных случаях я все равно что-то улавливал, был какой-то фон, что ли. Я всегда чувствовал: здесь — не здесь. Я одного в деревне две недели пас. Глухо было. Но что-то пробивалось, я только понять не мог, откуда. А оказалось, он в бункере сидел. А здесь ни намека. Вот я и боюсь: жив ли он вообще...

Мы помолчали.

«Уазик» доехал до зеленых с красной звездой ворот части, развернулся и замер.

— Ну что, сейчас к нам? — бодро спросила Катя.

— Знаешь, Катюш, мы тебя доставили, но в гости заедем в другой раз, хорошо?

— Ой, ну подожди, дай я вам хоть перекусить вынесу. У нас рыбка, папа сам солил.

— Ну если сам полковник солил... — улыбнулся я.

— Хорошо, вон как раз у КПП почта, я пока отзовусь, доложусь начальству.

Я заказал Москву и в ожидании смотрел в окно, прислушиваясь к своим ощущениям: колышет — не колышет. Не колынуло. Обычно это как толчок, как догадка: вот оно! Как будто вспоминаешь что-то важное. Даже радость какую-то испытываешь, тихое удовольствие: нашел. Раньше, еще до службы, я неоднократно замечал за собой такое: идешь по улице и вдруг начинаешь думать о каком-то знакомом, с которым не виделся, допустим, пару лет, и тут же — нате, пожалуйста, вот он шагает навстречу!.. Или, например, я всегда наперед знал, позвонит сегодня девушка, с которой четко условились о звонке, или нет. Говорят, это у многих бывает. Но не у всех позже перерастает в чутье, как у меня...

Доложив обстановку Самохвалову, я связался с ОВД «Михайловское» и попросил соединить меня с райцентром. Связь работала на удивление хорошо, голос дежурного звучал так громко, что я отодвинул трубку подальше от уха.

У старшего лейтенанта Маленкова оказался грубоватый голос и какой-то неуловимый акцент, словно у человека, долгие годы жившего за границей. Я еще не успел толком представиться, как он заорал:

— Это что за самодеятельность, прапорщик?! Кто вам позволил врываться в дом и выкручивать женщинам руки? Вы знаете, как это называется?

— Начинается, — пробормотал я и сказал в трубку: — Знаю, товарищ старший лейтенант. Это называется — необходимая самооборона.

— Она что, напала на вас, что ли?

Екатерина ПОСТНИКОВА

— Ну не напала, но, памятуя опыт предыдущих расследований, я решил не доводить дело до расправы со мной сердобольных соседей. Один раз в аналогичной ситуации мне сломали ребро. Такие вот дела.

— И все равно не надо руки распускать, — уже спокойнее сказал Маленков. — И вообще, почему вы сразу не явились ко мне?

— Вас не было на месте.

— Во сколько вы звонили?

— Примерно в десять утра.

— А, ну может быть... Но могли бы и подождать, а вы полезли на рожон, и вот теперь у меня лежит на вас заявление. Что прикажете с ним делать? А для чего вы, кстати, пошли к нему домой?

— Извините, а вы вообще в курсе, как именно я работаю?

— Н... ну да. Мне говорили, но я, если честно, ничего толком не понял.

— Скажем так, я ищу пропавших, опираясь не на факты или не только на них, а главным образом на свои ощущения. Так вот, для того, чтобы отыскать человека, о котором мне ровным счетом ничего не известно, я должен или хорошо чувствовать его, или искать подсказки. В данном случае я не чувствую человека вообще, а со мной раньше такого никогда не случалось. Поэтому я надеялся, что его родные сообщат что-то полезное. Но они или ничего не знают, или говорить упорно не хотят. А тут еще эта девушка, Веретенникова...

— Все равно я не понял. — Я буквально услышал, как шевелятся его мозги. — Как же вы их находите?

— Ну, считайте, что я экстрасенс.

— Ладно, это потом. А что, вы говорите, Веретенникова?

— Да я это хотел у вас спросить.

— По ней пока ничего нет. И, я боюсь, не будет. — Маленков сделал паузу. — У нее такая репутация... Бывает, что пропавших не находят. Причем даже трупов. У нас сейчас тут в разработке одна компания во главе с неким Егоркиным — на них указала тетка пропавшей.

— Так! — Я заинтересовался.

— Что — так? Результат нулевой. Как говорится, алиби у них. Все восемь человек в те дни, когда пропала Веретенникова, находились в самом надежном месте — в отделении милиции поселка Красный Маяк, после драки с местными.

— И что, ничего не знают?

— Абсолютно. Видели ее накануне драки, она сказала, что в следующие несколько дней будет в училище, работу какую-то ей надо было сдавать. И все. Она могла податься куда угодно и с кем угодно,

а мы ищем, и сроки поджимают. А тут еще ваш солдат. С ним все глухо, как я понял?

— Глухо, глухо.

— Плохо это, прапорщик. Дело не идет. Что вы планируете дальше?

— Пока не знаю. Больницы, морги — мне сообщили, что все это уже проверено?

— Да, искали там уже. Не поступал. Скрывается где-то, не исключено, кстати, что они вместе подались в бега. Давайте так. Когда вы сможете заехать?

— Сегодня вечером нормально?

— Давайте. Я тут допоздна буду, двенадцатый кабинет. Но если что-то проявится, немедленно звоните. Или по станции, я — Тридцать седьмой. Договорились?

— Договорились.

... Катю ждать не пришлось, она уже вертелась у машины. Мы открыли дверцы и сидели рядом на заднем сиденье.

— Чего ты такой? — спросила она и ласково потрепала меня по плечу. У нее в руках оказался плотный пакет, от которого шел резкий запах рыбы.

— Устал, Катюш, — честно ответил я. — Осточертело все.

— Так брось, — посоветовала она. — начни жизнь по новой. Папа говорит, это никогда не поздно. — Она развернула пакет. — Ты кушай, вкусная рыбка. Ты приедешь к нам вечером?

— Вот чего не знаю, того не знаю...

Водителя не было, он, насидевшись за рулем, пошел размять ноги.

— А что это играют такое знакомое?

Катя прислушалась и сделала погромче.

— А-а, это Джейсон Донован. «Sealed with a kiss». Ничего песенка, старая, правда...

— А как название переводится?

Катя в задумчивости завела глаза:

— Ну, «kiss» — это я знаю...

— Это все знают. — Я придвинулся к ней, замедляя, и потянулся поцеловать, но она отстранилась и, улыбаясь, сказала мягко и дружески:

— Извини, Игорек, мне нравятся мальчики самой малость постарше.

— Куда же старше? — удивился я. — Мне тридцать скоро.

— Ну, еще лет на пятнадцать.

— Такие, как папочка, да? Какая ж ты глупенькая, — заметил я. — Ну ладно, пора мне уже.

— Я вас слушаю, уважаемый.

Мягкий голос с бархатистой интонацией заставил меня оторвать взгляд от развешанных по серо-зеленым крашеным стенам забавных вещичек.

иные из которых были сшиты достаточно профессионально. Я обернулся. Удивительный человек стоял передо мной, шурясь сквозь большие очки. Очень высокий, худой, с клубящейся на маленькой голове кудрявой седоватой шевелюрой, он казался живым олицетворением слова «доброта»: умные, невероятно лучистые глаза, брови домиком, пухлые щеки, трогательно сложенные губы, сложный узор морщинок — все так и светилось нежностью к людям, состраданием, терпимостью, всепрощением и какой-то святостью, что ли. Только нимба не хватает, неволью подумалось мне.

— Я мастер учебного цеха, — нараспев произнес он, сложив на животе нервные руки пианиста, — Петр Филиппович Кирик. Мне сказали, вы хотите поговорить по поводу Инночки?

— М-да, — пробормотал я. — Никто мне ничего вразумительного не сообщил, все на вас кивают...

— Будьте любезны, пройдемте в мой кабинет, там нам будет удобнее. Простите, как вас зовут, молодой человек?

— Игорь.

— А по батюшке?

— Да нет, просто Игорь. — Я почувствовал себя неловко.

Мы поднялись на второй этаж старого здания училища, и мастер отпер низкую дверь:

— Прошу вас, проходите. Не угодно ли кофейку?

Кабинетик был меньше некуда, метров семь, занятый одним столом и крохотным шкафчиком. Я сел на жесткий стул и спросил:

— У вас тут курят?

— Пожалуйста. — Мастер сердечно улыбнулся и придвинул мне майонезную банку. — Извините, пепельницы у меня нет, я сам не курю... Вам там удобно? Сейчас, вскипячу водички...

Он суетился, насыпал в чашки растворимый кофе, искал сахар, распечатывал пачку печенья, кидая на меня доброжелательные взгляды, и между делом рассказывал:

— Вы понимаете, Инночка всегда чувствовала себя одинокой, ей не хватало общения. Знаете, подростки иногда бывают жестокими и невольно причиняют боль своими словами и поступками, а она девочка легкоранимая, вот и замкнулась в себе. Она никому ничего не рассказывала, ходила все время одна, у нее даже соседки по парте не было. Девочки ее обижали, да... Даже били. Называли ужаснейшими словами. Я пытался переубедить их, но они, к сожалению, не хотели слушать... Наверное, из-за этого она и уехала.

— Уехала? — переспросил я. — Куда уехала?

Кирик поставил передо мной кофе и как-то беспомощно пожал плечами:

— Она говорила, что хочет на север, в Петрозаводск. Вы кушайте печенье, пожалуйста... Она сказала, что поедет со своим молодым человеком. Я просил ее подождать до конца учебного года, и она обещала, даже дала слово, но, видимо, в эти дни случился новый конфликт, и она не выдержала...

— Она была откровенна с вами?

— Ну в какой-то степени... Знаете, у нее сложилась очень тяжелая обстановка в семье, просто крайне тяжелая: умер отец, мать начала выпивать, избивала ее, девочке приходилось голодать, ночевать по знакомым, с компанией какой-то связалась... Потом ее забрала тетка, но она женщина одинокая, на пенсии, и, наверное, чрезмерно опекала Инну, может быть, провоцировала на какие-то признания... я не знаю точно. А девочке хотелось просто быть собой, плохой или хорошей, но — собой, а ей этого не позволяли. Поэтому она иногда разговаривала со мной, рассказывала о себе, советовалась. Я старался помочь, но все как-то наложилось одно на другое... В общем, она не выдержала.

— А кто у нее в Петрозаводске? — спросил я, доставая записную книжку. — Пожалуйста, вспомните хоть одно имя, может, она говорила?...

— Нет, к сожалению. — Педагог развел руками и горестно вздохнул. — Я об одном молюсь: чтобы она там не влипла в какую-нибудь историю, она ведь доверчивая, как ребенок. Все может случиться... Вы пейте кофе, устали, наверное...

Да, думал я, рассматривая его лицо, хоть здесь девчонке повезло. Я помню свое детство: ни один учитель никогда не вызывал у меня желания рассказать о своих проблемах, ни с одним мне не хотелось даже разговаривать, настолько я был давлен их попытками подогнать меня под общий стандарт, заставить спокойно сидеть, не смеяться, не двигаться, не рисовать в тетрадах, не шуметь, не отвлекаться, не смотреть в окно, не грызть ручку, не пускать самолетик, не строить рожи, не бегать на перемене, не драться, не ломать герань, не прогуливать, не курить, не влюбляться, не списывать, не высказывать свое мнение, не кататься по перилам, не подсаживать, не хамить, не сбегать с уроков... То, что я все-таки живой человек, не интересовало абсолютно никого, поэтому вспомнить о родной школе мне просто нечего. И не надо. А девчонке повезло. Настоящий Оле-Лукойе, только высокого роста. До чего добрые глаза, аж уходить не хочется...

Вечер наступил внезапно. Только что был серый день, и вдруг все начало наливаться синевой, загорелись фонари, и я понял, что кружу по городу зря. Ничто внутри не шевелилось при виде пустеющих улиц, чужих оранжевых окошек, витрин и сквериков. Ничто. До тоски...

Екатерина ПОСТНИКОВА

— Пора нам с тобой на боковую, — сказал я изумленному Вовчику, — поехали-ка в гостиницу.

Настроение было — хоть плачь. На этот раз я, похоже, проиграл. Действительно, если он подался в Петрозаводск вместе с Инной, ловить в этих местах мне абсолютно нечего. Я задумался. Что-то не вязалось в моих рассуждениях, но что? Он был хорошим солдатом, служить ему оставалось до осени, девушка вроде бы ждала, но он сорвался и убежал, подставив и себя, и начальство — зачем? Да и девушка... Как она могла уехать на север так, что тетка приняла ее отъезд за очередную отлучку с компанией? Только в одном случае: если она не взяла вещей. А если она их не взяла, то как же она, черт возьми, уехала? Ерунда получается. Не могу я себе представить, чтобы молодая девчонка внезапно, после ссоры со сверстницами, пусть даже в состоянии аффекта, просто так, без ничего, села в поезд и умчалась в неизвестность. Так не бывает. Наоборот, она собрала бы все в чемоданчик, написала тетке записку, мол, не волнуйся, доеду — напишу... Нет, не сходится. Наверное, я непроизвольно вздохнул, потому что Вовчик повернул ко мне усталое лицо и даже не спросил, а подтвердил:

— Замучились, товарищ прапорщик.

Мы выехали из Михайловского и двинулись в райцентр, дружно подпрыгивая на ухабах. Я засыпал. Мне снились противогазы и Катя, играющая на складе с Манькиными котятками...

— Блин, совсем, что ли! — испуганно заорал водитель, резко дергая руль влево, и я мгновенно проснулся:

— Что?!

— Да псих какой-то! Чуть не переехал его! Выперся на дорогу, баран! Надо ж так нализаться. Убью сейчас!..

— Подожди. — Я легонько тряхнул его за плечо. — Успокойся, я сам посмотрю.

Стемнело уже окончательно. Я вышел из машины, напряженно рассматривая в свете фар согнутую в три погибели человеческую фигуру, как-то сиротливо уткнувшуюся в наш передний бампер. Человек был сильно пьян и невероятно грязен, вся его одежда просто сочилась этой грязью, и я с удивлением подумал, до каких все-таки пределов доходит людское скотство.

— Эй, парень! — Я легонько потолкал его ногой и присел рядом на корточки.

— Кис, кис... — слабо позвал он, катая по бамперу голову в серой кепке. Я дернул его за шиворот, и он, словно ватная кукла, отвалился назад, на асфальт.

Это был шок. Я даже встал от изумления, потому что на разбитом шоссе между Михайловским и

райцентром, раскинув руки, весь вываленный в грязи, в стельку пьяный, с синяками на лице, лежал передо мной доблестный сержант Вооруженных сил Российской Федерации Александр Александрович Богданов.

— Ах ты, соколик ясный!.. — Давя нервный смех, так и рвущийся изнутри, я с силой поднял его на ноги и прислонил к машине. — Ах ты, гадость такая! Да я тебя своими руками сейчас по дороге размажу! Люди с ног сбились, ищут тебя, а ты, значит, расслабиться тут решил, да, моя радость? Ну все, считай свою благополучную жизнь столь же благополучно законченной.

— Вау... как это... спать... Инуся... — пробормотал он с закрытыми глазами. Я ударил его по щеке, потом еще раз — он не очнулся. Он был невменяем. Но, к моему изумлению, алкоголем от него совершенно не пахло... Похолодев, я разодрал его рукав и осмотрел вены, потом — на другой руке. Чисто.

— Вовка! — крикнул я, и водитель тут же вынырнул рядом, испуганно хлопая глазами. — Вовка, значит, так, смотри за ним, чтобы не упал. Я сейчас.

— Все-таки вы что-то чувствовали, товарищ прапорщик, раз сказали ехать в гостиницу сейчас. — с восхищением глядел на меня водитель. — Хоть бы на десять минут позже, и он переполз бы на ту сторону, в лес, и там бы помер.

— Не мели чепуху.

Злость моментально испарилась, остался только томительный, недоуменный страх. Я не спец по наркотикам, но парень явно был под кайфом. Откуда он выполз? Может, услышал вдалеке шум мотора и из последних сил решил попытаться счастья? Теперь, по крайней мере, понятно, почему я потерял его. Как там Катя говорила? Если он пьян?.. Взяв из машины фонарь и проверив под мышкой кобуру, я спустился с дороги в осинник и пошел, внимательно осматривая почву под ногами.

Вот и грязь, в которую он вляпался... А вот и то, что осталось от «Урала». Мда-а... Каким чудом, интересно, сам парень уцелел, если мотоцикл превратился просто в лепешку? Сосна в три обхвата, а он летел со скоростью за сотню.

На дороге, когда я вернулся, Вовчик суетился над моим мотоциклистом, который снова завалился на землю. Как мешок. Я задрал ему свитер и прощупал селезенку. На месте. И ребра вроде целы. Он стонал. Потом затих и вполне членораздельно произнес:

— Да я сейчас, быстренько. Я успею. Вы ей пока валидол дайте.

— Интересный текст, — заметил я. Вовчик кивнул.

— Мама, — тихонько позвал Богданов и вдруг встrepенулcя. — Инна!..

— Где ты ее оставил, где? — Я старался говорить максимально четко.

Он замычал и сделал жалкую попытку открыть глаза:

— Инна... Давайте остановим машину?... Прямо в больницу... врач... я не зна... Почему нет?!

Он забился у меня в руках. Ему было плохо, он дрожал, со лба катился пот.

— Так, Володя, давай в машину его, — приказал я, — и быстро в райцентр! Где больница, знаешь?..

По дороге я достал рацию, настроился на милицейскую волну и вызвал Маленкова, не без труда вспомнив его позывной. Он ответил сердитым голосом, но я, не дав ему сказать и десятка слов, перебил:

— Докладываю, потеря найдена на двенадцатом километре Михайловского шоссе. ДТП. Нужен врач, срочно.

— Врач? — переспросил Маленков.

— Желательно присутствие нарколога. — добавил я.

— Будет.

— Давайте быстрее.

В больнице нас уже встречала бригада медиков, и я поразился оперативности здешней милиции. Передавая им бормочущее тело Богданова, я не мог отделаться от мысли, что именно там, на том самом месте, точнее, немного не доезжая, я почувствовал что-то, какое-то шевеление в мозгу, словно там проснулся теплый червячок и начал потихоньку прокладывать дорогу на выход. Что это было?.. Через сорок минут толстый врач в темно-зеленом хирургическом облачении сообщил мне и подъехавшему Маленкову:

— Ребята, все сложно. Не считая того, что у него сильное сотрясение мозга, переломы костей лица, ключицы, левой руки в двух местах, ушиб грудной клетки и смещение дисков в позвоночнике, он еще и накачан наркотиками под завязку. Как он не умер только от одного этого, я не понимаю. Наркотик синтетический, аналог героина — это пока все, что нам известно. Очень стойк. Концентрация в крови такая, что парень по всем законам должен был умереть больше суток назад.

— Я не понял, он что, наркоман, этот Богданов? — Маленков повернулся ко мне.

— Нет, конечно. — Я почти не слушал его. — Нет, не наркоман. И я считаю, что он не сам накачался этими наркотиками. Его кто-то щедро угостил.

— Кто же это такой добрый? Вы хоть знаете, сколько стоит доза героина?

— Это не героин, — перебил врач. — Я сказал: аналог. Синтетический. Возможно, изготовлен в домашних условиях.

— Это было сделано нарочно, — продолжал я. — Чтобы он разбился.

— А что, не исключено. — Врач покивал мне. — Координация нарушена настолько, что мотоциклом управлять он, конечно же, не мог. Проехал, может быть, метров сто и все... Да и то на голом энтузиазме, что называется...

Он говорил что-то еще, но я перестал слушать, потому что внезапно с предельной четкостью представил себе всю картинку до мельчайших деталей...

... Инна была без сознания. Она лежала на широкой кровати, разметавшись, как во сне, но не спала, глаза ее были приоткрыты и мутны. Сашка метался по дому, как обезумевший зверь, и подвывал. Это он, он виноват во всем, нужно было забирать ее в Москву, пристраивать у знакомых, вырывать отсюда как можно скорее... Она несомненно умрет. Плохо с сердцем. Доигрались в шекспировские страсти, вот он, результат.

— Инуся, Инуся!.. — Он склонился над ней и послушал сердце. Тук, тук... Человек, приютивший их, сначала Инну, а потом и его, принес стакан воды и поставил на стол:

— Саша, нужен врач. Иначе она умрет, понимаешь?

— Я поеду! — Сашка бросился к своей куртке. — А может, остановим машину? Чтобы сразу в больницу?

— Нет, Саша, ты же понимаешь... Нельзя. Ее ищут, это уголовное дело. Нужно привезти врача частным образом, я скажу тебе адрес и телефон. Надень кепку. Ты небритый, это хорошо, на себя не похож. Поезжай в райцентр, быстрее. Да... на, выпей вот это.

— Ой, я уже пил, спасибо. И так голова кругом идет..

— Пей, пей, тебе надо успокоиться, не хватало только, чтобы ты врезался во что-нибудь. Ты что, мне не веришь?..

Он шел к мотоциклу и поминутно стряхивал дурноту. Что за напасть? Это все нервы. Допсиховался. Ну ничего, пройдет.. Неожиданно голова стала светлой и пустой, как глиняная ваза, он успокоился и подумал, что все-таки умный человек дал им убежище, нечего сказать, повезло. Не впал в панику, продумал все до мелочей, а ведь если бы не его на-

Екатерина ПОСТНИКОВА

стойка, точно влетел бы в столб, так тряслись руки... Он несся по шоссе, молясь о том, чтобы Инна дождалась врача. Ничего, ничего, милая, все будет хорошо, и вернутся снова наши светлые дни... Что такое?! Мотоцикл совсем не слышится, кренится вправо... Отчего?.. Как муторно... Ветки хлещут по лицу... Куда это я?.. Больно! Больно! Бо...

Ни Маленков, ни оперативники, ни замначальника ОВД, никто не мог понять, чего я от них добиваюсь. Двенадцатый километр — с чего я это взял? Почему срочно? Кто там? Что там?..

Инна, объяснял я, его девушка, она там. Если вы отказываетесь ехать, я поеду один. Я же вроде бы внятно говорю: она в опасности, в руках, возможно, у психопата, неужели так трудно сесть в машину и съездить?! Позвоните Самохвалову, он подтвердит, что я нашел уйму народа вот так, по запаху. Я розыскная собака, верьте мне, мы же можем не успеть!

Они ворчали, крутили пальцем у виска, потом плюнули, связались с Москвой, долго рычали от непонимания, бросили трубку, начали натягивать бушлаты.

— Что, едем?

— Ну?! Едем, едем...

Завели «Мерседес» с мигалкой, как в американских боевиках, ко мне в «уазик» втиснулись четверо пацанов с автоматами, и понеслись в ночь, полетели, визжа тормозами.

Я чувствовал не ее, клянусь, я не мог ее чувствовать, потому что никогда не видел, я чувствовал кого-то другого, уже знакомого, там, почти там, где мы нашли Сашку. У меня так и зудело внутри: кто, кто, кто?.. Расплывчато. Ничего не понятно. Остановились. Ну, орел, давай! Ну!..

А нет никакого дома. И червячок внутри молчит, как проклятый. Исчезло. Все исчезло. Замначальника подбежал, схватил меня за локоть:

— Ты что, шутки шутишь? Спятил, вояка?!

— Погодите! — я вырвался. — Просто его тут нет, понимаете. Сейчас его нет, а она, во-первых, без сознания, а во-вторых, я ее никогда не видел! Не могу я чувствовать человека, если не видел и не говорил с ним!

Они загалдели. Пацаны с автоматами рвались в бой, а получили кукиш. Обманул, наглый прапор!

— Ну и оставайся! — заорали. — Вспомнишь — позовешь!

С ума посходили! Я догнал их, уходящих: послушайте, то, что его нет, еще ничего не значит, делайте же что-то, трясите Егоркина, он не может ничего не знать, трясите остальных, а особенно Сашкину сестру, точнее, мужа сестры. Темный он человек.

Что за город, подростки больше знают, чем милиция!..

Ушли. Уехали, помигав маячком. Один. Ну, как желаете.

— Вовка, — я подошел к машине. — Вовка, ты со мной не пойдешь. Лучше тебе вообще уехать отсюда, встань вон там, на повороте, только фары не гаси. Понял, сокол?

— Товарищ прапорщик! — Он всхлипывал.

— Что ты ревешь? Страшно?

— Товарищ прапорщик, пожалуйста, не ходите, ну я вас очень прошу, а, товарищ прапорщик!

— Закрыл бы ты рот, солнце мое, — посоветовал я, взял фонарь и побрел туда, откуда полтора часа назад донеслось до меня дуновение чужого запаха. Лес. Черный в ночи, пустой. Стволы, как мраморные колонны. Скоро будет тепло, но сейчас еще межсезонье, апрель, холодно. Чавкает под подошвами весенняя грязюка, местами во мраке сереет снег. Противно. Сейчас бы чайку горячего с моими любимыми эклерами, в ванне посидеть, выкурить ароматную сигарету и лечь спать. Лучше, если не в одиночку.

Ага, а вот и домик! Все-таки не обмануло чутье, все-таки есть!.. Бледно светится окно, ветерок колышет шторы. Тихо как... Дверь заперта. Я осторожно приблизился к мерцающему окну и заглянул. Свечи. Три штуки в бронзовом подсвечнике. Красивая комната. Тело на кровати.

— Эй! — позвал я.

Не шевельнулась. Озираясь, как воришка, я выдал стекло и, порезав пальцы, перемахнул внутрь через подоконник. Так и есть — она. Страшно исхудавшее тело, окутанное полупрозрачной розовой тканью. Серебристые туфли на «шпильках». Розовый парик. Лицо раскрашено. Но это она. Совершенно точно. Без сознания, а может, и в коме. Морщась от едкого запаха каких-то лекарств, я разорвал розовую ткань и увидел синяки и глубокие царапины на бледной синюшной коже. Пятна страшного цвета. Похожие на ожоги. Может, ожоги и есть... Что, ч-т-о он делал с ней, Господи?!..

Меня не вырвало, но я был очень к этому близок. Снял парик, закутал девушку в одеяло, посчитал пульс: пятьдесят два. Дышит еле-еле... Открыл дверь, вышел. Вовка нужен, я ее один не донесу, ноги подкашиваются.

— Вовка! — громко позвал я, но он был далеко.

И тут!.. Я его не ждал, не чуял, потому что он и сам был под кайфом. Он ударил сильно. Прямо в затылок. Тяжелым. Или у него кулаки такие... Все поплыло, и я схватился за косяк. Сейчас я тебя увижу, тварь. Медленно обернулся. Он стоял позади меня, и сияние абсолютной доброты, исходящее из его глаз, жутко не вязалось с кошмарным оскалом рта.

Меня даже передернуло. Он тянулся, поднимал что-то с пола, из угла, но я боялся оторвать взгляд от его лица и не видел, что это.

— Кирик! — сказал я больше с удивлением, чем с испугом. — Да ты что, Кирик? Крыша у тебя поехала?..

Я был настолько поражен, что забыл про «макаров» под мышкой, а когда вспомнил, было поздно: взвизгнув, как псина, он бросился на меня. Я отскочил, но топор в его руках продолжил свой полет в холодном воздухе, и в следующую секунду я ослеп от боли. Я даже не понял, куда именно вонзилось отточенное лезвие, в грудь, в живот? Это было неважно. Рот пугающе быстро наполнился кровью, я сплюнул, ощутив вдруг страшную тошноту, упал на колени, потом на бок. Он вновь замахнулся, но я в животном ужасе шарахнулся в сторону, и он лишь задел меня. Господи, спаси!.. Я не хотел умереть за правое дело, я не хотел умереть героем, я не хотел умереть красиво, я хотел остаться здесь, на этой планете, жить, чувствовать, радоваться тому, что я есть. А там — пустота. Или мир иной. Не хочу. Никакого иного мира! Я, наверное, никого еще не любил, кроме себя. Ничего на этом свете еще не создал. Ничего толком не сделал. За что? Пощади, Господи!.. Уворачиваясь от ударов, я откатился в сторону, воя от боли, полез под мышку, вляпался в теплое и мокрое, задрожал от ужаса и чуть не заплакал. А вдруг не сработает ПМ, захлебнулся в крови?

Зверь остановился надо мной, я взгляделся в его добрые, со слезой сострадания глаза и неожиданно для себя ясно увидел все, что он сделал: и то, как он купил за стакан самопального злого зелья своего постоянного клиента Егоркина, заставив его припутнуть дурочку девчонку, а потом специально затеять драку, чтобы попасть в милицию, и то, как приютил несчастную в своем доме, давая ей вдоволь сладкого чая, вызывающего дурман, и то, как узнал окольными путями, что в райцентре объявился Сашка и что он бегаёт, задает вопросы и поднимает шум, и то, как позвал Сашку к себе, рассказав ему страшную историю про подонков, грозящих убить его любимую, если не вернет какие-то несуществующие деньги, и все остальное, включая липовый сердечный приступ и последний Сашкин путь на виляющем в непослушных руках «Урале»... И еще то, ЧТО именно добрый человек с ангельскими глазами вытворял с бесчувственным телом, называя его ласково «мой цветочек... моя спящая красавица...» Он замахнулся, нежно и сочувственно улыбаясь мне, и я, прекрасно понимая, что это — последний раз, что теперь он попадет мне точно по темени, вырвал из кобуры невероятно тяжелый пи-

столет, закрыл глаза и выстрелил. Никогда я не стрелял в живое и надеялся, что не придется. Пришлось.

Стало тихо, потом что-то отвратительно мягкое с шелестом рухнуло на пол, краем задев меня. Я открыл глаза, и снова пришла на мгновение отступившая боль. Потом мне скажут: «Игорек, ты просто снайпер — попал ему точно в лоб. Молодец. Мы тобой гордимся». А тогда — я лежал в луже собственной крови, стонал и звал на помощь, а потом потерял сознание и не слышал, как вернулась милицмейская машина, которую не поленился догнать мой Вовка, не чувствовал, как меня поднимают и бегом тащат к шоссе, не ощущал колдобин и не помню, как врач штопал мои кишки. Помню — мы с Богдановым играем в палате в «дурака». Он сидит на краю моей койки и очень серьезно тасует колоду, приговаривая: «Не подглядывайте, товарищ прапорщик!», а у самого на лице — непреходящее чувство вины, и это меня страшно забавляет, но смеяться я не могу: больно. Сестра приносит телефон: «Вот, вы просили». Конечно, просил. Улыбаясь, набираю номер:

— Алло, девчата, сделайте мне на пять минут «Янтарь», авиаполк.

Жду. Вот приедет она, будет нам о чем поболтать...

— «Янтарь», слушаю.

— Здрасьте, барышня. Как бы мне услышать полковника Данкова?

— Данкова? Это который по спецсвязи, что ли? Так он же уехал.

— Куда?!

— А я не знаю, товарищ. Командировка у них закончилась, и уехали они.

— А Катя, дочка?

— И она тоже, конечно. Вроде в Москву. Отпуск у нее закончился. А кто это спрашивает?

— Скажите, а вы номер, номер части, где служит Данков, знаете?

— Лично я — нет. Соединить с дежурным по полку?

Уехала, значит... А есть ли смысл сейчас ее искать? Если и примчится, то из чувства долга, а мне так не надо.

— Нет, девушка, спасибо. До свидания.

Я положил трубку и подмигнул Богданову:

— Не кисни, парень.

Главное, девчонку вытащили, а остальное как-нибудь утрясется. И еще я помню: он согласился со мной, но в «дурака» все-таки поддавался, и я обыграл его раз десять, словно оправдывая поговорку насчет карт и любви...

К Дню Воздушного Флота

Записки добровольца

Военный конфликт между Северной и Южной Кореей возник летом 1950 года. Эта война продолжалась ровно три года и один месяц. В ней погибло около четырех миллионов человек. Существовала угроза перерастания конфликта в третью мировую войну, поскольку в ней участвовали США и СССР. Вооруженные силы США задействовали все рода войск — несколько сот тысяч военнослужащих. Советский Союз направил в Корею отдельный авиационно-истребительный авиакорпус, куда входили несколько зенитно-артиллерийских дивизий, зенитно-прожекторных полков, радиотехнических батальонов, госпиталей и две-три сотни инструкторов в частях вооруженных сил КНДР.

В боевых действиях активно участвовали зенитчики и летчики. В составе 64-го истребительного авиационного корпуса (иак) они противостояли мощной 5-й воздушной армии США и авиации Австралии, Канады, Англии, Южной Кореи и Южной Африки. Американские ВВС активно вступили в боевые действия 27 июня и сразу же, частично уничтожив авиацию Северной Кореи на аэродромах, завоевали полное господство в воздухе. Войска Северной Кореи несли большие потери от налетов авиации США. Правительство КНДР обратилось к руководству СССР за помощью для воздушного прикрытия своих войск. Прямое участие советских авиачастей, укомплектованных лучшими летчиками, в основном истребительной авиации, могло в корне изменить положение в небе страны. Сталин негласно дал добро на такую поддержку. В результате в конце октября 1950 года, на базе авиачастей советских ВВС, которые дислоцировались в Северо-Восточном Китае, были созданы две авиадивизии, составившие основу 64-го иак. Возглавлял корпус генерал-лейтенант авиации Иван Васильевич Белов. Первоначально части корпуса располагались на 3 авиабазах Северо-Восточного Китая: в Мукдене, Аньшане и Ляояне.

Боевые действия летчики 64-го иак начали 1 ноября 1950 года на реактивных истребителях МиГ-15 и МиГ-15-бис. С этого времени безраздельному господству американцев и их союзников в воздухе пришел конец.

Предлагаем читателям воспоминания летчика-истребителя АБАКУМОВА Бориса Сергеевича, сбившего 15 американских самолетов.

Раннее утро 12 апреля 1951 года. Мы на аэродроме Мяу-Гу. Технический состав задолго до нашего прибытия опробовал двигатели и подготовил самолеты к боевым вылетам. Инженеры авиационных полков Федор Кругляков и Виктор Казанцев всегда нацеливали технический состав на содержание боевой техники в образцовом порядке. Техников самолетов не приходилось уговаривать, они видели, как летчики выматывались за день, ежедневно рискуя жизнью. Я, например, доверял своему технику самолета Анатолию Микрюкову, как говорят, больше, чем самому себе.

Прекрасный рассвет в этих местах. Легкий, прохладный ветерок забирается за воротник. Днем будет очень жарко и влажно, чувствуется близость моря. Дальние посты наблюдения и локационные станции начинают сообщать воздушную обстановку. Первые сообще-

КАЛЕЙДОСКОП

ния говорят о том, что денек будет жаркий. На аэродроме стоит напряженная тишина. Летное поле, окаймленное с северо-востока невысокими сопками, еще дышит утренней прохладой, по его краю ползают заправщики. В капонирах работает техсостав, срочно ремонтируют фюзеляжи и плоскости реактивных истребителей, пробитые пулями.

... Командный пункт сообщает, что в наш район движется очень большая группа самолетов противника — тип не известен. На КП Иван Никитович Кожедуб принимает решение — выслать разведку. И вот с бетонной полосы аэродрома с оглушительным ревом уходит в небо шестерка МиГов. Секунда, две и... все смолкло, только марево от разогретых выхлопных струй реактивных двигателей.

Сидим в кабинах — готовность номер 1. В наушниках шлемофона сквозь хаос морзянки четко слышатся доклады летчиков воздушной разведки. Оказывается, обнаруженная группа самолетов противника шла на малой скорости для маскировки, и была не что иное, как американские реактивные истребители Ф-86 «Сейбр». Они шли в плотном строю, что создавало на экранах наших локаторов имитацию полета бомбардировщиков. Они хотели вызвать на себя наши истребители, связать их боем, а тем временем настоящие бомбардировщики вышли бы со стороны моря на боевой курс для уничтожения моста. И, действительно, разведчики сообщили, что над морем обнаружена группа бомбардировщиков, следующая «колонной ромбом» в направлении дельты реки Ялуцзян.

Американские «летающие крепости» прикрыты плотным кольцом реактивных Ф-84 и Ф-80. Первая группа противника, обнаруженная нашими разведчиками, набрала скорость и вышла на прочесывание района. Наши разведчики пошли в атаку на колонну бомбардировщиков. Лев Иванов поджигает одну «летающую крепость», ведя огонь по моторам. Его напарник, Саша Кочегаров, добавляет ей порцию снарядов. Бомбардировщики медленно разваливаются на куски и огненным факелом идут к земле.

Итак, мы все в воздухе. Кожедуб с командного пункта руководит боем, на-

Первый слева Борис АБАКУМОВ, третий — Иван КОЖЕДУБ, 1951 г.

целивает всех на подходящие к району моста бомбардировщики.

В налете участвовало 150 истребителей и 48 «летающих крепостей». С нашей стороны поднялось в воздух 44 истребителя — все, что мы имели. Вот уже первые факелы огромных машин потянули за собой дымные следы к земле. Бой разгорелся на всем маршруте следования бомбардировщиков. Американские истребители не торопились выручать своих братьев, носились по внешнему кольцу этой орбиты и ждали удобного момента — кого бы из наших «подхватить» в прицел.

Моя четверка вышла выше строя бомбардировщиков и сразу ринулась в атаку сверху. Я брал в прицел сразу два Б-29 по стороне их ромба. В первой атаке дистанция открытия огня у меня была 1100 метров, выход из атаки — 400 метров. Последующие атаки по дистанции были вполвину ближе к цели, от струй винтов бомбардировщиков даже переворачивало машину на спину. Я видел, как мои снаряды вспарывали плоскости вражеских машин. Бомбардировщики, не выдержав наших атак, сбрасывают многотонные бомбы, не доходя до цели. Вздрыбленная земля медленно оседает пыльным облаком, дым достигает 2000 метров. Один из бомбарди-

ровщиков резко отворачивает от боевого курса и, отстреливаясь всеми башнями, идет в сторону нашего аэродрома. Наш аэродром прикрыть некому. Немедленно перевожу свой самолет в атаку на противника. Сблизился с бомбардировщиком, дал очередь из всех пушек и сразу же опустил нос самолета, чтобы видеть цель и трассу. Недолет, трасса метра на три отстала от хвоста Б-50 (модификация Б-29) и пошла в сторону аэродрома. Смотрю, снаряды летят прямо на бетонку. Когда снаряды стали рваться на аэродроме, все, кто был на земле в этом районе, бросились в щели. Потом сделали вывод, что пренебрегать укрытием в боевой обстановке не следует.

Доворачиваю свой истребитель во внутреннюю сторону разворота и перехожу в атаку еще раз. Ведомого рядом давно не вижу. Взял поправку в прицеливании и выпускаю весь боекомплект из трех пушек в хвост противнику, хвост разваливается на глазах. Экипаж оставляет «летающую крепость» и спускается на парашютах. Один парашют чуть не попал под удар моего самолета, едва успел резко отвернуть вверх и в сторону. Бой продолжался. Мелькали истребители перед глазами: где земля, где небо — все смешалось в этой адской карусели. Боекомплекта больше нет, но

из боя выходить нельзя. Передаю на КП: «Орехов нет». Кожедуб командует: «Из боя не выходить!» Вижу пара «Тандержетов» пыгается зайти в хвост паре наших МиГов. Спешу на помощь своим, захожу в хвост противнику. Сблизился настолько, что заклепки можно было на швах считать, но стрелять нечем. Увлечшись погоней, не сразу заметил, как ко мне в хвост пристраивается пара «Сейбров». С 300 метров они открыли огонь по моему МиГу. На каждом самолете у них имелось по 6 крупнокалиберных пулеметов. Это я сразу почувствовал, когда пули забарабанили по плоскостям. Сделал резко полубочку и энергично вывел машину из пикирования на высоте 800 метров. «Сейбры» на выходе из пикирования провалились ниже меня и немного отстали. Мой покалеченный МиГ с сильным правым креном несся к аэродрому. В плоскости была огромная дыра. «Сейбры» пытались меня догнать. Вот и аэродром. Слышу Кожедуба с КП: «Одиночка, одиночка! Сзади пара «Сейбров». Отвечаю: «Вижу», разворачиваюсь в сторону зенитного огня прикрытия аэродрома. «Сейбрам» это не нравится и они отстают. Я благополучно приземляюсь. В этом бою американцы не достигли успеха. Мы сбили 13 «крепостей» и 6 истребителей противника. До десятка Б-29 получили повреждения. Несколько самолетов разбились при посадке в районе Сеула.

Наступил январь 1952 года. К нам прибыла смена — летчики из дивизии ПВО Е. Я. Савицкого, занявшие по боевой подготовке первое место. Мы старались как можно лучше ввести в строй своих сменщиков: прочитали курс лекций о работе в этом районе, о действиях противника и наших контрприемах, о различных тактических тонкостях боя с разными типами самолетов. После теоретических занятий начался облет района боевых действий и ввод в строй вновь прибывших товарищей.

Утром 7 января мой ведомый заболел, и мне дали в ведомые командира звена Ивана Химченко. Только сели завтракать, тут ракета — по самолетам... Получилось как в фильме «В бой идут одни старики». Я вылетел последней парой, прикрывая пару заместителя командира полка Алексея Митусова. Нашей группе надо было выйти на самый

верх и сбросить оттуда вниз всех «Сейбров». Смотрю, уже со взлета первые группы вступили в бой. «Сейбров» пришло много, до 150. Зашли они в «воронку» — в мертвую зону, где наши локаторы не определяли цель. Пустили для приманки в инверсию шестерку, а остальные расположились над ней и выше. Нас вылетело 8 пар, все, что осталось от полка. Мой ведомый на одном из разворотов совсем отстал. Я один продолжал прикрывать пару Митусова. Наша тройка шла в глубь Кореи на высоте 12000 метров, вижу: навстречу, немного выше идут 12 «Сейбров». Только встретились с ними, они делают полупереворот и пытаются атаковать нас сзади. Плавно переводим свои машины в набор высоты и оставляем противника внизу. Появилась еще восьмерка «Сейбров» выше нас на встречном курсе, а скорость нами потеряна. «Сейбры» зашли нам в хвост. Обстановка сложилась критическая. Надо во что бы то ни стало удержать господство в высоте над противником. Это облегчит бой всей нашей группе, а скорости нет, нет и маневра. Принимаю решение отвлечь восьмерку на себя, чем обеспечить возможность активных действий паре Митусова. Передаю по радио свое решение и начинаю маневр. Вся восьмерка устремилась за мной. Высота 14000 метров, резко свалив машину на левое крыло, я пошел вниз, набирая скорость. Оказалось, что еще выше шел третий эшелон противника — там была четверка «Сейбров». С ними завязали бой Алексей Митусов и Миша Боровков. Они сбили одного «Сейбра», а остальных сбросили вниз. Таким образом, задача была выполнена.

Теперь Митусов мог помочь мне, но было уже поздно... Я вел бой с восьмеркой противника один. Мне удалось сбросить пару «Сейбров» с хвоста, перейти в атаку и открыть прицельный огонь по ведущему. При выходе из атаки от большой перегрузки я кратковременно потерял ясность сознания, когда зрение восстановилось, результата атаки не увидел. Противника впереди не было. Не успел я как следует посмотретья, как по моей левой плоскости забарабанили пули, кисть левой руки, находящаяся на секторе газа, получила сильный удар и почему-то стала

очень тяжелой. Какая-то серая пелена встала перед глазами. Я дал рули резко вправо на выход из-под обстрела. Кабина разгерметизировалась, это чувствовалось по давлению на уши. Посмотрел назад и увидел пару противника, из-под огня которой я только что выскочил. Сделал маневр и перешел в атаку на нее, но получил порцию пуль от другой пары противника, которой не видел в тот момент. Приборная доска в моей кабине загорелась. Взял ручку управления на себя, но самолет не слушался. Огонь в кабине усиливался, управление отказало. Самолет шел с набором высоты и левым креном. Следующая очередь перебила мне плечевую кость левой руки. Я почувствовал тупой удар по плечу и увидел, как белые обломки кости вылетели из раны. Принял решение катапультироваться. В наушниках слышу команду: «Уходи вверх», но самолет неуправляем, да и команды доходили до сознания словно сквозь туман, как будто они меня не касались. Взял правой рукой покалеченную левую, снял ее с ручки управления сектором газа двигателя и положил себе на колени. В этот момент увидел изуродованную кисть и болтающийся на коже указательный палец, оторванный бронебойной пулей. Сил не было поставить ноги на педали катапультируемого кресла, пришлось это сделать здоровой правой рукой. Отбросил с правого бока кресла предохранительную скобу и сбросил фонарь. В этот момент стрельба по мне прекратилась, видимо, фонарь попал по стреляющему. Я сгруппировался и нажал на спуск катапульты. Меня резко вдавило в сиденье. Слева послышался сильный скрежет в направляющей рельсе сиденья, видимо, пули повредили ее. Я вылетел из кабины под углом к горизонту. Правой рукой нащупал чеху привязных ремней и открыл ее. Ноги сразу отвисли, отделились от подножек, кресло отошло от меня. Можно было открывать парашют — автоматики у нас не было. При катапультировании сорвало кислородную маску, а высота была в пределах 12-14 тыс. метров. Дернул за кольцо раскрытия парашюта, но только вытащил его из кармана, от резкого движения потемнело в глазах, прижал пальцы к ляжке, чтобы не потерять вы-

КАЛЕЙДОСКОП

тяжной тросик, перекатом пальцев потихоньку стал вытягивать его.

Через некоторое время меня сильно рвануло, и парашют раскрылся. Пока я открывал парашют, потерял много высоты, что облегчило мое положение. Сорванная кислородная маска, шлангом пропущенная под лямки парашюта, болталась на груди, и часть кислорода попадала ко мне в легкие. В тот момент сознание не могло подсказать, что кислородную маску надо было закусить зубами за специальный прилив и спокойно дышать.

После раскрытия парашюта осмотрел купол, вижу, пара «Сейбров» заходит на меня в атаку. Они немного не рассчитали, и мой купол парашюта остался внутри их радиуса разворота. Смешно сейчас вспоминать, но тогда я схватился за пистолет, чтобы принять бой. «Сейбры» меня проскочили и потеряли из виду. Глаза почему-то было трудно открыть, пришлось протирать ресницы здоровой рукой. Потом сообразил, что мешала замерзающая на лице кровь. Попытки удобнее сесть в подвесной системе парашюта приводили к потемнению в глазах. К концу спуска я плохо видел, сказалось кислородное голодание, различал только бело-серые пятна внизу, четкость ориентиров исчезла. Приближалась земля, я сгруппировал ноги для приземления и почувствовал, что на правой ноге нет унта. Успел поднять правую ногу и сильно ударился о землю. Скорость снижения была намного больше, чем при прыжках с тренировочным парашютом. Ноги заскользили по крутому склону сопки, и я, как на лыжах, проехался на ступнях по мелкому кустарнику, запорошенному снегом. Упал на левый бок и ударился головой о камни так, что даже разбил наушник шлемофона. От удара зрение восстановилось. Смотрю, передо мной сопки, покрытые снегом, а надо мной синее-синее небо, такое прозрачное и далекое, что я содрогнулся от отчаяния, что больше в него не поднимусь. На земле было 7 градусов мороза, а на высоте катапультирования минус 56...

Силуюсь растегнуть замок ремней парашютной подвески. Пальцы правой руки не гибнут, замерзли во время спуска. Подумал: «Можно их обломать» — и стал действовать осторожнее. С

большим трудом открыл замок ремней парашюта. Пытался крикнуть: «Тундже, томи», что в переводе — «товарищи», но получался не крик, а шепот. Услышал собачий лай, затем подбежал человек в синей одежде, по виду кореец, оступал мои карманы. Увидев над карманом куртки значок-флажок, что-то крикнул. Ко мне подбежало много людей, стали меня поднимать под руки. От их усердия перебитая кость плеча вылезла наружу. Я встал, и мы пошли к селению. Шел я сам, опираясь здоровой рукой на подбежавшего первым корейца. Чувствовал себя очень плохо. Вскоре мы пришли в фанзу, сев на пол у дверей, жестами попросил разрезать рукав куртки и обмундирования. Большими ржавыми ножницами рукава были распороты, и я увидел свою руку во всей красе: это был кусок растерзанного мяса с разбитыми косточками суставов. Я показал корейцам, что руку необходимо перетянуть жгутом и остановить кровь. Они разорвали мой шелковый шарф и перетянули предплечье. Мое состояние было препаршивое, я даже не вспомнил, что в карманах у меня лежат перевязочные пакеты.

Лежал на циновках, посланных на полу, под головой была подушка, набитая зерном чумизы, а подо мной все увеличивалась лужа крови — кровоточили ранения от осколков. Правую обмороженную руку растирал пожилой кореец, а ногу, с которой слетел унт, оттирал мальчуган лет семи. Через пару часов пришли два военных корейца с врачом, который сделал укол от столбняка. Вспомнил, что в карманах моих меховых брюк рассовано пять штук перевязочных пакетов. Жестами попросил врача сделать перевязку и повесить руку на перевязь. Лица корейцев были настороженно-удивленными, видимо, они думали, что я прошу их повесить меня. Пришлось быстрее повторить объяснение, пока они не привели в исполнение неправильно понятую просьбу. Наконец они меня поняли, заулыбались и принялись за дело. Через некоторое время пришла машина. На носилках меня положили в кузов. Я попросил, чтобы со мной положили парашют, который представлял некоторую техническую секретность и ценность. Хотя им не хотелось отдавать шелковый купол пара-

шюта, после небольшого замешательства мою просьбу выполнили.

Привезли меня в управление милиции какого-то населенного пункта и положили на пол у дверей. Через меня перешагивали люди, занятые своими заботами. Так я пролежал до ночи, пока за мной не приехали наши. Корейцы боялись везти меня днем. Китайские добровольцы, иногда со стрельбой, отбирали у корейцев спасенных наших товарищей, так как им за это выплачивалось вознаграждение.

Страшно хотелось пить, но пить мне не давали. За все время дали выпить только сырое куриное яйцо. Сильно болел пах, оказалось, при катапультировании повредил брюшную полость, но гораздо сильнее болела спина. Я лежал и смотрел в открытую дверь. Наступала темнота.

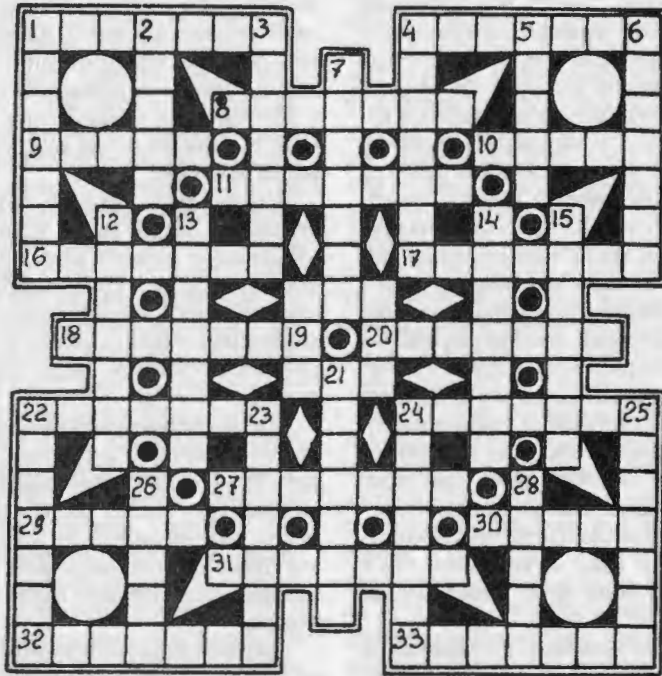
Часов в одиннадцать вечера за мной приехала машина с группой товарищей. Врач Михаил Барышников зашинурил руку, сделал уколы и отпустил жгуты, наложенные более 12 часов назад. Ткани руки не омертвели, помогло обморожение. Мне дали выпить стакан спирта.

Фрузовик кидало из стороны в сторону. Дорога была изрыта бомбами, и шоферу с трудом удавалось «плавно» вести машину. Я часто впадал в забытие. Было четыре часа утра, когда мы прибыли в госпиталь. Слышу разговор: «Пульс едва прощупывается на шее, какая группа крови?» Дальше команда — «В операцию! Я даю кровь». Это был начальник госпиталя Александр Ефимович Грелик. Кровь дали еще три товарища из медперсонала. В меня влили больше литра крови и столько же кровезаменяющей жидкости. Хотели ампутировать руку, но оставили. Гангрены не было, помогли антибиотики.

На следующий день меня посетили Иван Никитович Кожедуб и Николай Васильевич Петухов, которые поблагодарили за боевые действия и сообщили, что ходатайствуют о присвоении мне звания Героя Советского Союза.

Северная Корея 1951-1952 гг.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Фигура пилотажа, выполняемая в вертикальной плоскости. 4. Одно из первых советских авиастроительных предприятий, основанное в 1914 году в Москве. 8. Немецкий воздухоплаватель, конструктор дирижаблей, с 1931 года — председатель международного общества по исследованию Арктики. 9. Должность и чин в казацких войсках в XVII-XVIII вв. 10. Один из пионеров авиационного двигателестроения в России. 11. Устройство для установки деталей в заданное чертежом положение при сборке летательного аппарата. 16. Устанавливаемый на фюзеляже полый обтекаемый выступ из оптического прозрачного материала для обзора при поиске рыбных косяков, ведении ледовой разведки и т. д. 17. Один из первых русских летчиков, в 1909 г. построил самолет-моноплан. 18. Река в Польше, левый приток Одры. 20. Национальный парк в Индии, основанный в 1935 году. 22. Боеприпас для поражения живой силы и военной техники противника на дальности до 1000

метров. 24. Устройство для торможения объекта, движущегося в воздушной среде. 27. Часть крыла самолета от его конца до фюзеляжа. 29. Советский ученый и конструктор в области авиационной техники, создатель скоростного пассажирского самолета ХАИ-1 с убирающимися в полете шасси. 30. Наиболее яркая звезда в созвездии Лебедя. 31. Советский летчик, участник войн в Испании, на Халхин-Голе и Великой Отечественной, дважды Герой Советского Союза. 32. Лет-

чик, безукоризненно владеющий техникой высшего пилотажа. 33. Наружная оболочка фюзеляжа и крыла самолета.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Маршал авиации, трижды Герой Советского Союза. 2. Авиационная база США вблизи г. Омаха в штате Небраска. 3. Устройство для определения местонахождения различных объектов методом локации. 4. Обозначение самолетов, которые в 1911-1914 гг строил в своих мастерских и испытывал в полетах русский авиаконструктор И. И. Стеглау. 5. "Пятый..." — кинофильм режиссера И. М. Анненского о летчиках, поставленный в 1940 году. 6. Самолет с тремя несущими поверхностями (крыльями), расположенными друг над другом. 7. Автоматическое устройство для смягчения колебаний самолета. 12. Пространственное маневрирование летательного аппарата с целью выполнения фигур в воздухе. 13. Специалист по вождению самолетов, дирижаблей. 14. Советский конструктор авиационных и ракетных двигателей. 15. Комки рудных материалов сферической формы, применяющиеся в металлургии. 21. Советский воздухоплаватель, член экипажа стратостата "Осоавиахим-1" (1934 г.). 22. Летчик-испытатель, который работал с самолетами вертикального взлета и посадки типа "Турболет", а также готовил космонавтов к полетам. 23. Торжественное завершение какого-либо события. 24. Аэропорт в Санкт-Петербурге. 25. Узел газотурбинного двигателя, предназначенного для преобразования энергии газа во вращательное движение вала. 26. Модель, воспроизводящая в натуральную величину проектируемый летательный аппарат. 28. Авиационная фирма Великобритании, основанная в 1915 году.

ПО КРУГУ В ЦЕНТРЕ: 19. Авиационная спортивная организация по обучению спортсменов летному мастерству.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кувырок. 9. Велотур. 10. Австрия. 11. Шаг. 12. Виллас. 13. Абрамов. 14. Стадион. 17. Ответ. 20. Микст. 22. Откат. 23. Арена. 24. Росси. 25. Коби. 26. Эндю. 27. Батут. 28. Забег. 29. Рогов. 30. Ковер. 32. Выпад. 35. Перемах. 39. Касание. 40. Ерквич. 41. Вис. 42. "Часовые". 43. Садырин. 44. Лякросс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Мехико. 2. Можеев. 3. Кросс. 4. Вышка. 5. Регби. 6. Кабан. 7. Страйк. 8. Рипост. 15. Троеборье. 16. Остановка. 18. "Торнадо". 19. "Трактор". 20. Морозов. 21. Система. 30. Клапан. 31. Власов. 33. Прорыв. 34. Джигит. 35. Пепел. 36. Рывок. 37. Место. 38. Хейсс.

Для Николая Михайловича ГРИБАЧЕВА (1910-1992) нынешний год — юбилейный, год 90-летия. Он остался в истории литературы, в истории российского государства как поэт, публицист, общественный деятель, многолетний главный редактор журнала "Советский Союз".

Начинал в Карелии гидромелиоратором. В тридцать пятом году выпустил в Петрозаводске первую поэтическую книгу. Затем воевал на "незнаменитой" финской войне, участвовал в освободительном походе в Западную Белоруссию. Во время Великой Отечественной командовал саперным батальоном, был активным военкором фронтовых газет. Прошедшее и пережитое вылилось впоследствии в десятки книг, среди которых — "По дорогам войны", "Раздумье", "Белое — черное", "После грозы"...

Он дважды удостоивался Государственной премии СССР, в 1960-м стал лауреатом Ленинской премии.

В ОКОПЕ

*Бруствер песчаный смело снарядом,
Пуля свистящую тянет нить.
Раненый друг умирает рядом,
Бредит о сыне и просит пить.*

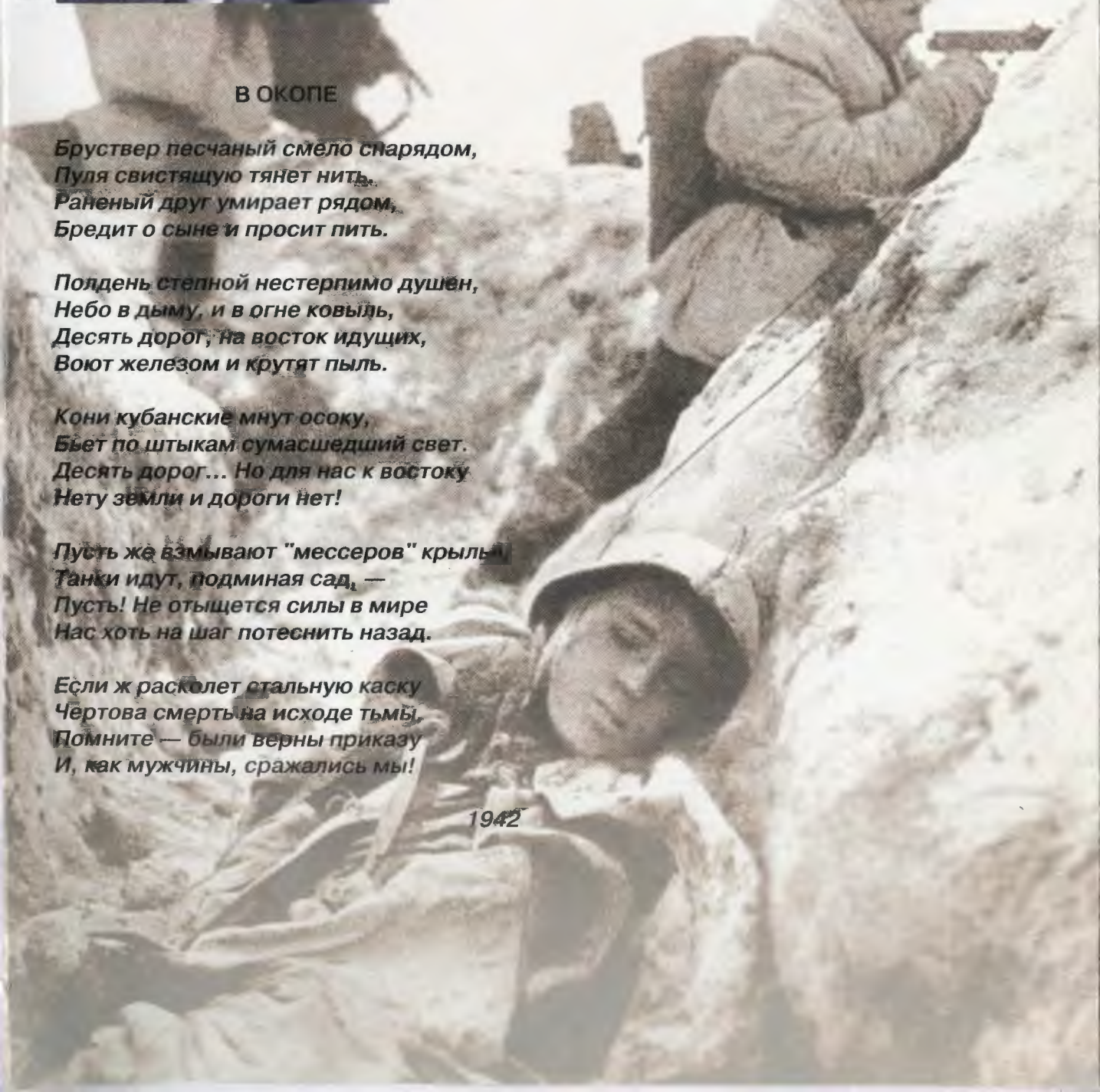
*Полдень степной нестерпимо душен,
Небо в дыму, и в огне ковыль,
Десять дорог, на восток идущих,
Воют железом и крутят пыль.*

*Кони кубанские мнут осоку,
Бьет по штыкам сумасшедший свет.
Десять дорог... Но для нас к востоку
Нету земли и дороги нет!*

*Пусть же взмывают "мессеров" крылья
Танки идут, подминя сад, —
Пусть! Не отыщется силы в мире
Нас хоть на шаг потеснить назад.*

*Если ж расколется стальную каску
Чертова смерть на исходе тьмы,
Помните — были верны приказу
И, как мужчины, сражались мы!*

1942

ПОДПИСКА ПРОИЗВОДИТСЯ ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ — 2000» В ПОЧТОВЫХ ОТДЕЛЕНИЯХ ИЛИ ПО КАТАЛОГУ РОСПЕЧАТИ «ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ КИОСКИ» (подписавшийся по данному каталогу получает издание в удобное для себя время в киоске, где произведена подписка).

НАЗВАНИЕ ИЗДАНИЯ	ИНДЕКС	СТОИМОСТЬ	ПЕРИОДИЧНОСТЬ ВЫХОДА
ЖУРНАЛ «НА БОЕВОМ ПОСТУ»	70610 индивидуальный	150 р.	ЕЖЕМЕСЯЧНО
	73175 коллективный	180 р.	
ГАЗЕТА «СИТУАЦИЯ»	50157	44 р. 22 коп.	ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
«ВОЙСКОВОЙ ВЕСТНИК»	73515	45 р.	3 РАЗА В ПОЛУГОДИЕ

ДАННЫЕ О ПОДПИСКЕ РАЗМЕЩЕНЫ
В КАТАЛОГЕ
НА СТР. 456 - 462

ISSN 0869-6403

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

ПОДПИСКА — 2000

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ
С ЛЮБОГО МЕСЯЦА

